

РУКОВОДСТВО
КЪ ОПЫТНОЙ
ПСИХОЛОГІИ,

составленное

Ор. Проф. Универ. Св. Владиміра

Орестомъ Новицкимъ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1840.

РУКОВОДСТВО
КЪ ОПЫТНОЙ
ПСИХОЛОГІИ,

составленное

Ор. Проф. Универ. Св. Владиміра

Орестомъ Новицкимъ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Кіевскій Ценсурный Комитетъ узаконеннаго число экземпляровъ.
Кіевъ, 1840 года, Іюля 19 дня.

Ценсоръ Александръ Федотовъ-Чеховскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Введеніе.	1.
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГІЯ.	10.
ГЛАВА I. Разлічіе между-бытіемъ тѣлеснымъ и духовнымъ.	11.
ГЛАВА II. Обзоръ различныхъ сторонъ челоѳческой природы.	16.
1. Тѣло,	—
2. Душа въ обширнѣйшемъ смыслѣ.	24.
а) Жизненная сила.	—
б) Душа въ тѣсномъ смыслѣ.	26.
aa) Душа въ тѣснѣйшемъ смы- слѣ	—
bb) Духъ.	29.
Соотношеніе различныхъ духов- ныхъ началъ въ челоѳкѣ.	—
ГЛАВА III. Опроверженіе матеріа- лизма.	35.

	<i>Стрин.</i>
ГЛАВА IV. Мѣстопребываніе души.	41.
ГЛАВА V. Основныя свойства души.	50.
Субстанціальность ея	—
Простота.	56.
ГЛАВА VI. Способности души.	62.
ЧАСТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.	86.
ОТДѢЛЪ I. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЯ СПО-	
СОБНОСТИ.	—
ГЛАВА I. Внѣшнее чувство.	88.
Общія понятія о немъ.	—
Допыльшняя теорія чувствен-	
наго наблюденія.	114.
Новая теорія чувственного на-	
блюденія.	123.
Ея разъясненіе.	126.
Дѣятельность разумѣнія запаен-	
ная въ чувственномъ наблю-	
деніи.	154.
ГЛАВА II. Самосознаніе или вну-	
пренное чувство.	155.

ГЛАВА III. Способность пред-	
ставлений. .	163.
1. Сила воспріятія.	164.
2. Память.	174.
3. Способность воспоминанія. .	179.
ГЛАВА IV. Воображеніе или фан-	
тазія.	194.
ГЛАВА V. Разумѣніе.	200.
1. Разсудокъ, какъ низшая сто-	
рона разумѣнія.	201.
а) Понятіе.	202.
б) Пониманіе.	213.
в) Сужденіе. .	219.
г) Выводъ слѣдствій. .	227.
Сущность разсудка и мышленія.	232.
ГЛАВА VI. Способность осп-	
рошь .	242.
ГЛАВА VII. Высшая сторона ра-	
зумѣнія, или .	
2. Разумъ.	252.
ГЛАВА VIII. Познательныя спо-	

— XII —

	<i>Стран.</i>
способности вообще.	283.
ОТДѢЛЪ II. ЧУВСТВОВАТЕЛЬНЫЯ	
СПОСОБНОСТИ.	287.
ГЛАВА I. Чувствованія во-	
обще.	—
ГЛАВА II. Ощущенія. .	299.
ГЛАВА III. Чувствованія въ	
пѣснѣишемъ смыслѣ. . .	311.
1. Естественныя или животныя.	315.
2. Святыя. .	335.
ГЛАВА IV. Темпераментъ.	343.
ОТДѢЛЪ III. ЖЕЛАТЕЛЬНЫЯ СПО-	
СОБНОСТИ. . .	354.
ГЛАВА I. Воля вообще.	—
ГЛАВА II. Тѣлесное выраженіе	
воли.	358.
а) Взглядъ.	359.
б) Движеніе мышцъ. . . .	363.
в) Голосъ.	372.
г) Тѣлодвиженіе. . . .	378.
ГЛАВА III. Свободная воля. . .	383.

— XIII —

Стран.

ГЛАВА IV. Природное располо-	
женіе.	 410.

1. Природное расположеніе выс-	
шихъ возбужденій.	423.

2. — — — — низшихъ.	. 433.
---------------------	--------

ГЛАВА V. Характеръ	445.
--------------------	------

1. Чувственный характеръ че-	
ловѣка. .	454.

2. Характеръ духовный. .	457.
--------------------------	------

В В Е Д Е Н І Е

§ 1.

Психологія есть ученіе о природѣ человѣческой души. Подъ именемъ природы нашей души мы разумѣемъ различныя свойства ея: духовность, простоту и проч. и ея способностей, именно сознаніе и волю съ ихъ разнообразными видоизмѣненіями.

§ 2.

Психологія, по своему содержанію, находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ, а именно:

а.) Къ *Исторіи души*. Обѣ эти науки поставляютъ своимъ предметомъ жизнь человѣческой души, но съ различныхъ ея сторонъ: *Исторія души* разсматриваетъ въ ней періодическія и необыкновенныя состоянія, разсматриваетъ то, чѣмъ она *бываетъ* и что испытываетъ въ себѣ; а *Психологія* изучаетъ постоянный и нормальный образъ ея существованія, изучаетъ то, что она по своему родовому характеру *есть* и какъ дѣйствуетъ.

б.) Къ *Антропологіи и Физіологіи*. Психологія и Физіологія суть двѣ соподчиненныя части *Антропологіи*, какъ науки о человѣческой природѣ вообще. Двѣ эти части *Антропологіи* не разграничиваются такъ рѣзко, чтобы одна изъ нихъ занималася исключительно разсмотрѣніемъ духовной, а другая тѣлесной стороны нашей природы; различіе между ними состоитъ въ томъ, что первая собственнымъ своимъ предметомъ по-

ставляетъ духъ и чисто духовныя дѣйствія, а послѣдняя—жизненную силу и жизненныя отправленія съ ихъ орудіями; но животную душу съ чувственными отправленіями и органами разсматриваютъ обѣ эти науки совмѣстно; впрочемъ и здѣсь Физиологія обращаетъ болѣе вниманія на органическій механизмъ, а Психологія—на духовный ходъ чувственныхъ отправленій. Исключительное разсмотрѣніе человѣческаго тѣла есть предметъ Анатоміи.

в.) Къ Логикѣ, Эстетикѣ и Этикѣ Психологія относится какъ необходимая ихъ основа, на которой они строятъ свое ученіе. Логика излагаетъ законы мышленія, Эстетика—законы чувства, Этика—законы нравственной дѣятельности; а отдѣльные акты мышленія, чувства и воли, которые должны подчиняться этимъ законамъ, анализируются и изъясняются въ Психологіи.

Психологія есть наука *опытная*, и потому источникомъ для ней должны служить опытъ внутренній и внѣшній и аналогическіе выводы изъ наблюденій надъ другими людьми.

Для Психологіи, какъ вообще для всѣхъ наукъ, которыхъ всеобщія понятія не заключаютъ въ себѣ частныхъ, а напротивъ сами въ нихъ заключаются, нѣтъ другаго источника познанія, кромѣ опыта; только такая наука, какъ **Математика**, у которей всеобщее включаетъ въ себѣ свои частности, допускаетъ построеніе предъопытное.

Опытъ указываетъ намъ только на частныя явленія, однакожъ онъ можетъ привести насъ и къ общему, *научному познанію*, потому что и все индивидуальное, подпадающее наблюденію, содержитъ въ себѣ общее, или родовой характеръ, такъ какъ частное есть толь-

ко особое проявленіе общаго: то же должно сказать и объ индивидуальныхъ явленіяхъ человѣческаго духа, подлежащихъ самосознанію; и въ нихъ выражается родовой характеръ человѣческаго духа, повторяющійся въ каждомъ индивидуумѣ, и составляющій его основобытіе (субстанцію).

§ 4.

Самонаблюденіе, какого требуетъ Психологія, по вѣдимоу не представляетъ собою занятія труднаго, *во первыхъ* потому, что предметомъ самонаблюденія для каждаго человѣка есть онъ самъ; *во вторыхъ* потому, что у каждаго человѣка уже находится какой-либо запасъ психологическихъ свѣдѣній.

Но на самомъ дѣлѣ, въ психологическомъ самонаблюденіи встрѣчаются такія трудности, какихъ не представляютъ изслѣдованія другаго рода. То самое обстоятельство, (отъ котораго по види-

тому зависить особенная легкость психологических изслѣдованій), что каждый человекъ есть самъ для себя предметъ и содержаніе психологическихъ наблюденій, составляетъ одну изъ главѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ самонаблюденія, потому что человекъ меньше всего знаетъ то, что онъ есть. Чтобы наша душа могла наблюдать саму себя, для этого ея мысль, ея сознаніе должно быть обращено на нее же самую. Между тѣмъ,

а.) Познаніе, пріобрѣтаемое нами такимъ образомъ о нашей душѣ, совсѣмъ не *такъ ясно*, какъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и другихъ предметахъ положенныхъ внѣ души. Познаніе объ этихъ предметахъ можетъ быть для насъ яснымъ^а отъ того, что они противопоставляются нашей душѣ, какъ нѣчто отличное отъ нея. Но наше я не можетъ само себя противопоставить себѣ, какъ внѣшній пред-

метъ. Правда, что при самонаблюденіи возможно нѣкоторымъ образомъ раздвое-
ніе и самопротивопоставленіе нашего
сознанія, потому что въ немъ, кромѣ
акта наблюденія, должны также про-
должаться дѣйствія наблюдаемыя; по
при такомъ раздѣленіи сознанія обыкно-
венно ослабляется сила и живость на-
блюдаемыхъ имъ психическихъ явленій.

б.) Тогда какъ во внѣшнемъ мірѣ
предметы представляются намъ въ раз-
дѣльности, міръ внутренній сначала яв-
ляется предъ внутреннимъ окомъ само-
наблюденія въ совершенномъ смѣшеніи.
Наконецъ,

в.) Трудность самонаблюденія происхо-
дитъ отъ особенной быстроты и мимолет-
ности нашихъ внутреннихъ явленій.

§ 5.

Достоинство психологическихъ изслѣ-
дованій можетъ быть двоякое: *внѣшнее*,
или польза ихъ относительно жизни, и

внутреннее, или наслаждение, какое заключается просто въ знаніи.

а.) *Польза Психологіи* несомнѣнна, потому что познаніе людей безспорно есть самое важное искусство для человѣка во всякомъ состояніи и званіи. Конечно, искусство познавать людей и наука о человѣческой душѣ (Психологія) суть двѣ различныя вещи. Въ психологахъ — теоретикахъ нерѣдко даже замѣчается значительный недостатокъ практическаго знанія людей, потому что теоретики обыкновенно живутъ въ мірѣ отвлеченностей и легко теряютъ изъ виду особенности и частности: но это не значитъ, что ихъ понятія и положенія, бывъ переданы въ руки практиковъ, должны и здѣсь оставаться безплодными для жизни.

б.) Высшее достоинство знанія заключается въ самомъ знаніи. А между тѣмъ важнѣйшій и занимательнѣйшій въ природѣ предметъ для человѣческаго

познанія есть самый человекъ, и именно — тайна его духа. Мы достигаемъ высшаго духовнаго наслажденія, когда не просто существуемъ, какъ создала насъ природа, а существуемъ *съ сознаниемъ* того, *что* мы по своей природѣ. Самое богатство нашей духовной жизни становится богатствомъ *нашимъ* только въ той мѣрѣ, въ какой мы знаемъ объ этомъ богатствѣ; что таится въ насъ безсознательно, почти не есть наше.

§ 6.

Природу человѣческой души можно наблюдать и изучать или въ цѣломъ, или со стороны частныхъ ея способностей и ихъ отправленій. На этомъ основаніи можно раздѣлить Психологію на двѣ части:

I. на общую и

II. частную Психологію.

О Б Щ А Я

П С И Х О Л О Г І Я.

§ 7.

Общая часть Психологіи, для установленія надлежащаго понятія о душѣ вообще, должна I-е обозначить различіе между бытіемъ тѣлеснымъ и духовнымъ; II-е обозрѣть главныя стороны человѣческой природы; III-е рассмотреть и опровергнуть матеріалистическія понятія о душѣ; IV-е указать мѣстопребываніе души въ тѣлѣ; V-е объяснить и утвердить понятія о коренныхъ свойствахъ души, — ея субстанціальности и простотѣ; и наконецъ VI-е указать на разнообразіе способностей души и ихъ существенную основу.

Г Л А В А I.

РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ БЫТІЕМЪ ТѢЛЕС- НЫМЪ И ДУХОВНЫМЪ.

§ 3.

Человѣческая природа совмѣщаетъ въ себѣ двоякое бытіе, тѣлесное и духовное. Различіе между тѣмъ и другимъ бытіемъ вообще можно обозначить слѣдующими чертами:

а.) Тѣлесное бытіе мы наблюдаемъ посредствомъ *внѣшнихъ* чувствъ; а бытіе духовное воспринимается *внутреннимъ* чувствомъ. Но это различіе, зависящее отъ различія въ способъ нашего познанія, есть только *субъективное*; и притомъ, это не есть еще различіе *строгое*, потому что, съ одной стороны, есть много веществъ, которыя по своей тонкости ускользаютъ отъ на-

шихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а съ другой—вышнее чувство не только посредственно, при пособіи аналогическихъ заключеній, вводитъ насъ въ кругъ жизни и дѣятельности стороннихъ душъ, но наблюдаетъ ихъ даже непосредственно, по крайней мѣрѣ во взорѣ другихъ людей, а можетъ быть и въ другихъ чувственныхъ дѣйствіяхъ.

§ 9.

б.) Духъ и тѣло существуютъ *во времени*, или что тоже, въ своемъ дѣйствительномъ существованіи ограничиваются моментомъ настоящаго; только въ мысляхъ духъ возвышается къ воспоминанію о прошедшемъ и къ предчувствію будущаго.

в.) Тѣло занимаетъ *въ пространствѣ* мѣсто, подлежащее измѣренію, во всякое время имѣетъ определенное разширеніе въ пространствѣ, есть нѣчто *про-*

тяженное; духъ не занимаетъ мѣста, съ точностію измѣряемаго, существуетъ въ кругу неопредѣленномъ, однакожъ *небезграничномъ*.

г.) Тѣло, впрочемъ не безъ исключенія, *плотно*, непроницаемо для другихъ тѣлъ; духъ можетъ существовать въ одномъ мѣстѣ съ другимъ бытіемъ, тѣлеснымъ, и въ своемъ ограниченномъ кругу *вездѣсущъ*.

§ 10.

д.) Тѣло *сложно*, или состоитъ изъ частей, если не всегда изъ дѣйствительныхъ, другъ внѣ друга лежащихъ, то по крайней мѣрѣ такихъ, которыя можно *различать* однѣ отъ другихъ; а духъ есть существо *простое*, *неимлющее частей*, *индивидуальное*. Какъ индивидуумъ, онъ не имѣетъ даже различаемыхъ частей; все его разнообразіе сомкнуто въ его центрѣ, сдѣлалось *единствомъ*; онъ имѣетъ только стороны. **Впро-**

чемъ, стремленіе къ объединенію частей въ центрѣ начинается уже въ нѣкоторыхъ неорганическихъ веществахъ и мало по малу осуществляется въ восходящемъ порядкѣ растительныхъ и животныхъ душъ.

§ 11.

е.) Тѣло само по себѣ не имѣетъ движенія, подвержено закону бездѣйствія; духъ движится самъ по себѣ; однакожь и тѣло не лишено внутренняго основанія или внутренней силы движенія; и потому оно не есть *мертво*, а только не имѣетъ само въ себѣ возбужденія.

ж.) Тѣло для своего движенія требуетъ *толчка и раздраженія*; толчекъ необходимъ въ движеніяхъ его *механическихъ*, а раздраженіе — въ *динамическихъ*. Для духа нужны *раздраженія и побужденія*, первыя — въ его проявленіяхъ *необходимыхъ*, а послѣднія — въ *свободныхъ*.

з.) *Тѣло слѣпо и необходимо, а духъ, впрочемъ только отчасти, и такъ сказать, только на своей вершинѣ, сознательнъ и свободенъ.*

§ 12.

Тѣлесное и духовное бытіе въ *человѣкѣ*, по субстанціи, различаются *численно*, т. е. суть *два* различныя стороны его, а по роду, они различаются не безусловно, а только *степенями* своего развитія: бытіе тѣлесное есть самая низшая, а *человѣческій духъ* самая высшая степень развитія общей силы природы. Качественное различіе между ними есть *видовое*, а не родовое; т. е. *тѣло и духъ* суть два главные вида или явленія первой и основной субстанціи природы и потому оба выражаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же родовой ея характеръ, характеръ живой силы, ограничиваемой пространствомъ и временемъ.

Г Л А В А II.

ОБЗОРЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СТОРОНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

1. Т Ъ Л О.

§ 13.

Человѣческое тѣло, во время соединенія его съ душою, есть органическій составъ; по смерти же, или по разлученіи съ душою, оно мало по малу превращается въ неорганическую массу, пока не перейдетъ въ другіе организмы.

Главные признаки органическаго бытія, которымъ человѣческое тѣло, вмѣстѣ съ прочими органическими тѣлами, отличается отъ неорудной природы, отъ минераловъ, капельныхъ и упругихъ жидкостей суть: а) организація и б) жизнь.

а) *Организація.*

§ 14.

Общій признакъ органическихъ тѣлъ

состоить въ томъ, что начало образующее части ихъ есть цѣлое; между тѣмъ какъ въ неорудныхъ тѣлахъ, наоборотъ, образующее начало цѣлаго суть части и ихъ свойства. Орудное тѣло представляетъ безусловную монархію, а неорудное безусловную демократію.

Неорудное тѣло происходитъ чрезъ соединеніе его частей и элементовъ. Оттого а) его *величина* и *химическое свойство* зависятъ отъ массы и химическаго свойства вещества, которое нашло случай соединиться вмѣстѣ, при чѣмъ неорудныя вещества могутъ соединяться непосредственно только по два; б) *форма* неоруднаго тѣла опредѣляется направленіемъ, въ которомъ расположились его части, что открывается уже изъ господства въ немъ прямыхъ линій; в) оно *раздробляется на части*, которыя безъ всякой связи съ прежнимъ цѣлымъ продолжаютъ свое

существованіе въ новой формѣ.

§ 15.

Напротивъ того въ тѣлахъ орудныхъ цѣлое есть начало, образующее части. Оттого а) цѣлое въ тѣлахъ органическихъ по своей величинѣ и *формѣ* есть нѣчто постоянное; ихъ величина не зависитъ отъ множества вещества, нашедшаго случай соединиться вмѣстѣ; а форма ихъ самымъ закономъ кривыхъ линій указываетъ на господство въ нихъ центральной силы. б) *Химическое свойство* оруднаго тѣла зависитъ отъ тройнаго, или четвернаго сочетанія стихій, которыя находятся здѣсь въ состояніи принужденномъ, и потому по смерти снова разрѣшаются и переходятъ въ неорудныя, двойныя сочетанія; двойныя сочетанія можетъ произвести и химическое искусство, но не можетъ произвести орудныхъ, тройныхъ или четверныхъ; они происходятъ чрезъ уподобленіе (*assi-*

milatio) виѣшняго вещества. в) Если цѣ-
лое *разрушается*, то распадаются и
части его; и какъ скоро они отторгаются
отъ цѣлаго, то должны быть призна-
ны безформенною массою, хотя нѣко-
торое время и удерживаются вмѣстѣ.

§ 16.

Въ изложенномъ нами различіи между
орудными и неорудными тѣлами поло-
жено достаточное основаніе тому, что-
бы неорудныя тѣла признать простымъ
произведеніемъ и слѣдствіемъ соедине-
нія ихъ элементовъ и частей, а напро-
тивъ того, начало орудныхъ тѣлъ при-
знать *дѣйствительнымъ и субстанціаль-
нымъ существомъ*, которое проникая ве-
щество, какъ *образующая централь-
ная сила*, заключаетъ въ себѣ условіе
организациі.

б) *Ж и з н ь*.

§ 17.

II второй главный признакъ орудныхъ
2.

тѣлъ, — жизнь, приводитъ насъ къ предположенію существованія въ нихъ центральной силы.

Жизнь органическаго тѣла есть періодическое измѣненіе частей постоянно пребывающаго тѣлеснаго цѣлаго, измѣненіе, происходящее изъ внутренняго основанія.

Въ этомъ опредѣленіи выражены три отличительные признаки орудной жизни: а) живое тѣло постоянно измѣняетъ свои составныя части, но между тѣмъ сохраняетъ себя, какъ цѣлое; б) эти измѣненія имѣютъ свои періоды; в) они происходятъ изъ внутренняго основанія.

§ 18.

а.) Живое тѣло постоянно измѣняетъ свои составныя части, потому что принимаетъ въ себя новыя вещества, а старыя и изжитыя извергаетъ; какъ скоро въ теченіи извѣстнаго времени оно не имѣетъ случая къ этому самообно-

вленію, то неминуемо погибаетъ; между тѣмъ при постоянномъ измѣненіи своихъ частей цѣлое сохраняетъ свое тождественное бытіе. Напротивъ того неоруднымъ тѣламъ вообще свойственна неизмѣняемость ихъ состава; большая часть неорудныхъ тѣлъ произошла еще до настоящаго періода міра и остается въ одномъ и томъ же видѣ; но если они когда либо и подвергаются измѣненію, то это измѣненіе, по большей части, состоитъ только во внѣшнемъ увеличеніи, или уменьшеніи. Только въ одномъ случаѣ, въ химическомъ процессѣ, происходитъ въ неорудныхъ тѣлахъ дѣйствительное измѣненіе составныхъ частей; но въ такомъ случаѣ обыкновенно происходитъ уже новый индивидуумъ. При измѣненіи частей никогда не сохраняется неорудное цѣлое, потому что неутверждено на самостоятельномъ началѣ, которое могло бы пережить пере-

мѣну своихъ частей, а есть только простое слѣдствіе ихъ, видоизмѣняющееся вмѣстѣ же съ ними.

б.) Орудныя тѣла проходятъ опредѣленные періоды развитія: начало, продолженіе и конецъ; сначала они возрастаютъ до опредѣленной эпохи, а потомъ упадаютъ. Напротивъ того неорудныя тѣла не имѣютъ измѣненій правильныхъ, происходящихъ по опредѣленнымъ періодамъ; ихъ измѣненія случайны и въ началѣ и въ продолженіи.

в.) Наконецъ, главный признакъ жизни состоитъ въ происхожденіи измѣненій изъ внутренняго основанія. Въ живыхъ тѣлахъ возрастаніе и ослабленіе происходитъ извнутри, а въ такъ называемыхъ мертвыхъ извнѣ.

§ 19.

Если это наблюденіе надъ орудными тѣлами можетъ еще оставить какое либо сомнѣніе о существованіи въ нихъ осо-

бенной образующей ихъ *жизненной силы*, то неизлишне будетъ обратить еще вниманіе на безконечное разнообразіе формъ, которое въ орудной природѣ производится вообще немногими основными веществами: отъ 3—4, или по крайней мѣрѣ отъ 8—10. Между тѣмъ неорудная природа, при несравненно большемъ стеченіи элементовъ, представляла бы только бѣдное и однообразное зрѣлище, если бы не оживлялась существами органическими.

Что касается въ особенности *человѣческаго тѣла*, то легко убѣдиться, что элементы, изъ которыхъ оно главнымъ образомъ состоитъ, какъ то: кислородъ, водородъ, углеродъ и азотъ, не сами собою сложились въ замысловатый организмъ, потому что сами по себѣ они образуютъ только углекислоту, нашатырь и т. п., какъ это бываетъ при истлѣніи тѣлъ.

2. ДУША ВЪ ОБШИРНѢЙШЕМЪ
СМЫСЛѢ.

а) Жизненная сила.

§ 20.

Для объясненія организациі и жизни человѣческаго тѣла мы должны допустить въ немъ особенное, отличное отъ вещества, духовное начало: *жизненную силу*; иначе, образованіе и поддержаніе нашего тѣла мы должны бы приписать постоянно продолжающемуся чуду творческаго всемогущества; но тогда надлежало бы допустить между прочимъ, что Богъ различнымъ образомъ содѣйствуетъ человѣческимъ грѣхамъ.

§ 21.

Отправленія жизненной силы относятся частію къ поддержанію индивидуума, а частію къ сохраненію рода. Последнее происходитъ посредствомъ *разж-*

данія. Отправленія жизненной силы, содѣйствующія поддержанію индивидуна, сводятся къ организаціи и жизни.

Жизнь преимущественно является въ раздражимости произвольныхъ и произвольныхъ мышцъ; а организація выражается въ процессѣ питанія, который слагается изъ пищеваренія, уподобленія, кровообращенія, органическаго распредѣленія и отдѣленія.

Кровообращеніе есть собственно непрерывный потокъ, въ которомъ содержатся составныя частицы нашего тѣла, есть постоянный обмѣнъ устарѣвшихъ, изжитыхъ составныхъ частицъ новыми. При посредствѣ этого потока, приводимаго жизнью въ движеніе, организація образуетъ и сохраняетъ форму тѣла и его частныхъ органовъ.

§ 22.

Отправленія жизненной силы существенно отличаются отъ прочихъ дѣй-

ствій души тѣмъ, что происходятъ безъ
сознанія и произвола, съ *сильною не-*
обходимостію.

Эти отправленія можно назвать также *растительными* дѣйствіями, потому что они свойственны не только человѣку и прочимъ животнымъ, но и растеніямъ: отправленія жизненной силы составляютъ *растительную сторону* человѣческой природы.

б) Душа въ тѣсномъ смыслѣ.

§ 25.

Подлѣ этихъ безсознательныхъ и необходимыхъ дѣйствій является въ чело­вѣкѣ еще цѣлый рядъ сознательныхъ и свободныхъ отпра­вленій; въ нихъ че­ловѣкъ не только дѣйствуетъ, но и знаетъ о своей дѣятельности, и не только по не­обходимымъ законамъ противодѣйствуетъ раздраженіямъ, но и самъ себя опре­дѣляетъ къ поступкамъ по своимъ соб­ственнымъ побужденіямъ. Всѣ эти от­

правленія приписываютъ *душѣ въ тѣлесномъ смыслѣ*, по которому противопологаютъ ее жизненной силѣ.

Эти сознательныя и произвольныя отправленія раздѣляются еще, по своей природѣ, на зависящія отъ тѣла или *чувственныя*, и на чистодуховныя или *разумныя* дѣйствія, такъ какъ они происходятъ или внутри и посредствомъ тѣлеснаго органа, именно первой системы, или же чисто внутреннимъ способомъ, въ самой душѣ.

§ 24.

Чувственныя отправленія суть слѣдующія: *чувственное наблюденіе*, *тѣлесное ощущеніе*, *чувственное пожеланіе* и *движеніе членовъ*.

Чувственныя отправленія души называютъ также *животными*, потому что они общи человѣку съ прочими животными, въ которыхъ они по частямъ развиты въ большемъ совершенствѣ. *Чувственность* есть *животная* сторона

человѣческой природы.

§ 25.

**Чисто духовныя, или разумныя от-
правленія обнимають всѣ прочія дѣй-
ствія познанія, кромѣ чувственнаго на-
блюденія; а именно: самосознаніе, за-
мѣчаніе, удержаніе и воспоминаніе, вы-
мысль и мышленіе; далѣе — всѣ чувство-
ванія, кромѣ ощущеній; наконецъ, ду-
ховныя склонности и желанія, равно
какъ свободные акты воли, предположе-
нія и намѣренія, добродѣтели и пороки.**

**Чисто духовныя дѣйствія составляютъ
хотя не исключительное, однако преиму-
щественное достояніе человѣка, потому
что только у высшихъ классовъ живот-
ныхъ, у млекопитающихъ, встрѣчаются
слѣды и начатки ихъ, между тѣмъ какъ
въ низшихъ классахъ животныхъ они
замѣняются инстинктомъ. *Разумность*
въ человѣкѣ есть собственно *человѣче-
ская* сторона его природы.**

аа) Душа въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и

бб) Духъ.

§ 26.

Какъ растительныя отправленія приписываютъ особенному духовному началу, жизненной силѣ, такъ и животныя и разумныя дѣйствія относятъ къ особеннымъ духовнымъ началамъ: животныя къ душѣ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, а разумныя — къ духу. Душа наблюдаетъ, а духъ мыслить; душа ощущаетъ, духъ чувствуетъ; душа воспаляется чувственными пожеланіями и управляетъ движеніемъ членовъ, а духъ обнаруживается высшими склонностями и намѣреніями.

**СООТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ НАЧАЛЪ
ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.**

§ 27.

Есть мнѣніе, отъ времени до времени повторяющееся, что душа и духъ суть дѣйствительно различныя существа;

и именно, что душа, какъ нервный духъ, есть какое-то полутѣлесное и полудуховное тѣло и служить посредствующимъ органомъ и связью между тѣломъ и духомъ. Но тожество души и духа несомнѣнно доказывается единствомъ ихъ самосознанія, такъ какъ наше *я*, наблюдающее и мыслящее, признаетъ себя однимъ и тѣмъ же. И различіе между ними очень легко объясняется различнымъ отношеніемъ ихъ къ тѣлу, ихъ зависимостію или независимостію отъ тѣла: духъ есть душа, когда онъ дѣйствуетъ въ нервной системѣ, напротивъ того душа есть духъ, когда она живетъ въ самой себѣ.

Въ силу этого единства души и духа можно употреблять эти выраженія въ обширномъ смыслѣ одно вмѣсто другаго, для означенія сознательнаго и свободнаго начала вообще; впрочемъ душею гораздо лучше называть духъ, когда мы разсма-

триваемъ его въ соединеніи съ тѣломъ, какъ сторону человѣческой природы; напротивъ того духомъ гораздо приличнѣе называть душу, когда мы разсматриваемъ ее въ отдѣльности отъ тѣла, какъ часть человѣческой природы.

§ 28.

Гораздо труднѣе вопросъ о томъ, есть ли душа и жизненная сила что либо одно, или два существа различныя?

Съ перваго взгляда кажется, что жизненная сила есть нѣчто совершенно отличное отъ души, потому что а) дѣйствія жизненной силы, въ противоположность всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ духовной человѣческой природы, безсознательны и необходимы; б) мы не чувствуемъ себя виновниками отравленій жизненной силы и в) даже не знаемъ, какъ приняться за это дѣло, столь искусственное и замысловатое.

Но а) между отправленіями жизненной силы и души есть переходъ: съ одной стороны и дѣйствія души, и притомъ въ большей части, еще необходимы и неозарены сознаниемъ, а съ другой—въ болѣзняхъ тѣла сознание въ видѣ ощущенія достигаетъ до основы жизненной силы, до самыхъ костей. Душа періодически погружается въ состоянія безсознательныя и необходимыя; но какъ скоро дѣйствія души становятся необходимыми, то ихъ произведеніе кажется для нее чѣмъ-то чуждымъ ея; таковы напр. сновидѣнія и неотразимыя мысли (*fixae ideae*).

б.) Положительныя и рѣшительныя доказательства тождества души и жизненной силы суть: ихъ неразрывное существованіе въ тѣлѣ; ихъ непосредственное согласіе въ ихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ; тѣлесное самосознаніе и от-

ношеніе жизненныхъ отправленій къ я, когда мы говоримъ напр. *я голоденъ, я льмъ.*

в.) Недоумѣніе, какъ приписать душѣ способность и дѣло художественнаго образованія нашего тѣла, когда она не имѣетъ объ этомъ никакого, даже и темнаго представленія, — рѣшается тѣмъ замѣчаніемъ, что душа столько же художественную механику своихъ сознательныхъ дѣйствій, самаго даже мышленія, разумѣетъ не болѣе, но съ необходимостію выполняетъ въ ней законы своей природы.

Г Л А В А III.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ МАТЕРІАЛИЗМА.

§ 50.

Хотя душа и жизненная сила, образующая и поддерживающая наше тѣло, суть одно и тоже, однако самое тѣло

и душа, тѣмъ не менѣе, совершенно различны. Для окончательнаго доказательства ихъ различія мы должны здѣсь рассмотреть и опровергнуть отвергающій это положеніе взглядъ матеріализма съ его основаніями.

Подъ именемъ матеріализма разумѣемъ всякій взглядъ, по которому самое тѣло, или отдѣляющаяся въ немъ тончайшая матерія признается субстратомъ душевныхъ явленій.

§ 31.

Психологическій матеріализмъ бываетъ двухъ родовъ: во первыхъ, представляютъ душу тончайшею, невидимою, необыкновенно подвижною матеріею, невѣсомою жидкостію, проникающею все тѣло. Это понятіе о душѣ можно назвать *въ тѣсномъ смыслѣ матеріалистическимъ*; а въ опроверженіе его преимущественно должно утвердить простоту души, индивидуальность ея. Во вто-

рыхъ, душу признають гармонією тѣлесныхъ движеній, именно дѣйствій нервной системы. Этому взгляду, который можно назвать *механическимъ*, должно противопоставить субстанціальность, или самостоятельную дѣйствительность души.

§ 32.

Тотъ взглядъ на душу, по которому она признается тончайшею матеріею, распростертою въ тѣлѣ, былъ предложенъ еще Демокритомъ, далѣе развитъ Эпикуромъ и до нынѣ повторяется, въ разныхъ видахъ, у физиковъ и физиологовъ.

По мнѣнію Демокрита и Эпикура душа есть крайне движимая матерія, состоящая изъ круглыхъ, тонкихъ атомовъ и протекающая по всему тѣлу. Эти атомы имѣють способность производить и сообщать другъ другу внѣшнія движенія и воспринимать впечатлѣнія внѣшнихъ тѣлъ, или ихъ образыносящіеся въ воздухѣ; въ первомъ случаѣ должно проис-

ходить движеніе членовъ, а во второмъ — чувственное наблюденіе и ощущеніе.

Ничѣмъ не лучше и теперь встрѣчающіяся въ физиологіи предположенія, что душа, быть можетъ, есть невѣсомая жидкость, отдѣляющаяся въ нервной системѣ, нервный эфиръ и т. п. Особенно гальваническіе опыты, помощію электричества производящіе въ недавно умершихъ тѣлахъ судороги, похожія на жизненные движенія, служатъ богатымъ источникомъ матеріалистическихъ гипотезъ о существѣ души. Нѣкоторымъ физикамъ, послѣ этого, кажется несомнѣннымъ, что душа должна быть электрическою или тому подобною невѣсomoю жидкостію, что нервная система, именно хребетная кость съ мозгомъ представляетъ Вольтовъ столбъ, на которомъ раздѣляется душевная жидкость и т. д.

§ 33.

Другой матеріалистическій взглядъ на

сущность души, по которому она признается гармонією, непрерывнымъ результатомъ тѣлесныхъ движеній, именно отправленій нервной системы, приводится у Аристотеля, уже какъ древній взглядъ, и критикуется Сократомъ въ Платоновомъ Федонѣ.

Въ новыя времена развили это понятіе о душевныхъ явленіяхъ извѣстные Французскіе матеріалисты, особенно Лагранжъ въ своей *Systeme de la Nature*. Онъ не признаетъ никакого, отличнаго отъ нервной системы, тончайшаго или невѣсимаго основанія души; нервная система и ея средоточіе, мозгъ, есть, по его понятію, самая душа, или правильнѣе сказать, душа сама по себѣ разсматриваемая, есть совокупность отправленій нервной системы.

§ 34.

Психологическій матеріализмъ происходитъ отъ пристрастія къ видимости

и осязаемости чувственного наблюденія, и съ другой стороны, изъ неспособности наблюдать и уразумѣвать духовную дѣйствительность и истину; нерѣдко онъ происходитъ и изъ чувственного образа жизни, для котораго хотять найти въ матеріализмѣ нѣкотораго рода опору и оправданіе себя.

Основанія психологическаго матеріализма сводятся къ поверхностному взгляду на зависимость души отъ тѣла. Нельзя не согласиться, что эта зависимость дѣйствительно есть; она выражается въ состояніяхъ утомленія и бодрости, сна и бодрствованія, трезвости и опьяненія, здоровья и болѣзни, въ возрастѣ юности и старости и т. д. Притомъ, что еще болѣе, мы говоримъ на наше тѣло, т. е. вносимъ его въ кругъ нашей личности.

Справедливо и то, что такой близкой зависимости души отъ тѣла нельзя объ-

яснять (какъ на это покушались нѣкоторые психологи) тѣмъ, что душа пользуется своимъ тѣломъ, какъ орудіемъ: негодность орудія можетъ только препятствовать душѣ, но не можетъ измѣнять ее самую. Однакожь, каковабъ ни была эта зависимость, она ни мало не доказываетъ матеріальности души, потому что живое тѣло отчасти есть уже самая душа, именно жизненная сила; и слѣдовательно зависимость ея отъ тѣла есть зависимость отъ самой себя. Притомъ, душа не меньше производитъ вліянія на тѣло, какъ тѣло на душу, изъ чего съ одинаковымъ правомъ можно бы заключать о духовности тѣла.

§ 35.

Неосновательность психологическаго матеріализма явно обнаруживается изъ того, что ему не удалось пояснить даже нисшихъ, животныхъ дѣйствій души, — наблюденія, ощущенія, движенія, — такъ

какъ чувственныя впечатлѣнія и тѣлесныя состоянія далеко еще не составляютъ ни наблюденія, ни ощущенія; въ нихъ для этого еще недостаетъ существеннѣйшаго, именно сознанія; равнымъ образомъ толчекъ и его передача еще далеко не составляетъ произвольнаго движенія членовъ; здѣсь недостаетъ еще главнаго, воли. Еще рѣшительнѣе опровергается матеріализмъ тѣмъ, что онъ совершенно не можетъ объяснить духовныхъ отправленій, какъ то: мышленія, высшихъ чувствованій, свободной воли. Что имѣютъ общаго составные элементы тѣла: водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ съ сознаніемъ и волею и ихъ духовными проявленіями? Наконецъ, матеріалистъ при потерѣ тѣлеснаго члена долженъ бы терять часть душевной матеріи, или тоны аккорда; между тѣмъ какъ душа въ такихъ случаяхъ остается совершенно невредимою.

ГЛАВА IV.

МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ ДУШИ.

§ 36.

Здравый человѣческій смыслъ полагаетъ, что душа находится во всемъ тѣлѣ, проникаетъ его и обитаетъ въ немъ. Но физиологи находятъ несообразность въ такомъ представленіи, потому что оно прямо противорѣчитъ общепринятому закону: „двѣ различныя вещи не могутъ въ одно время находиться въ одномъ и томъ же мѣстѣ“. Отсюда и въ Психологіи произошла мысль, что полагать мѣстопребываніе души во всемъ тѣлѣ значитъ отождествлять ее съ нимъ и что мнѣніе здраваго человѣческаго смысла, на этотъ разъ, основывается на погрѣшительномъ понятіи о соотношеніи духовнаго и тѣлеснаго бытія; между тѣмъ какъ, съ признаніемъ различія души

отъ тѣла, собственно нельзя не раздѣлять ихъ другъ отъ друга, въ какой бы внутренней связи и въ какомъ бы тѣсномъ взаимодействіи ни состояли они.

Но тотъ законъ, что различныя вещи не могутъ въ одно время существовать въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не имѣетъ значенія всеобщаго. Конечно, онъ годится для міра тѣлеснаго, по крайней мѣрѣ для грубѣйшихъ и потому осязаемыхъ веществъ; но и въ природѣ, поддающейся чувственному наблюденію, встрѣчается довольно много явленій, не подходящихъ подъ этотъ законъ. Газы расширяются одинъ въ другомъ; въ химическомъ соединеніи одно вещество существуетъ вмѣстѣ съ другимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлается новымъ веществомъ; притяженіе, которое однакожь не есть ничто, простирается чрезъ всѣ тѣла; свѣтъ проникаетъ тѣла прозрачныя. Изъ этихъ фактовъ ясно открывается возмож-

ность проникновенія и внѣдренія одной вещи въ другой; слѣд. внутрипробываніе и внѣдреніе души въ тѣлѣ, не смотря на ихъ различіе, во всякомъ случаѣ *возможно*.

§ 37.

Внутрипробываніе и внѣдреніе души въ тѣлѣ есть такой способъ ихъ соединенія, который только одинъ собственно можетъ быть допущенъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы положимъ, что наша душа не обитаетъ во всемъ нашемъ тѣлѣ, то останутся возможными только два случая: или должно согласиться, что душа существуетъ въ какомъ либо пустомъ промежуткѣ тѣла и вступаетъ во взаимодѣйствіе съ нимъ въ такомъ или другомъ пунктѣ; или должно сказать, что душа существуетъ нигдѣ, ни въ тѣлѣ, ни подлѣ него, а совершенно возвышается надъ предѣлами пространства.

Что послѣдняя мысль о совершенной

независимости души отъ пространства есть чрезмѣру усиленное метафизическое понятіе, въ томъ всякъ можетъ убѣдиться непосредственнымъ опытомъ: никто не станетъ отрицать, что мы, а слѣдовательно и наша душа, существуемъ въ опредѣленное время въ опредѣленномъ пространствѣ, что мы находимся здѣсь или тамъ, а не вездѣ и нигдѣ, и что нашъ духъ свободно парить не въ дѣйствительномъ пространствѣ вселенной, а только въ своихъ представленіяхъ объ немъ.

А если такъ, то остается допустить одно изъ двухъ: или душа пребываетъ во всемъ тѣлѣ, или она находится въ какомъ либо пустомъ промежуткѣ тѣла, соединяясь и вступая во взаимное дѣйствіе съ нимъ въ одномъ или многихъ пунктахъ.

§ 38.

Что душа находится не въ какомъ

либо пустомъ промежуткѣ тѣла, не въ какой либо скважинѣ мозга, но проникаетъ все тѣло, это доказывается слѣдующими доводами:

а.) Душа чувствуетъ и признаетъ себя и свое тѣло однимъ лицомъ.

б.) Она наблюдаетъ и ощущаетъ въ различныхъ пунктахъ тѣла; а это,

в.) равно какъ вообще переходъ наблюденій и ощущеній къ душѣ, осталось бы необъяснимымъ, какъ скоро мы допустили бы, что душа имѣетъ определенное мѣстопробываніе въ какомъ либо промежуткѣ тѣла.

г.) Душа самымъ внутреннимъ способомъ участвуетъ въ настроеніи и состояніи тѣла; и наконецъ, наоборотъ,

д.) Настроеніе души имѣетъ сильное вліяніе на состоянія тѣлесныя.

§ 39.

На вопросъ: пребываетъ ли душа во всемъ тѣлѣ и совершенно ли одинако-

вымъ образомъ? надобно отвѣчать, что она, безъ сомнѣнія, обитаетъ во *всемъ* тѣлѣ, но въ различныхъ органахъ и системахъ *различнымъ* образомъ.

Въ органахъ растительной жизни душа, *какъ жизненная сила*, кажется самымъ внутреннимъ способомъ погружается въ тѣлесное вещество и какъ бы химически соединяется съ нимъ; при чемъ, хотя душа является въ высшей степени образующимъ и организирующимъ началомъ, однако она теряетъ свою свободу и сознаніе о своей связанности тѣлеснымъ веществомъ; а съ другой стороны, тѣлесное вещество теряетъ свою неорганическую природу такъ, что душа и тѣлесное вещество, въ своемъ соединеніи, представляютъ нѣчто новое и третье, именно живое тѣло.

Напротивъ того сознательнымъ и свободнымъ образомъ, или *какъ душа* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, она суще-

ествуеъ, хотя не исключительно, однако преимущественно, въ нервной системѣ; это видно изъ того, что какъ скоро въ какомъ либо членѣ нервы поражены болѣзнію, или пересѣчены, то въ пораженномъ членѣ пропадаетъ ощущеніе, наблюденіе и движеніе, хотя бы онъ еще продолжалъ свою жизнь нѣкоторое время.

§ 40.

Сознательная и свободная душа обитаетъ во всей нервной системѣ, но съ тѣмъ опять различіемъ, что въ нервахъ высшихъ чувствъ и движенія, равно какъ въ мозгу, душа проявляетъ свое сознаніе чище и свою подвижность свободнѣе, а въ нервахъ ощущенія она болѣе связана. Мозгъ головной съ хребетнымъ имѣетъ еще то преимущество, что онъ, какъ главная масса, составляетъ средоточіе нервной системы и служитъ посредникомъ всѣхъ сообщеній души

съ периферическими частями этой системы; отъ того всѣ нервы должны находиться въ непрерывной связи съ мозгомъ.

Въ нервной системѣ душа обитаетъ, кажется, съ меньшою связанностію; и потому она здѣсь менѣе выражаетъ силы образующей и организующей, такъ что *нервный мозгъ*, который одинъ способенъ къ ощущенію и одинъ только служить проводникомъ сознанія и воли, по со-влеченіи сосудовъ и влагалищъ представляется даже вооруженному глазу массою мягкою, почти жидкою и неимѣющею органическаго строенія. Но за то, чѣмъ менѣе душа выказываетъ образовательной дѣятельности надъ тѣлеснымъ веществомъ нервной системы, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ въ ней свои существенныя свойства, — сознаніе и свободу.

§ 41.

Мѣстопребываніе сознательной и свободной души въ нервной системѣ, равно

какъ мѣстопробываніе связанной души въ растительныхъ органахъ, не можетъ быть рѣзко обозначено и ограничено: душа движется въ этомъ нервѣ свободнѣе и сознательнѣе, нежели въ томъ; и съ другой стороны, одинъ растительный органъ грубѣе и менѣе способенъ къ ощущенію, чѣмъ другой. — При томъ, уже и въ здоровомъ состояніи ощущеніе, кажется, различнымъ образомъ выступаетъ за нервную систему и достигаетъ до крови, оболочекъ, мышцъ и сосудовъ; а въ болѣзненныхъ состояніяхъ, всякій органъ, самый даже нечувствительный и грубый, какъ напр. кость, можетъ дѣлаться способнымъ къ ощущенію. — Въ сомнамбулизмѣ даже жизненная сила, кажется, пробуждается до степени души, равно какъ душа, во время сна, ниспадаетъ до жизненной силы.

Г Л А В А V.

ОСНОВНЫЯ СВОЙСТВА ДУШИ.

§ 42.

Основныя свойства души простираются по всёму душевнымъ явленіямъ, какъ *однообразныя черты* ея, и тѣмъ самымъ отличаются отъ ея *сторонъ*, или *способностей*, которыя суть какъ бы *полюсы* душевной жизни, т. е. противоположности, изъ которыхъ хотя каждая содержитъ въ себѣ другую, однако такъ, что или одна, или другая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ.

Главныя свойства души суть *субстанціальность* и *простота*.

СУБСТАНЦІАЛЬНОСТЬ ДУШИ.

§ 43.

Подъ именемъ субстанціи надобно во первыхъ разумѣть нѣчто *дѣйствитель-*

ное, въ противоположность вещи только мыслимой; но какъ дѣйствительности раздѣляются опять на субстанціи и случайности, то субстанцію точнѣе должно понимать такъ, что она есть дѣйствительность въ себѣ и для себя существующая; между тѣмъ какъ случайное бытіе имѣетъ свою дѣйствительность только въ другомъ. И такъ субстанціальность, однимъ словомъ, есть самостоятельная дѣйствительность.

Дѣйствительность души опровергаютъ идеалисты, полагающіе, что душа можетъ быть простымъ произведеніемъ несубстанціального мышленія; а самостоятельность ея оспариваютъ реалистическіе пантеисты, утверждающіе, что душа есть случайность всемірной субстанціи.

§ 44.

Идеалистическое понятіе о душѣ уже встрѣчается у Картезія въ его лож-
4.

номъ предположеніи, что *я*, сознаваемое нами, есть простое представленіе или мысль, а не самое живое *я*, до дѣйствительности котораго мы будто доходимъ только умозаключеніемъ: *cogito, ergo sum*. Кантъ призналъ *я*, сознаваемое нами, (которому, впрочемъ, у него соотвѣтствуетъ вещь въ себѣ,) — формальнымъ единствомъ сознанія; Фихте, отвергая вещь въ себѣ, призналъ *я* первымъ произведеніемъ сознанія, обращеннаго къ самому себѣ. Въ абсолютномъ идеализмѣ, или *идеалистическомъ* пантеизмѣ Шеллинга и Гегеля *я* выдается за одно изъ проявленій абсолютнаго, міротворящаго процесса мысли, и субстанціальность *я* — за простое ограниченіе этого процесса.

§ 45.

Идеализмъ извращаетъ отношеніе между мышленіемъ и субстанціею души: онъ называетъ ея субстанцію произведе-

ніємъ и случайностію ея мышленія, между тѣмъ какъ, наоборотъ, сознаніе или мышленіе есть только случайность и произведеніе, есть именно простое, и притомъ періодически ослабѣвающее, развитіе душевной субстанціи, которая заключается собственно въ ея жизненной силѣ.

Съ другой стороны, идеализмъ смѣшиваетъ субстанціальность съ индивидуальностію, когда субстанціальность признаетъ произведеніемъ ограниченія, или отособленія міротворящаго процесса мысли. Конечно, индивидуумъ происходитъ чрезъ отособленіе всеобщей сущности; но самая эта сущность, чрезъ ограниченіе которой должна происходить индивидуальная субстанція, должна уже въ себѣ, въ своей всеобщности, имѣть субстанціальную дѣйствительность, потому что несубстанціальная, недѣйствительная и несущественная дѣятельность, чрезъ отрицаніе и ограни-

ченіе, еслибъ это было возможно, еще болѣе уничтожалась бы, нежели осуществлялась.

Впрочемъ, *я* подпадающее самознанію тѣмъ менѣе можетъ быть названо мыслию или представленіемъ, что такого представленія о нашемъ *я* и нѣтъ, напротивъ того *я*, которое мы въ каждое мгновеніе сознаемъ непосредственно, есть живое и субстанціальное.

§ 46.

Тогда какъ идеализмъ утончаетъ дѣйствительность души до мыслимаго существованія въ представленіи, которое само требуетъ еще субстанціальной опоры, *реалистическій пантеизмъ Спинозы* указываетъ на эту субстанціальную и дѣйствительную основу души во всеобщей субстанціи, въ Богѣ. Божественная субстанція раскрывается двумя атрибутами, — безконечнымъ протяженіемъ

и безконечнымъ мышленіемъ; всѣ тѣла суть ограниченіе Божественнаго протяженія, а души суть видоизмѣненія Божественной мысли. Если въ этой всеобъемлющей субстанціи душа имѣетъ *дѣйствительность*, то это есть только случайная дѣйствительность мыслимаго бытія, и слѣд. это уже не есть *самостоятельность*. По этому пантеистическому взгляду душа была бы не мыслящимъ существомъ, а чѣмъ-то мыслимымъ, и ея мысли принадлежали бы не ей, а другому существу, которое въ ней мыслило бы; она была бы не самодѣлательнымъ бытіемъ, а непрерывнымъ дѣйствіемъ другаго существа, дѣйствующаго въ ней. Но между тѣмъ всякъ, кто только захочетъ вникнуть въ самага себя, тотчасъ ощущаетъ себя самомыслящимъ и самодѣлательнымъ.

Впрочемъ, самостоятельность души, въ сравненіи съ самостоятельностью

Творца, не есть безусловная: душа имѣетъ бытіе только въ себѣ и для себя, но не изъ себя и не чрезъ себя; она есть существо, сотворенное, только не простое дѣйствіе Творца.

П Р О С Т О Т А Д У Ш И.

§ 47.

Душа есть существо простое, въ томъ смыслѣ, что она не состоитъ изъ частей дѣйствительныхъ или различныхъ; она не есть что либо сложное, или непрерывное, и слѣд. она не имѣетъ частей ни въ какомъ смыслѣ этого слова. Все разнообразіе душевной жизни составлять *единство* въ ея *центрѣ* и образуетъ только *стороны*, изъ которыхъ каждая содержится въ другой: оттого душа есть *индвидумъ*.

Простота души, въ означенномъ смыслѣ этого слова, открывается частію

изъ *тождества* нашего *сознанія*, стирающагося по всѣмъ ея дѣйствіямъ, частію изъ того, что душа всегда можетъ участвовать только въ *одномъ*, хотя бы то очень сложномъ дѣйствіи.

Если бы душа состояла изъ дѣйствительныхъ, или только различныхъ частей, еслибъ она была чѣмъ либо сложнымъ, или непрерывнымъ, то она уподоблялась бы беспорядочному народному сборищу, потому что каждая часть ея, не мѣшаясь въ занятія другой, могла бы сама по себѣ мыслить, чувствовать и желать.

§ 48.

Душа, при всей простотѣ ея субстанціи, есть произведеніе обоихъ родителей. Отсюда происходитъ наслѣдственность тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ; отсюда же двусторонность тѣла, выражающаяся въ органахъ его, существующихъ попарно, и наконецъ повсюдная

полярность въ жизненныхъ и душевныхъ отправленіяхъ.

Душевные отправленія, раскрывающіяся полюсами, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разобщаться. Возможность такого разобщенія переходитъ въ печальную дѣйствительность въ сумасшествіи, потому что въ помѣшательствѣ сознаніе теряетъ свободную волю и образуетъ только произвольныя и неотразимыя представленія; а напротивъ того въ безуміи воля теряетъ разумъ и выражается только бѣшенствомъ.

Это разобщеніе полюсовъ душевной жизни можетъ быть поверхностнѣе и проникать глубже, но ни въ какомъ случаѣ оно не достигаетъ до самой ея основы. Основа души, жизненная сила, даже на высшей степени сумасшествія остается единичною: болѣзненное расторженіе душевныхъ отправленій происходитъ на здоровомъ корнѣ души.

§ 49.

Индивидуальность, приличествующая душѣ какъ простой субстанціи, *не отторгнута* совершенно отъ цѣлаго человѣческаго рода и отъ другихъ человѣческихъ индивидуумовъ, равно какъ и отъ всей прочей природы, потому что, по надлежащему понятію о всеобщемъ и частномъ бытіи, понятію *реалистическому* (въ противоположность взгляду *номиналистовъ*) истинная *дѣйствительность* принадлежитъ не индивидууму, *а роду*, и во всѣхъ индивидуумахъ она только отособляется и повторяется. Но роды суть стороны общей силы природы, которая собственно есть только одна, какъ образное выраженіе одного Творца.

§ 50.

Индивидуумъ, не смотря на его особость и сосредоточеніе въ самомъ себѣ, не совсѣмъ отторгнутъ отъ первоначаль-

ной связи съ своимъ *родомъ*: онъ участвуетъ въ характеръ и ходъ развитія, въ духъ времени и идеяхъ современнаго человечества и, ближайшимъ образомъ, своего народа.

Не меньше находится индивидумъ въ *непосредственномъ*, физическомъ и психическомъ общеніи съ *другими индивидумами*. Разнообразное соотношеніе его тѣлесной и духовной жизни съ другими индивидумами ощущается и наблюдается въ обмѣнѣ мыслей и чувствованій посредствомъ взглядовъ, въ глубокопотрясающемъ словѣ, и даже при тѣлесномъ сближеніи.

И со всею прочею *природою* индивидуальная душа состоитъ въ разнообразномъ, непосредственномъ общеніи, потому что, — по причинѣ существеннаго единства *силы природы*, проявляющейся въ родахъ, какъ роды проявляются въ индивидумахъ, — она утверждается со

всею прочею природою на одной общей, нераздѣльной основѣ. Эта связь чело-вѣческой души съ природою обнаруживается напр. въ различномъ вліяніи климатовъ, въ появленіи моровыхъ язвъ, какъ теліорическихъ процессовъ и т. д.

§ 51.

Предлагаемый здѣсь реализмъ не должно принимать въ такомъ смыслѣ, въ какомъ разумѣлъ его *Платонъ* или *Гегель*, то есть, какъ реализмъ *понятій*, по которому понятія сами по себѣ, и притомъ понятія всѣхъ возможныхъ, какъ субстанціальныхъ, такъ и случайныхъ вещей, напр. изящное и доброе, право и неправо, Государство и Наука, возвышается на степень общихъ, творящихъ сущностей: такой реализмъ былъ осмѣянъ еще *Аристотелемъ*. Истинный реализмъ, какъ у *Аристотеля*, признаетъ всеобщими дѣйствительностями только *роды и виды*.

ГЛАВА VI.

СПОСОБНОСТИ ДУШИ.

§ 52.

Дѣйствія души раздѣляются двоякимъ образомъ: по ихъ отношенію къ внѣшнему міру они раздѣляются на *теоретическія, эстетическія и практическія*; по отношенію къ тѣлу — на *растительныя, животныя и разумныя*. По первому раздѣленію принимаютъ три *способности души*: способность познанія, чувствованія и желанія, а по послѣднему — допускаютъ два, даже три разныя духовныя *существа*, или по крайней мѣрѣ *силы* одного существа: жизненную силу, душу и духъ.

- а) Основа и соотношеніе дѣйствій растительныхъ, животныхъ и разумныхъ.

§ 53.

Относительно послѣдняго раздѣленія

душевныхъ дѣйствій на растительныя, животныя и духовныя, мы уже прежде достаточно убѣдились, что въ основаніи ихъ не положены въ насъ три различныя духовныя существа, или *силы*, а что они суть только три различныя *области* одного и того же существа души. Впрочемъ, хотя тождество и существенное единство духа, души и жизненной силы, по видимому, уже не подлежитъ никакому сомнѣнію; однако можно еще спросить: дѣйствія растительныя, животныя и духовныя не различаются ли между собою до такой степени, что предполагають совершенно различныя внутреннія основанія, именно совершенно различные законы и способы дѣйствованія, и слѣд. существенно различныя *способности* души? Или же, напротивъ, во внутренней основѣ всѣхъ трехъ областей положенъ одинъ и тотъ же законъ и способъ дѣйствованія души, видоизмѣняющійся только

внѣшнимъ образомъ, именно, по различному отношенію ея къ тѣлу?

§ 54.

Относительно *души* и *духа* едва ли можно сомнѣваться, что все различіе между ними есть только внѣшнее и происходитъ отъ зависимости души и независимости духа отъ тѣлесныхъ органовъ. Это открывается изъ того, что животныя и духовныя дѣйствія образуютъ два параллельные, одинъ другому точно соответствующіе порядки, такъ что каждое животное дѣйствіе повторяется въ духовной формѣ, и наоборотъ. Такъ познание въ формѣ животной или тѣлесной есть чувственное наблюдение, а въ духовной—самосознание, представленіе и мышленіе; чувствованіе чисто духовнымъ способомъ выражается въ собственно такъ называемыхъ чувствованіяхъ, а тѣлеснымъ образомъ—въ ощущеніи; пожеланіе и страсть, имѣющія корень въ

тѣлѣ, именуются чувственными, а возникающая въ духѣ, возвышаются въ наклонность и любовь; свободная воля духа въ тѣлѣ обнаруживается произвольнымъ движеніемъ членовъ.

Гораздо труднѣе вопросъ о томъ: простирается ли эта аналогія даже на растительную область? Тѣлесно-жизненные отправленія суть ли существенно и внутренно особенный способъ дѣйствованія души, слѣдующій совсѣмъ другимъ законамъ, нежели жизнь ея сознательная? Или же это есть одинъ и тотъ же образъ дѣятельности души, неузнаваемый нами только по причинѣ внутреннѣйшаго ея соотношенія съ тѣломъ, большей связанности ея тѣлеснымъ веществомъ?

Но прежде, нежели приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, постараемся *привести* къ простѣйшимъ началамъ *сознательную душевную жизнь*, раскрываю-

щуюся познаніемъ, чувствованіемъ и волею.

- в) Основа и соотношеніе способностей познанія, чувствованія и желанія.

§ 55.

Между познаніемъ, чувствованіемъ и волею есть существенное различіе, которое можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: познаніе есть сознаніе наблюдаемаго или представляемаго предмета; чувствованіе есть сознаніе внутренняго состоянія; хотѣніе и дѣйствованіе есть предметное *стремленіе*.

Въ основаніи этихъ трехъ различныхъ родовъ дѣйствій несправедливо полагать три различныя *силы души*, если не разумѣть подъ ними внутренно и существенно различныхъ началъ; гораздо правильнѣе назвать основаніе этихъ дѣйствій *способностями душевными*. Правда, нѣкоторые покушаются изгнать изъ психологическаго языка выраже-

ніе: *способность души*, на томъ основаніи, что оно будто подастъ поводъ къ недоразумѣнію, по которому подъ именемъ душевныхъ способностей понимаютъ различныя самостоятельныя силы, или первоначальныя части души; но такое опасеніе совершенно излишне, потому что психологи, по крайней мѣрѣ новѣйшаго времени, не соединяютъ такого смысла съ этимъ выраженіемъ.

§ 56.

Теперь представляется вопросъ: нельзя ли этихъ разнородныхъ дѣйствій души, или способностей, свести къ одной основной ея силѣ?

На это сведеніе давно уже покушались различнымъ образомъ. Въ метафизикѣ, въ которой излагается исторія развитія *міра*, можно бы признать всѣ противоположности индивидуальной души, равно какъ противоположности половыя, развитіемъ одной всеобщей силы

Б.

природы. Но метафизическая исторія развитія міра выходитъ за предѣлы Опытной Психологіи, потому что выступаетъ изъ предѣловъ жизни человѣческой души, которая вездѣ, гдѣ только является душою, уже заключаетъ въ себѣ внутреннее разнообразіе. А такое разнообразіе можетъ быть понятно только тогда, когда допустимъ, что оно уже первоначально состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ основныхъ силъ, которыя въ различныхъ отношеніяхъ сочетались съ собою и однѣ въ другихъ развились.

Различіе духа, души и тѣла понятно и при совершенно простомъ единствѣ души, потому что здѣсь привходитъ къ ней другой дѣятель, тѣлесное вещество; и отсюда, отъ различной степени ихъ соединенія, могутъ происходить различные области душевной жизни. Но при различныхъ способахъ дѣйствій познанія, чувствованія и воли нѣтъ внѣшняго

дѣателя: это суть разности внутреннія, происходящія изъ глубины души, суть дѣйствительно различныя стороны и способности ея; и слѣд. предполагаютъ первоначально различныхъ дѣателей, или различныя силы, которыя соединились съ собою и, такъ сказать, смѣшались въ различныхъ отношеніяхъ.

§ 57.

Идеалисты полагаютъ, что всѣ явленія душевной жизни суть видонзмѣненія нашего *мышленія*. Но мышленіе есть частное дѣйствіе души, подобно другимъ ея дѣйствіямъ. Правда, что идеалисты подъ именемъ своего первомышленія разумѣютъ нѣкоторое другое, а не психологически извѣстное мышленіе, и оттого называютъ его иногда чистымъ мышленіемъ, или безусловнымъ вѣдѣніемъ. Но то, что они подъ этимъ разумѣютъ, можно бы правильнѣе назвать *сознаніемъ*.

Между тѣмъ сознаніе не есть един-

ственная первоначальная основа душевной жизни. Оно, конечно, положено въ основаніи теоретическихъ дѣйствій, такъ что всѣ они суть только различныя видоизмѣненія сознанія; но въ практическихъ отправленіяхъ, или въ желаніяхъ и поступкахъ, обнаруживается другое, сподчиненное сознанію начало душевной жизни, *воля или самодѣятельность*.

§ 58.

Подъ именемъ *сознанія* ближайшимъ образомъ разумѣютъ тотъ внутренній свѣтъ духа, который самъ себя озаряетъ и видитъ, разумѣютъ свѣтъ и вмѣстѣ глазъ духа. Однако точнѣйшее изслѣдованіе сознанія, въ его различныхъ формахъ проявленія, показываетъ, что свѣтобытіе его есть только одна изъ степеней его развитія, равно какъ свобода есть только извѣстная степень развитія воли; природа сознанія состоитъ

преимущественно въ его *образовательной дѣятельности*, которая не рѣдко является *безсознательною*; и по этому Лейбницъ называлъ сознание *силою представленія*, а Хр. Вейсъ — *образующею дѣятельностію*.

Воля есть *самодѣятельность*, возникающая изъ глубины души, какъ по внѣшнимъ раздраженіямъ, такъ и по внутреннимъ побужденіямъ. Свобода есть только степень развитія *самодѣятельности*, соотвѣтствующая сознанію представляющей силы; воля, или *самодѣятельность* вообще является то необходимымъ, то свободною.

Воля есть *субстанція* душевной жизни; а сознание ея *форма*. Все разумѣніе, вся законоопредѣляемость (*Gesetz-mässigkeit*) души принадлежитъ сознанію; а напротивъ того вся ея сила и производительная дѣятельность принадлежитъ воли.

Сознаніе и воля суть два основныя начала, къ которымъ сводятся всѣ явленія собственно душевной жизни, т. е. разумныя и животныя.

Два эти основныя начала душевной жизни только въ ея крайнихъ полюсахъ являются почти, и то только почти, разобщенными, а именно: въ животной области—является почти одно сознаніе въ страдательномъ чувственномъ наблюденіи, и почти одна воля въ механическомъ движеніи членовъ; а въ области духовной—сознаніе и воля являются почти разобщенными въ фантазіи и произволѣ; во всей прочей, какъ животной, такъ и духовной жизни души, оба начала ея соединяются съ собою и смѣшиваются. И это смѣшеніе и соединеніе ихъ должно разумѣть не такъ, будто они находятся только одно подле другаго, но такъ, что они входятъ

одно въ другое; каждое изъ нихъ есть вмѣстѣ тѣмъ, чѣмъ есть другое: сознаніе дѣятельно и производительно, т. е. имѣетъ въ себѣ характеръ воли, а воля опредѣляется законами и чувствуетъ себя, т. е. имѣетъ свойство сознанія; слѣд. дѣйствія души суть вмѣстѣ и сознаніе и воля, но только въ однихъ дѣйствіяхъ преобладаетъ сознаніе, а въ другихъ воля; а такимъ образомъ возможно тройкое сочетаніе этихъ двухъ началъ души: или они находятся въ равновѣсіи, или получаетъ перевѣсъ то одно, то другое начало, и въ этомъ тройкомъ смѣшеніи образуютъ три главныя способности души: способность познанія, чувствованія и желанія.

§ 60.

Главное основаніе *дѣйствій познанія* есть сознаніе, или лучше сказать, относительное *тождество* сознанія и воли, съ перевѣсомъ сознанія. Позна-

вательная способность есть болѣе сознаніе, чѣмъ воля. Безъ воли, или самодѣятельности, собственно нѣтъ познанія; сознаніе всегда бываетъ болѣе или менѣе дѣятельно и производительно, т. е. включаетъ въ себѣ волю. Не какъ внутренній, а какъ *сопутствующій* познаванію элементъ воля встрѣчается только во *вниманіи*; это сопутствіе не есть истинное и внутреннее смѣшеніе, и потому вниманіе еще не есть собственно познаніе, а дѣйствованіе въ познаніи.

Основаніе *практическихъ* *отправленій* есть воля, или лучше сказать, относительное тождество сознанія и воли, въ которомъ преобладаетъ воля: дѣйствованіе есть болѣе воля, чѣмъ сознаніе. Однакожъ и здѣсь сознаніе не устраняется совершенно, такъ какъ всякая воля, и свободная и механическая, всегда, болѣе или менѣе, опредѣлена закономъ и чувствуетъ себя: Какъ со-

путьствующій только элементъ сознаніе входитъ въ дѣйствованіе тѣмъ, что знаетъ *правила и цѣли*. Но по этому же, сознаніе не смѣшивается истинно и внутренно съ дѣйствованіемъ и не принадлежитъ къ самому хотѣнію и дѣйствованію, а есть только знаніе въ дѣйствованіи.

Сознаніе, дѣйствительно внѣдрившееся въ волю, обнаруживается въ ней чувствованіемъ, которое получило форму и желаетъ чего либо опредѣленнаго, обнаруживается *закономъ и побужденіемъ*; а воля, внѣдрившаяся въ сознаніе, обнаруживается въ его дѣятельности и производительности.

§ 61.

Къ сочетанію двухъ главныхъ силъ души, т. е. сознанія и воли, должны быть сведены и *чувствованія*. При нихъ и въ нихъ, во всякомъ случаѣ, находится сознаніе, потому что внутрен-

нее состояніе, въ которомъ заключает-
ся содержаніе чувствованій, никогда бы
не перешло въ чувствованіе, еслибъ не
подпадало сознанію. Но и воля уча-
ствуетъ здѣсь, хотя она здѣсь столько
же мало обнаруживается, какъ и со-
знаніе; безъ воли, безъ самодѣятельно-
сти, нельзя представить никакого со-
стоянія, потому что совершенное равно-
душіе не чувствуетъ ничего. Воля со-
общаетъ чувствованіямъ содержаніе, а
сознаніе—форму; воля производитъ сво-
имъ движеніемъ внутреннее состояніе,
или имѣетъ его въ себѣ, а сознаніе воз-
вышаетъ его въ чувствованіе.

Такимъ образомъ чувство есть также
сочетаніе обѣихъ главныхъ силъ души,
съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ на-
ходятся здѣсь въ болѣе совершенномъ
тождествѣ, т. е. въ большемъ равно-
вѣсіи, нежели въ познаніи и дѣйстви-
ваніи, гдѣ онѣ представляютъ только

относительныя тождества, въ которыхъ рѣшительно преобладаетъ которая либо одна изъ двухъ этихъ силъ.

§ 62.

Впрочемъ, способность чувствованій также не есть безусловное тождество сознанія и воли, потому что самая эта способность имѣетъ *теоретическую и практическую стороны*, изъ которыхъ первая, какъ *убѣжденіе и вкусъ*, ищетъ своего удовлетворенія въ одномъ созерцаніи, а послѣдняя, какъ *эгоизмъ и сердечность*, — въ достиженіи какой либо цѣли. Теоретическая сторона чувствованій есть сознаніе, исполненное воли, и потому дѣйствующее, хотя оно есть только состояніе; а практическая ихъ сторона есть воля, исполненная сознанія, и потому есть побужденіе, чувствующее само себя.

Сознаніе, исполненное воли, и воля, исполненная сознанія, — какъ они являют-

ся въ чувствованіяхъ, — называются еще *возбужденіями* (*Triebe*), такъ что и способность чувствованій можетъ быть названа способностію возбужденій души.

§ 63.

Душевные способности могутъ быть опредѣлены кратко слѣдующимъ образомъ: познавательная способность есть желающее сознаніе; напротивъ того. желательная способность есть ощущающая себя воля; наконецъ способность чувствованій есть частію сознаніе, исполненное воли, а частію воля, исполненная ощущеній.

Эти три главныя способности души, по ихъ различному отношенію къ *тѣлу*, именно къ нервной системѣ, раздѣляются на *чувственную* и *духовную* область. Въ *чувственной* области сознаніе заключается въ органахъ чувствъ и является внѣшнимъ чувствомъ; чувствованія переходятъ въ нервы и выражаютъ

ся ощущеніемъ, которое превращается въ чувственныя пожеланія; воля пребываетъ въ членахъ и обнаруживается произвольнымъ ихъ движеніемъ. *Духосная* или разумная сторона трехъ главныхъ способностей души раздѣляется на свои дальнѣйшія различныя способности по различію смѣшенія въ нихъ сознанія и воли. Именно, такъ какъ всякая душевная способность есть вмѣстѣ сознаніе и воля, только въ различномъ смѣшеніи; а это смѣшеніе допускаетъ безконечно многія степени различія, то отъ большаго или меньшаго преобладанія сознанія или воли, образуются порядки подчиненныхъ способностей души, которыхъ выводъ можно, впрочемъ, предоставить частной Психологіи.

§ 64.

Безусловное тождество, или безразличіе душевныхъ началъ, —какого мы не находимъ ни въ познавательныхъ,

ни въ желательныхъ способностяхъ, ни въ возбужденіяхъ или способности чувствованій, — положено въ *основныхъ свойствахъ души, въ ея субстанціальной индивидуальности*. Въ ея индивидуальности, — состоящей въ томъ, что всё ея противоположности составляютъ въ центрѣ единство, — вся субстанція души переходитъ въ форму, становится сознаніемъ. Напротивъ того, чрезъ волю эта форма опять есть субстанціальна, и душа, не смотря на ея сосредоточеніе въ себѣ, получаетъ возможность снова расширять свои силы.

в) Соотношеніе дѣйствій растительныхъ и душевныхъ.

§ 65.

Теперь, когда мы посредствомъ сведенія способностей души къ основнымъ ея началамъ всмотрѣлись во внутреннюю организацію души, уже возможно намъ постигнуть связь и однородность

растительной и душевной жизни.

Всѣ отправленія жизненной силы сходятся къ двумъ главнымъ: *организации и жизни*, а потому въ ней должно признать и два основныхъ возбужденія: возбужденіе къ *органическому образованію* и *раздражительность*. Но въ этихъ возбужденіяхъ явно обнаруживается полярность жизненной силы, соотвѣтствующая полюсамъ жизни душевной. Возбужденіе къ органическому образованію представляетъ собою сознаніе; напротивъ того раздражительность выражаетъ волю; или лучше сказать, то и другое возбужденіе суть вмѣстѣ сознаніе и воля, но еще въ твердой, естественно - необходимой формѣ, еще затаенныя въ тѣлесномъ веществѣ. Пусть возбужденіе къ органическому образованію отрѣшится отъ тѣлеснаго вещества и пробудится въ самомъ себѣ, — какъ это бываетъ напр. въ сомнамбулизмѣ; тогда оно окажется

силою представленія, но только въ гораздо высшей степени пластическою; напротивъ того, если раздражительность разрѣшится въ мышцахъ, какъ это бываетъ въ судорогахъ, то она окажется волею, только съ гораздо большею необходимостію и энергіею.

§ 66.

Весьма не трудно узнать волю въ раздражительности произвольныхъ и непроизвольныхъ мышцъ, потому что раздражительность, въ своей сущности, есть не иное что, какъ необходимая самодѣятельность, обращенная на раздраженія, — что по большей части составляетъ характеръ самой воли.

Напротивъ того, возбужденіе къ органическому образованію, по видимому, дѣйствуетъ и образуетъ инымъ способомъ и по другимъ законамъ, нежели сознаніе, такъ какъ образованіе тѣлеснаго органа, на первый взглядъ, есть нѣчто

совершенно другое, нежели образованіе представленія, мысли, вымысла, или ка-кого либо плана въ области искусствъ. Но если мы вспомнимъ, что возбужде-ніе къ органическому образованію свя-зано его тѣлеснымъ веществомъ, тогда какъ сознаніе, въ познаніи и искусствѣ, внѣшно и свободно противостоитъ сво-ему тѣлесному веществу, то для насъ и объяснится причина безсознательно-сти и тѣлесности органическаго процесса.

Стоитъ только процессъ питанія и познаванія представить отвлеченно отъ ихъ тѣлесности или безтѣлесности, и тогда параллель между ними уже не покажется намъ странностію. Оба они начинаются воспринятіемъ внѣшняго предмета; потомъ въ обоихъ этотъ пред-метъ уподобляется; а именно, въ од-номъ—переваривается и превращается въ питательный сокъ, а въ другомъ—за-мѣчается и переходитъ въ представленіе,

6.

такъ что пищевареніе мы можемъ называть матеріальнымъ замѣчаніемъ и усвоеніемъ,—какъ и въ общежитіи, по безотчетному чувству связи между ними, замѣчаніе и пониманіе часто называютъ, въ переносномъ смыслѣ, свареніемъ. Кровообращеніе, органическое распредѣленіе и отдѣленіе, конечно, не имѣютъ очевиднаго соотвѣтствія себѣ въ процессѣ познаванія; однакожъ и въ нихъ легко можно найти сходство съ вымысломъ, мышленіемъ и творчествомъ, какъ скоро вспомнимъ, что образовательная сила, въ органическомъ процессѣ, образуетъ тѣлесное вещество, а въ процессѣ познаванія — себя самую; здѣсь дѣйствуетъ свободно и произвольно, а тамъ съ необходимостію и связанностію; и этой необходимости и связанности процесса органическаго образованія мы ни мало не будемъ удивляться, когда обратимъ свое вниманіе на то, что самое

сознаніе въ его свободнѣйшемъ дѣйствіи, въ мышленіи, еще слѣдуетъ необходимой законоопредѣляемости, а въ низшихъ отправленіяхъ, въ замѣчаніи, сохраненіи и воспоминаніи, выражается еще почти совсѣмъ инстинктуально. Высшая степень пластики въ органической образовательной силѣ зависитъ отъ ея необходимости, такъ какъ и сознаніе, чѣмъ произвольнѣе дѣйствуетъ, тѣмъ больше пластики обнаруживаетъ въ своихъ образованіяхъ.

Ч А С Т Н А Я П С И Х О Л О Г І Я.

§ 67.

Природа человѣческой души раскрывается тремя главными способностями: *познавательными, чувствовательными и желательными*, а потому частное ученіе объ ней, по числу этихъ способностей, будетъ содержать въ себѣ три отдѣла.

О П Д Ѣ Л Ѣ И.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ.

§ 68.

Познаваніе есть представленіе дѣйствительности въ сознаніи. Произведеніе познаванія называютъ вообще *знаніемъ*.

Знаніє єсть сознаніє ви́шнього, или внутренняго предмета, єсть предметное сознаніє въ отличіє отъ чувствованій, которыя суть сознаніє внутреннихъ состояній.

Познавательная способность раздѣляется а) на *вы́шнее чувство*, б) *самосознаніє* (внутреннее чувство), в) *способность представленій*, или ~~смысль~~, память и воспоминаніє, г) *фантазію* и д) *разумніє*. Всѣ эти частныя способности познающей души суть различныя видоизмѣненія сознанія.

Всѣ онѣ участвуютъ въ дѣлѣ познанія слѣдующимъ образомъ: три первыя собираютъ матеріаль познанія, а двѣ послѣднія обрабатываютъ его. *Вы́шнее* и *внутреннее чувство* представляютъ сознанію все содержаніє познанія, всю дѣйствительность: *вы́шнее чувство* — міръ тѣлесный, а *самосознаніє* — міръ духовный. ~~Самосознаніє~~ *Самосознаніє* пріобрѣтаетъ

сокровища познаній, память собираетъ ихъ, воспоминаніе сохраняетъ; но безъ обработки и приложенія они остались бы сокровищемъ мертвымъ. Это дѣло, относительно понятій, предоставлено фантазіи и способности разумѣнія, которыя совершаютъ его каждая своимъ образомъ.

Г Л А В А I

В Н Ъ Ш Н Е Е Ч У В С Т В О .

Опытное понятіе о чужестранномъ наблюдении.

§ 69.

Дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ вообще называется *наблюденіемъ*, хотя психологи со времени Канта нерѣдко называютъ его также *воззрѣніемъ*, или *ощущеніемъ*. Но воззрѣніе принадлежитъ только зрѣнію, и слѣд. это выраженіе слишкомъ тѣсно. Ощущеніе же, по общему употребленію этого слова, означаетъ дѣйствіе души, совершенно от-

личное отъ чувственнаго наблюденія, означаетъ именно чувствованіе тѣла. Смѣшеніе чувственнаго наблюденія съ ощущеніемъ произошло отъ особенной теоріи чувственнаго наблюденія, по которой оно совершается будто внутри насъ, и потому въ своемъ основаніи не можетъ быть отличаемо отъ ощущенія: тѣмъ нужнѣе обозначить здѣсь фактическое различіе между наблюденіемъ и ощущеніемъ.

§ 70.

Чувственное наблюденіе есть сознаніе *внѣшняго предмета*, находящагося внѣ души и внѣ тѣла, напротивъ того ощущеніе есть сознаніе *внутренняго, тѣлеснаго состоянія*. Притомъ, ощущеніе выражаетъ въ себѣ общій характеръ чувствованій, т. е. противоположность пріятнаго и непріятнаго; а наблюденіе, пока оно есть только наблюденіе, не сопровождается ни удоволь-

ствіемъ, ни неудовольствіемъ. Это различіе легко поясняется самымъ дѣломъ: домъ, который я вижу, тѣло, которое я осязаю, звукъ который я слышу, — я вижу, осязаю и слышу, какъ дѣйствительности находящіяся внѣ моего я и моего тѣла; напротивъ того сознаніе тѣлесной боли, или удовольствія есть сознаніе не внѣшняго предмета, а внутренняго состоянія души и тѣла; никто и не скажетъ о палкѣ, издали видимой, что онъ ее ощущаетъ.

Ч и с л о ч у в с т в ѣ ѣ .

§ 71.

Если чувственное наблюденіе есть сознаніе внѣшняго предмета, то мы должны признать только пять извѣстныхъ чувствъ: *зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ*, хотя въ осязаніи очень можно бы отличить два, или три различныхъ чувства.

Не всѣ эти пять чувствъ можно на-

звать чистыми чувствами; они болѣе или менѣе смѣшиваются съ ощущеніемъ. Два изъ нихъ, обоняніе и вкусъ, такъ приближаются къ ощущенію, что составляютъ настоящій переходъ къ нему отъ прочихъ чувствъ; напротивъ того зрѣніе наиболѣе удалено отъ ощущенія и представляетъ чувственное наблюденіе въ его возможной чистотѣ. Изъ двухъ остальныхъ чувствъ, слухъ опять болѣе удаленъ отъ ощущенія, нежели осязаніе.

То, что считаютъ шестымъ и седьмымъ чувствомъ: напр. половое чувство, голодъ и т. п. суть чистыя ощущенія, потому что встрѣчающаяся въ нихъ доля предметнаго, приносится къ нимъ другими чувствами, именно осязаніемъ; иначе можно было бы множество и другихъ частныхъ ощущеній отнести къ числу дальнѣйшихъ чувственныхъ наблюденій, напр. боль головы, зубовъ и т. д.

Распорядокъ чувствъ.

§ 72.

Распорядокъ чувствъ можетъ быть теоретическій и практическій.

Теоретическій, иначе физиологическій распорядокъ зависитъ отъ той степени, въ какой они удовлетворяютъ назначенію чувственного наблюденія — приводитъ къ сознанію внѣшній міръ. Чистѣйшее чувственное наблюденіе есть зрѣніе, за нимъ слѣдуетъ слухъ, потомъ осязаніе, наконецъ обоняніе и вкусъ.

Напрасно нѣкоторые признаютъ осязаніе болѣе предметательнымъ и реальнымъ, нежели зрѣніе; такой взглядъ можетъ быть упорно защищаемъ только при слѣпомъ пристрастіи къ осязаемости; на самомъ же дѣлѣ даже слухъ предметательнѣе осязанія, а зрѣніе есть чувство чисто предметательное.

Практическій распорядокъ чувствъ заимствуется отъ ихъ пользы и упо-

требленія, по которому они служатъ средствомъ къ наслажденію, сношенію съ другими и самообразованію. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ниже всѣхъ прочихъ чувствъ обоняніе, котораго недостатокъ можетъ не имѣть особенной невыгоды и которое повторяется въ человѣкѣ только какъ остатокъ органической природы животныхъ низшаго порядка. Напротивъ того зрѣніе и слухъ во всѣхъ отношеніяхъ занимаютъ высшее мѣсто, потому что они представляютъ людямъ изъяснѣйшія наслажденія, открываютъ самый обширный кругъ сношенія и дѣлаютъ ихъ доступными человѣческаго образованія. — Кто изъ двухъ несчастіе, глухой или слѣпой, этого нельзя рѣшить прямо. Прирожденная глухота, безъ сомнѣнія, болѣе затрудняетъ сношеніе и образованіе, нежели врожденная слѣпота даже и теперь, когда глухимъ въ особенныхъ заведеніяхъ от-

крыть доступъ къ образованію. Напротивъ того слѣпота, происходящая по совершеніи образованія, кажется, гораздо тягостнѣе, нежели современемъ приключающаяся потеря слуха, потому что первая болѣе пресѣкаетъ способовъ привычнаго сношенія, нежели послѣдняя.

Обзоръ содержанія чувственнаго наблюденія.

§ 73.

Общій предметъ чувственныхъ наблюденій есть тѣлесный міръ. Его свойства, состоянія и дѣйствія воспринимаются частію только отдѣльными чувствами, а частію многими, или же всѣми вмѣстѣ. Слѣд., содержаніе чувственного наблюденія раздѣляется на частное наблюденіе отдѣльныхъ чувствъ и на общее многимъ чувствамъ. Это различіе, кромѣ уясненія дѣла, имѣетъ еще философскій интересъ относительно предметной истинности виѣшняго на-

блюденія, которую приводятъ иногда въ сомнѣніе, по крайней мѣрѣ въ частныхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ.

а) Частныя наблюденія отдельныхъ чувствъ.

§ 74.

Исключительно посредствомъ зрѣнія усматриваются *цвѣта и блескъ*. Блескъ есть чистый, безцвѣтный свѣтъ, впрочемъ и онъ имѣетъ нѣкоторые оттѣнки: есть блескъ алмаза, металла, стекла и проч. — Главные цвѣта психологъ считаетъ иначе, нежели физикъ: физикъ признаетъ главными цвѣтами только красный, желтый и синій, а психологъ, слѣдующій явленію, причисляетъ къ нимъ еще черный и бѣлый.

Посредствомъ слуха намъ открывается область звука. Въ звукѣ различаютъ, какъ различные *виды* его: *шумъ, тонъ и звонъ*. Шумъ есть *нестройный звукъ*, составленный изъ тоновъ и звоновъ разнаго рода, съ различною степенію воз-

вышенія и пониженія, — и потому шумъ не музыкаленъ. Тонъ и звонъ имѣютъ опредѣленное возвышеніе и пониженіе и потому стройны; различаются же между собою, кажется, тѣмъ, что звонъ состоитъ изъ звуковъ, не только равнаго возвышенія, но и однородныхъ, а тонъ сложенъ изъ звуковъ, хотя равнаго возвышенія, однако болѣе или менѣе не однородныхъ; звонъ именно явственнѣе и потому проше; тонъ глуше и потому гораздо сложнѣе.

Какъ *степени*, ухо различаетъ въ звукахъ вообще *силу и слабость*; а въ тонахъ и звонахъ исключительно мѣру *возвышенія и пониженія*. Последнее различіе зависитъ отъ различной быстроты распространяющихся волнъ звука. Самому низкому тону, какой только можно уловить слухомъ, соответствуютъ 32 сотрясенія струны въ одну секунду, а въ самомъ высшемъ

топѣ считаютъ 12000—16000 сотрясеній въ то же время. Высшая октава заключаетъ въ себѣ двойное число сотрясеній относительно низшей. Соотношеніе тоновъ и звуковъ по степени возвышенія и пониженія образуетъ, при ихъ смѣнаніи въ одно время, *гармонію* и *дисгармонію*, а въ послѣдовательномъ теченіи — *мелодію*.

§ 75.

Частныя *наблюденія осязанія* раздѣляются на три, другъ отъ друга существенно отличные вида: на ощущенія *температуры, давленія и силы*, которыя собственно принадлежатъ тремъ различнымъ чувствамъ, соединеннымъ въ органѣ осязанія.

а) *Ощущеніе температуры* воспринимаетъ *стужу и зной, холодъ и жаръ, прохладу и теплоту*. Относительно прочихъ чувствъ, оно должно быть признано частнымъ наблюденіемъ, чѣмъ и

отдѣляется отъ ощущенія, которому собственно принадлежитъ.

б) Ощущеніе давленія обнаруживаетъ *плотность тѣлъ*, именно *сопротивленіе*, по которому они взаимно исключаютъ себя изъ занимаемаго ими пространства. Плотность есть частное наблюденіе осязанія, хотя взаимное исключеніе тѣлъ можетъ быть также видимо. Въ плотныхъ тѣлахъ ощущеніе давленія различаетъ *твердость и мягкость, шероховатость и гладкость*. Твердымъ называется тѣло неуклонно сопротивляющееся, мягкимъ — уступающее давленію. Совершенно мягкое, или уступающее безъ всякаго сопротивленія есть *жидкость*. Шероховатость ощущается какъ неоднобразное сопротивленіе неровнаго тѣла, а гладкость — какъ однородное сопротивленіе ровнаго.

в) Собственно принадлежащее *ощущенію силы* наблюденіе есть *сила дви-*

женія и покоя, которой безъ ощущас-
мости мышцъ мы и не подозрѣвали бы,
потому что сила какъ движимаго, такъ
и покоющагося тѣла не можетъ быть
видима непосредственно; объ ней заклю-
чаютъ и измѣряютъ ее только по сто-
роннимъ видимымъ даннымъ.

§ 76.

Частныя наблюденія давленія и силы
вполовину уже суть ощущеніе, потому
что всѣ выше исчисленные предметы
ихъ приходятъ къ сознанію только чрезъ
ощущеніе: плотность мы сознаемъ чрезъ
ощущеніе давленія вообще, твердость
и мягкость—чрезъ неизмѣнное и жест-
кое, или уступающее и слабое давле-
ніе; шероховатость и гладкость—чрезъ
ощущеніе давленія, соединеннаго, или
несоединеннаго съ трѣніемъ. Сила по-
кой измѣряется дѣятельнымъ напряже-
ніемъ мышцъ, а сила движенія страда-
тельнымъ.

Смѣшенное наблюденіе ощущенія температуры и давленія есть *сухое* и *мокрое*. Мокрое есть прилипающая жидкость. Мокрое, какъ жидкость, ощущается съ самымъ слабымъ и уступающимъ давленіемъ; особенное же ощущеніе температуры, которымъ мокрое отличается еще отъ жидкаго, напр. отъ ртути, происходитъ отъ испаренія прилипающей жидкости.

§ 77.

Вкусы являются уже совершенно подлежательными и отличаются отъ ощущенія только непосредственнымъ отношеніемъ къ предметамъ *вѣдушаемымъ*, потому что воспринимаютъ ихъ свойства, а не простыя дѣйствія. Различные виды вкусовъ еще не замѣчены сполна и не получили точныхъ наименованій. — По причинѣ сродства вкусовъ съ ощущеніемъ, они почти всѣ выражаютъ противоположность пріятнаго и

непріятнаго, такъ что ощущеніе вкуса только рѣдко бываетъ совершенно безразличнымъ. Въ разговорномъ языкѣ различаютъ слѣдующіе вкусы: *сладкій, горькій, кислый*. Щелочный и соленый наименованы уже не какъ вкусы, но подлежательно, по ихъ предметамъ. Вкусъ нѣжный, острый и терпкій, противный и ѣдкій болѣе выражаетъ только различіе степеней ощущенія. Жгущій и прохлаждающій — принадлежитъ ощущенію температуры, а другія наблюденія рта — ощущенію давленія, — ощущенію осязанія.

Запахи, хотя не въ такой степени сливаются съ ощущеніемъ какъ вкусы, однако еще менѣе замѣчены и поименованы. Чувству обонянія собственно принадлежитъ только противоположность благоуханія и вони; самые запахи наименованы по ихъ предметамъ, замѣченнымъ другими чувствами, какъ напр.

запахъ розы, мускуса и т. д.

б) *Общія наблюденія многихъ чувствъ.*

§ 78.

Частныя наблюденія обонянія и вкуса имѣютъ много общаго между собою, чему впрочемъ много содѣйствуетъ мѣстная связь органовъ этихъ чувствъ.

Зрѣніемъ и осязаніемъ совместно наблюдаются: протяженіе, фигура и движеніе; **слухомъ** примѣчается нѣкоторый отзывъ протяженія; напротивъ того движеніе является въ формѣ совершенно измѣненной и потому особенной.

а) **Протяженіе** можно еще отличать отъ фигуры, потому что въ капельныхъ и упругихъ жидкостяхъ оно встрѣчается одно, безъ фигуры. Это есть разширеніе въ пространствѣ, при чемъ предполагается бытіе пустаго пространства. — Тѣлесное протяженіе имѣетъ три измѣренія: широту, длину и высоту, изображаемая тремя прямоугольно пресѣкаю-

щимися линіями. Одно измѣреніе является *линією* — два *поверхностію*, всѣ три вмѣстѣ образуютъ *объемъ*. Всѣ три измѣренія столько же хорошо наблюдаетъ глазъ, какъ и осязаніе. Напрасно нѣкоторые утверждаютъ, что глазъ видитъ однѣ только поверхности, и что о бытіи третьяго измѣренія, которое для глаза будто обозначается только оттѣнкомъ, удостовѣряетъ насъ уже осязаніе. Нельзя искоренить въ насъ по крайней мѣрѣ той общей увѣренности, что мы непосредственно видимъ третье измѣреніе, а не доходимъ до него только чрезъ отвлеченіе и умозаключеніе. Никакое умозаключеніе не можетъ такъ глубоко вкорениться въ насъ, чтобы оно уже вовсе не могло быть устранено и приведено къ непосредственному наблюденію. Притомъ, слѣпыя отъ рожденія, тотчасъ послѣ операціи, видятъ третье измѣреніе прежде, чѣмъ имѣли время

увидѣнное исправить осязаніемъ, а не только обратить это исправленіе въ навыкъ безсознательнаго умозаключенія. — Кромѣ зрѣнія протяженіе ощущается уже и въ непосредственно слышимомъ распространеніи звука.

§ 79.

б) Подъ именемъ *фигуры* разумѣются всѣ формы и виды, какіе мы наблюдаемъ въ протяженіи тѣлъ. Она есть частію ограниченіе протяженія, частію расположеніе частей по опредѣленнымъ направленіямъ; далѣе, по своему происхожденію она бываетъ или существенная, или несущественная. Существенная фигура твердыхъ тѣлъ есть кристалловидность, или органическая форма, а жидкостей — шаръ. Всякая другая фигура случайна, или искусственна.

в) *Движеніе*, какъ оно наблюдается не однимъ осязаніемъ, но и зрѣніемъ, есть переменна мѣста; но

этотъ результатъ не всегда обнаруживается, хотя тѣло оттого не перестаетъ быть въ движеніи; какъ напр. подпертое тѣло, не перемѣняя мѣста, находится въ движеніи паденія, ощутительномъ для осязанія. — Въ перемѣнѣ мѣста мы еще наблюдаемъ совокупно зрѣніемъ и осязаніемъ связь съ временемъ, — *скорость*, какъ путь пройденный въ опредѣленное время. Сила движенія, какъ произведеніе массы и скорости, не созерцается непосредственно, а понимается помощію вывода изъ видимыхъ дѣйствій. Еще не совершеннѣе наблюдаются зрѣніемъ *причины движенія*. Онѣ бываютъ механическія, динамическія и жизненные. Изъ всѣхъ этихъ трехъ родовъ причинъ, только механическая, или толчекъ другихъ тѣлъ наблюдается совмѣстно зрѣніемъ и осязаніемъ. Между тѣмъ осязаніе ощущаетъ и высшія силы движенія, — динамиче-

скія и жизненныя.

§ 80.

Совмѣстно тремя чувствами, т. е. не только зрѣніемъ и осязаніемъ, но и слухомъ, наблюдается повидимому *отдаленность* и *направленіе*. Именно мы различаемъ не только то, съ какой стороны идетъ *направленіе звука*, — о чемъ, конечно можно догадаться по различію впечатлѣнія въ обоихъ ушахъ, — но столько же непосредственно слышимъ по *направленіямъ звуковъ*, идутъ ли они спереди, или стылу. Вмѣстѣ съ *направленіемъ* слышится и *отдаленность*, однако весьма неопредѣленно и сомнительно, такъ что здѣсь всегда болѣе или менѣе должно помогать умозаключеніе на основаніи крѣпости или слабости звука. Но во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что *отдаленность* и *направленіе* столько же хорошо и столько же непосредственно наблюдается зрѣ-

ніемъ, какъ и осязаніемъ, потому что безъ непосредственнаго наблюденія зрѣніе не могло бы такъ вѣрно руководить осязаніе, какъ это бываетъ напр. у стрѣлковъ и игроковъ на бильярдѣ. Наблюденіе направленій и отдаленностей посредствомъ зрѣнія, имѣетъ то превосходство предъ наблюденіемъ осязанія, что оно простирается въ несравненно большую даль; напротивъ того наблюденію осязанія принадлежитъ то преимущество, что отдаленности и разстоянія имъ не только ощущаются, но и измѣряются. Оттого и зрѣніе привыкаетъ къ измѣренію чрезъ осязаніе и отъ него заимствуетъ всѣ свои мѣры, каковы дюймы, пяди, локти, футы, шаги.

Чувство *обонянія*, какъ чувство отдаленнаго, безъ сомнѣнія, также извѣщало бы о направленіи и отдаленности, если бы у людей вообще оно болѣе было упражняемо. По крайней мѣрѣ, у

животныхъ, оно, кажется, въ высшей степени исполняетъ эту должность.

в) *Общее содержаніе всѣхъ чувствъ.*

§ 81.

Предметъ общаго наблюденія всѣхъ чувствъ есть *пространство и время*. Пространство наблюдается въ протяженіи, отдаленности, направленіи и движеніи, и слѣд. всѣми чувствами, какія въ томъ участвуютъ; и вкусъ въ осязаніи языка и рта имѣетъ пространственное разпиреніе. Время видится, слышится, выбивается какъ тактъ, даже запахи и вкусы измѣряются по продолжительнымъ, или короткимъ моментамъ.

Наконецъ, въ наблюденіи всѣхъ чувствъ положенъ еще рядъ элементовъ, которые, потому что приводятся къ сознанію по отвлеченіи отъ всего остальнаго, наблюдаемаго чувствами, обыкновенно выдаются не за чувственные признаки тѣлъ, а за мыслимое ихъ суще-

ство. Элементы эти сводятся къ двумъ главнымъ видамъ: *бытію* и *измѣняемости*. Мы полагаемъ, что и эти двѣ основы всѣхъ вещей непосредственно наблюдаются, но только завѣтыя и утаенныя въ чувственной оболочкѣ, и оттого только чрезъ отвлеченіе приходятъ къ сознанію; по крайней мѣрѣ дѣйствительное бытіе и измѣняемость, наблюдаемая какъ дѣйствительность, мы столько же хорошо умѣемъ отличать отъ нагаго понятія о нихъ, какъ и всякую другую дѣйствительность.

§ 82.

По причинѣ совмѣстности многихъ наблюденій, одно чувство можетъ замѣняться другимъ. Особенно по причинѣ многочисленныхъ совмѣстныхъ наблюденій зрѣнія и осязанія, это послѣднее чувство можетъ вознаграждать у слѣпыхъ недостатокъ зрѣнія тѣмъ болѣе, что осязаніе посредствомъ упражненія необык-

повенно изощряется. И слухъ можетъ различнымъ образомъ руководить слѣпаго. Недостатокъ у глухихъ слуха, у котораго только немногія наблюденія общи съ другими чувствами, собственно не можетъ быть вознагражденъ, хотя важнѣйшій предметъ слуха, разговоръ можетъ быть сообщаемъ въ другой формѣ. Впрочемъ и наблюденіе слуха переходитъ въ осязаніе; глухонѣмые слышатъ зубами, теменемъ, шейными позвонками, даже локтями, хотя и не ясно. Можетъ быть чрезъ это найдутъ еще средство, болѣе или менѣе вознаграждать глухимъ недостатокъ слуха, особенно если слуховое ощущеніе этихъ мѣстъ болѣе будетъ усилено чрезъ искусно нарѣзанные рубчики, отчего кожа сдѣлалась бы болѣе упругою. — Вкусъ можетъ замѣняться обоняніемъ, потому что пищу оно какъ бы предвкушаетъ издали.

Условія чувственнаго наблюденія.

§ 83.

Для того, чтобы состоялось наблюденіе, потребны слѣдующія условія: а) наблюдаемый предметъ, б) его дѣйствіе, в) среда, г) чувственный органъ, д) сс-заніе вообще и е) вниманіе въ особен-ности. Три первыя условія подлежа-тельны, а три послѣднія подлежательны.

а) Предметы чувственнаго наблюде-нія вообще суть тѣла, т. е. протяжен-ныя и плотныя вещи, разширяющіяся въ пространствѣ и наполняющія его. Однако же для того, чтобы сдѣлаться имъ предметами особаго чувства, они должны находиться въ особенныхъ со-стояніяхъ. Зрѣнію подпадаютъ тѣла только свѣтящія, или освѣщенные, слу-ху только сотрясаемыя съ величайшею скоростію, по крайней мѣрѣ до 32 разъ въ секунду, осязанію только сопроти-вляющіяся, или уступающія съ нѣкото-

рымъ сопротивленіемъ, вкусу только разрѣшаемыя или капельныя, обонянію только летучія и упругія.

б) Дѣйствіе наблюдаемыхъ тѣлъ есть или *динамическое* въ невѣсомыхъ, въ притяженіи и жизненныхъ движеніяхъ, или *механическое* въ звукѣ, давленіи и толчкѣ, или наконецъ *химическое* въ запахахъ и вкусахъ.

в) Среды чувственнаго наблюденія суть: у зрѣнія, — не свѣтъ, какъ обыкновенно полагаютъ, потому что говоря собственно, онъ есть предметъ зрѣнія, — а прозрачныя тѣла; у слуха — упругіе проводники; у вкуса и обонянія, — разрѣшающія жидкости; у осязанія нѣтъ среды.

§ 83.

г) Чувственные органы состоятъ изъ нервовъ, которые завиты въ покровахъ, приспособленныхъ къ принятію и пре-
провожденію дѣйствій свойственныхъ

чувству. Эти покровы суть: у глаза, его прозрачныя, или имѣющія отверстіе оболочки и вещества, у уха—его упругія кожицы и кости; у осязанія—кожа и мышцы; у вкуса и обонянія—мокротныя оболочки носа и рта.

д) Простаго *сознанія* почти безъ всякой самодѣтельности, достаточно для того, чтобы неопредѣленно и мимолетно воспринимать сильнѣйшія чувственныя впечатлѣнія. Но когда сознаніе отвлекается отъ чувственныхъ органовъ, какъ это бываетъ во снѣ и во время углубленія, тогда они остаются нечувствительными, пока снова не вступитъ въ нихъ сознаніе.

е) При слабыхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ и для точнѣйшаго наблюденія требуется *вниманіе*, т. е. самодѣтельно направляющееся сознаніе. При напряженіи вниманія зрѣніе становится взглядомъ и созерцаціемъ, слухъ слу-

шаніемъ и подслушиваніемъ, осязаніе
щупаніемъ и ошупываніемъ, обонаніе
обнюхиваніемъ, вкусъ отвѣдываніемъ.

**ДОНЫНѢШНЯЯ ТЕОРІЯ ЧУВСТВЕННОГО
НАБЛЮДЕНІЯ.**

§ 85.

а) **Е я с о д е р ж а н і е .**

Въ Психологіяхъ издавна господ-
ствуетъ, только различнымъ образомъ
видоизмѣняемая, теорія внутренняго
процесса чувственныхъ наблюдений,
совершающагося при посредствѣ впечат-
лѣній на нервы. По этой теоріи утвер-
ждаютъ, (хотя это есть предразсудокъ,
принятый безъ изслѣдованія) что въ наб-
люденіи предметовъ мы воспринимаемъ не
самую дѣйствительность вѣншнюю, а
одни образы ея въ душѣ, которыхъ про-
исхожденіе и значеніе только различно
объясняется. Оттого наблюдаемые пред-
меты называютъ: чувственными пред-
ставленіями и ощущеніями, идеями и

даже мыслями. Теорія эта поставляет своею исходною точкою фізіологическій фактъ, что для чувственнаго наблюденія требуется непрерывная связь нервовъ внѣшняго органа съ мозгомъ, при чемъ умо-заключаютъ такъ: «если нервы чувствъ, соединяющіе внѣшній органъ съ мозгомъ, перерѣжемъ или перевяжемъ, то во внѣшнихъ частяхъ, отрѣзанныхъ отъ мозга, теряется всякое ощущеніе, между тѣмъ какъ въ нервахъ соединенныхъ съ мозгомъ, оно сохраняется; изъ чего слѣдуетъ, что нервы не сами по себѣ способны къ ощущенію и наблюденію, но только въ связи съ мозгомъ; а потому (?) чувственное наблюденіе и можетъ происходить не въ нервахъ, или въ ихъ оконечностяхъ, а только въ самомъ мозгу». Но здѣсь остается вовсе нерѣшеннымъ, для чего именно нужна непрерывная связь нервовъ внѣшняго органа съ мозгомъ: должны ли быть нервы проводниками

8.

извнѣ вступающихъ чувственныхъ впечатлѣній, или извнутри выступающаго сознанія?

§ 86.

б) Недостатки этой теоріи.

а) Понятіе о чувственномъ наблюденіи, какъ внутреннемъ процессѣ, уничтожается уже тѣмъ самымъ, что для своей собственной возможности, оно должно предполагать совершенно другое, непосредственное наблюденіе внѣшней дѣйствительности; въ противномъ случаѣ, безъ этого непосредственнаго наблюденія, нельзя бы мнимаго чувственного впечатлѣнія преслѣдовать отъ внѣшнихъ предметовъ, чрезъ среду, до чувственного органа и отъ органа чрезъ нервы до души, потому что всякое вступающее въ душу впечатлѣніе было бы только простымъ представленіемъ о предметѣ, а не самимъ предметомъ находящимся внѣ насъ. Такимъ образомъ теорія

внутренняго процесса чувственныхъ наблюдений, какъ скоро захочетъ разъяснить себя, *сама уже высматриваетъ за кругъ представлений*, которымъ она покушается ограничить наблюдение.

б) Не понятно, *какимъ образомъ чувственныя впечатлѣнія переходятъ черезъ нервы въ душу*. Правда, есть много гипотезъ для объясненія этого предмета, какъ то: одни утверждаютъ, что впечатлѣнія эти переходятъ въ мозгъ посредствомъ сотрясенія нервовъ, которые будто натянуты подобно струнамъ; другіе — посредствомъ сотрясенія шариковъ мозговой ихъ субстанціи, которые должны быть упруги; нѣкоторые призываютъ на помощь предположеніе о нервной жидкости, нервномъ эфирѣ, нервномъ духѣ, динамическомъ процессѣ и т. п. Но аа) нервы не натянуты подобно струнамъ; бб) шарики нервной массы такъ мягки и неупруги, что не мо-

гутъ передавать сотрясеній; вв) нервы не суть особенные проводники электрическаго процесса, ни пустыя трубочки для препровожденія летучей жидкости; притомъ и существованіе въ нервахъ этихъ предполагаемыхъ жидкостей и электрическихъ процессовъ недоказано.

в) По этой теоріи остается также непонятнымъ, *какъ душа распоряжается съ принятыми ею впечатлѣніями.* Нервные раздраженія, происходящія по случаю наблюденій, должны быть столько же разнообразны, какъ безконечно разнородныя чувственныя впечатлѣнія: однакожь душа должна отличить эти предметныя нервныя движенія отъ чисто внутреннихъ нервныхъ раздраженій, которыя она ощущаетъ какъ тѣлесныя состоянія; потомъ она должна превратить ихъ, судя по ихъ различію, въ фигуры, звуки, запахи, вкусы: это нервное раздраженіе должна представить

солнечнымъ сіяніемъ, домомъ, городомъ,, а то—проповѣдью, музыкою, запахомъ розы, или табаку и т. д. Послѣ такого превращенія и преобразованія нервныхъ раздраженій въ надлежащіе образы, душа должна бы отнести ихъ къ различнымъ органамъ тѣла и поставить ихъ внѣ себя и внѣ своего тѣла: солнечное сіяніе, домъ, городъ, должна бы отнести къ глазу, рѣчь и музыку—къ уху, запахъ розы и табаку къ носу и т. д. Тогда эти самые органы назначались бы для наблюденія и ощущенія только потому, что душа раскрывалась бы извнутри во внѣшность по образу своего тѣла съ его различными органами.—Но какъ происходило бы при этомъ, что душа не смѣшиваетъ между собою различныхъ нервныхъ раздраженій, что вмѣсто головной боли не полагаетъ дома, не ищетъ лошади вмѣсто судорогъ въ желудкѣ, не смѣшиваетъ музыки

. съ стуломъ? А всего удивительнѣе было бы то, что душа объ этомъ художественномъ дѣлѣ превращенія и внѣпоставленія нервныхъ раздраженій, не имѣетъ ни малѣйшаго сознанія, но все находитъ уже превращеннымъ въ стулья, запахи, цвѣта и пр. сообразно съ самою дѣйствительностію.

Для объясненія этой странности Кантъ допустилъ единственно возможное положеніе, что нервныя раздраженія сами собою распредѣляются по врожденнымъ душѣ формамъ и представляются въ нихъ предметами, какъ они являются; и все это происходитъ трансцендентнымъ, т. е. всякому сознанію и произволу предшествующимъ образомъ. Но при такомъ процессѣ чувственныхъ наблюденій не много останется въ нихъ подлежательной истины, которой и вообще уже нельзя ожидать отъ нихъ послѣдствіа двойнаго превращенія изъ чувственныхъ

впечатлѣній въ нервныя раздраженія, и изъ этихъ раздраженій въ образы наблюденія.

§ 87.

г) Если наблюдаемые предметы суть одни чувственныя представленія, то разумнѣйшимъ взглядомъ на вещи долженъ быть признанъ только идеализмъ, потому что тогда, не имѣя возможности выступить за кругъ нашихъ представленій, мы ничего не знали бы о дѣйстви-тельномъ внѣшнемъ мірѣ, не знали бы даже того, что онъ существуетъ и на насъ дѣйствуетъ. Тогда онъ былъ бы *вещью въ себѣ*, которая еще не проникала въ глазъ и ухо ни одного человѣка, которая не входила ни въ чье чувство, о которой вообще никто благоразумный не мыслить и которой не вѣрить, потому что напр. никому не приходитъ на мысль позади видимаго дома искать еще дома въ себѣ.

Но на то положеніе, что наблюдаемые предметы суть одни чувственные представленія, никогда не согласится здравый человѣческій смыслъ; напротивъ, онъ твердо настоитъ на той мысли, что въ наблюдаемыхъ предметахъ онъ воспринимаетъ живую внѣшнюю дѣйствительность. Эту увѣренность раздѣляютъ съ нимъ и философы въ комнатахъ, за столомъ, въ обществѣ и на рынкѣ, только не философы въ ученомъ кабинетѣ. Философъ въ ученомъ кабинетѣ могъ бы конечно, возразить, — какъ и дѣйствительно возражали здравому человѣческому смыслу, — «что наблюдаемые предметы, конечно, существуютъ въ нашемъ я; мы ихъ сознаемъ въ себѣ: но дѣйствительные внѣшніе предметы не могутъ же войти въ наше я; а слѣд. въ немъ должны находиться только образы ихъ и представленія». — Но для чего же наблюдаемый предметъ непремѣнно

долженъ вноситься въ душу? Отъ чего не допустить наоборотъ, что наше подвижное *я*, съ его сознаніемъ, посредствомъ нервовъ и чувственныхъ органовъ выступаетъ во внѣшній міръ?

НОВАЯ ТЕОРІЯ ЧУВСТВЕННОГО НАБЛЮДЕНІЯ.

§ 88.

Теоріи внутренняго процесса чувственныхъ наблюденій, посредствуемаго впечатлѣніями нервовъ, мы противопоставляемъ теорію *внѣшняго* процесса наблюденій, посредствуемаго *выступленіемъ сознанія*: теорію, которая съ новостію ея, какъ теоріи, соединяетъ то преимущество, что она есть первоначальный взглядъ здраваго человѣческаго смысла.

По этой теоріи, непосредственные предметы чувственного наблюденія суть внѣшнія, независимо отъ нашего сознанія существующія дѣйствительности, именно тѣла и ихъ дѣйствія, или *процессы*.

Тѣла и ихъ процессы подпадаютъ сс-

знанію и наблюденію оттого, что душа выступаетъ къ нимъ и поставляетъ себя въ непосредственное съ ними соприкосновеніе.

Нервная система, конечно есть необходимый органъ чувственного наблюденія; но она не есть проводникъ чувственныхъ впечатлѣній отъ внѣшнихъ органовъ къ мозгу, а напротивъ, служить проводникомъ сознанія отъ средоточія нервной системы къ предметамъ.

Сознательная душа живетъ свободно и вездѣприсутственно по всей нервной системѣ, чтобы всякое чувственное впечатлѣніе тотчасъ воспринимать на мѣстѣ въ надлежащемъ органѣ. Она можетъ даже выступать за нервную систему, впрочемъ не оставляя ея, и двигаться частію въ дѣйствіяхъ тѣлъ, именно въ процессахъ свѣта и звука, а частію достигать къ самымъ тѣламъ дѣйствующимъ, чтобы ихъ самихъ воспри-

нимать въ сознаніе въ ихъ тѣлесной дѣйствительности.

Различныя чувства суть различныя видоизмѣненія, какимъ подвергается сознаніе, выступая во внѣшніе чувственные органы; и чрезъ это въ каждомъ изъ пяти чувствъ открывается сознанію доступъ именно къ извѣстнымъ процессамъ и частнымъ сторонамъ предметовъ. При томъ, въ различныхъ чувственныхъ нервахъ сознаніе движется различными образами, которые, впрочемъ, всё можно, по видимому, свести къ большей свободѣ или связанности этого движенія: въ нервахъ зрѣнія и слуха сознаніе движется съ самою большею свободою и чистотою такъ, что остается нечувствительнымъ къ ихъ состояніямъ; напротивъ того въ нервахъ низшихъ чувствъ оно до того связано и погружено въ нихъ, что принимаетъ участіе въ ихъ состояніяхъ и ощущаетъ ихъ.

§ 89.

Къ глазу въ обширнѣйшемъ смыслѣ принадлежитъ впадина (orbита), въ которой онъ находится, потомъ вѣки, рѣсницы и брови, защищающія отъ свѣта, пыли и насѣкомыхъ. У человѣка глазъ положенъ подъ защитою лба, и оттого брови у него отчасти теряютъ свою цѣль.

Глазъ въ собственномъ смыслѣ состоитъ въ глазномъ яблокѣ. Оно почти шарообразно, только спереди болѣе выпукло. Оно состоитъ изъ прозрачныхъ веществъ, окруженныхъ оболочками. Внѣшнюю толстую и жесткую оболочку называютъ *твердою оболочкою* (sclerotica); она бѣла и составляетъ бѣлокъ въ глазѣ. Спереди она кругло вырѣзана, чтобы нѣсколько выпуклой, прозрачной *роговой оболочкѣ* (cornea) дать возможность выдаться подобно стеклу у часовъ. Крѣп-

кая оболочка подложена *сосудистой* оболочкою (*choroidea*), которая отдѣляетъ черную, или темную краску. Какъ *роговая* оболочка примыкаетъ къ *твердой*, такъ оболочка *радужная* (*iris*)—къ *сосудистой*. *Радужная* оболочка есть извнѣ еще видимое, цвѣтное кольцо, сообщающее глазу цвѣтъ. Оно имѣетъ въ срединѣ круглое отверстіе, зрительную дырочку, или *зрачекъ* (*pupilla*). Это кольцо расширяется или суживается смотря по различнымъ обстоятельствамъ, именно при слабѣйшемъ или сильнѣйшемъ свѣтѣ. Глазныя оболочки содержатъ въ себѣ прозрачныя жидкости: въ глазной полости, — ограниченной съ одной стороны твердою оболочкою, съ другой чечевицею, раздѣленной радужною оболочкою на двѣ половины, соединяемая зрачкомъ, — находится *водяная жидкость* (*humor aqueus*); за нею внутри слѣдуетъ *кристальная чечевица* (*lens*

crystallinea), съ двухъ сторонъ выпуклое тѣло, состоящее изъ неравныхъ, къ срединѣ болѣе толстыхъ и съ задней стороны болѣе выпуклыхъ, слоевъ пластинокъ; за кристальною чечевицею находится *стеклянная влага* (humor vitreus), или *стекловидное тѣло*. Эти прозрачныя, наполняющія глазное яблоко, вещества, одѣты тонкою прозрачною оболочкою, которая—когда обнимаетъ водяную жидкость, называется *membrana humoris aquei*; когда обнимаетъ чечевицу—*capsula lentis*; а когда обнимаетъ стеклянную жидкость—*tunica hyaloidea*. Въ эту послѣднюю жидкость проникаетъ оболочка и раздѣляетъ ее на клѣточки, чрезъ что она получаетъ видъ и составъ студенистаго тѣла.

Въ глубинѣ глаза зрительный нервъ проникаетъ сквозь твердую и сосудистую оболочку и на послѣдней простирается *слѣточкою* (retina).

§ 90.

Въ зрѣніи главное отправленіе принадлежитъ зрачку и преломляющимъ тѣламъ глаза, именно роговой оболочкѣ и чечевицѣ. Отъ каждаго видимаго пункта зрачокъ собираетъ конусы лучей, которыхъ вершина находится въ свѣтящихся пунктахъ, а основаніе — въ зрачкѣ. Эти конусы лучей и сами собою отразили бы образъ предмета на сѣточкѣ, но не ясно, потому что они входили бы одни въ другіе, и изглаживали бы другъ друга; преломляющія же тѣла глаза производятъ то дѣйствіе на конусъ лучей, что позади себя снова сосредоточиваютъ ихъ въ одинъ пунктъ, который лежитъ на оси конуса; если тѣло имѣетъ напр. двѣнадцать видимыхъ пунктовъ, то двѣнадцать различныхъ конусовъ лучей проходятъ сквозь зрачокъ и собираются внутри глаза въ двѣнадцати различныхъ пунктахъ, которые всеѣ

лежать въ опредѣленномъ разстояніи за кристальною чечевицею и тамъ представляютъ ясный образъ предмета. — Но этотъ образъ долженъ находиться въ превратномъ положеніи, потому что оси свѣтовыхъ конусовъ, исходящихъ отъ низшихъ частей видимаго тѣла, падаютъ на верхнюю часть глаза, оси верхнихъ свѣтящихся точекъ тѣла падаютъ на нижнюю, идущія слѣва — падаютъ на правую, а идущія справа — на лѣвую часть въ глубинѣ глаза. Это показаніе теоріи подтверждается и опытомъ, потому что превращенные образы предметовъ на основѣ глаза могутъ быть видимо представлены.

§ 91.

Чтобы состоялось ясное созерцаніе предмета, для того ясный образъ, происшедшій означеннымъ способомъ, долженъ падать прямо на сѣточку, а не спереди, или позади ея. Но, по извѣстному закону Оптики, ясный образъ от-

даленнѣйшихъ предметовъ отражается ближе, а ближайшихъ далѣе за чечевицею. По этому близорукость происходитъ отъ излишней силы преломленія въ глазѣ, по которой ясные образы отдаленныхъ предметовъ, уже и безъ того близко падающіе за кристалльною чечевицею, приближаются къ ней еще болѣе, такъ что конусы лучей, тамъ гдѣ они упадаютъ на сѣточку, снова расходятся и даютъ тусклый образъ. Этому недостатку зрѣнія помогаютъ посредствомъ вогнуто-полированныхъ стеколъ, разсѣвающихъ лучи. Напротивъ того дальнорукость зависитъ отъ слабѣйшей силы преломленія въ глазѣ, въ слѣдствіе которой ясные образы ближайшихъ предметовъ, уже и безъ того далеко падающіе позади кристалльной чечевицы, собираются за сѣтчатую оболочкою, при чемъ на нее падаютъ еще несосредоточенные конусы лучей, и потому даютъ

9.

образъ равно тусклый. Этому недостатку зрѣнія пособляютъ выпуклыми преломляющими стеклами.

Еще не знаютъ съ точностію, какимъ образомъ здоровый глазъ можетъ видѣть отдаленнѣйшія и ближайшія тѣла съ одинаковою ясностію. Безъ сомнѣнія, это зависитъ главнымъ образомъ отъ различнаго отъверстія зрачка и различной плотности кристалльной чечевицы. При близкихъ предметахъ, зрачокъ сжимается такъ, что свѣтовые конусы преломляются только чрезъ плотнѣйшую среду кристалльной чечевицы и слѣд. сильнѣе; при отдаленныхъ — онъ разширяется, чтобы свѣтовые конусы менѣе собирались въ тончайшихъ внѣшнихъ пластинкахъ кристалльной чечевицы. Впрочемъ, этому можетъ содѣйствовать и перемѣна формы глаза.

§ 92.

Одни изъ фізіологовъ полагаютъ, что

образы, отражающіеся на сѣтчатой оболочкѣ, суть непосредственные предметы зрѣнія; а другіе думаютъ, что эти образы служатъ только къ тому, чтобы приводить зрительный нервъ въ опредѣленные возбужденія, которыя передаются въ мозгъ, и посредствомъ его въ душу, и тамъ-то уже производятъ образы наблюденія, видимые нами. Последнее предположеніе уже отвергнуто нами, вмѣстѣ съ общою его теоріею внутренняго процесса чувственнаго наблюденія; а первое опровергается тѣмъ, что мы высматриваемъ сквозь глазъ наружу; что мы непосредственно наблюдаемъ направленіе и отдаленность, равно какъ и третье измѣреніе; что двумя глазами мы видимъ только одинъ предметъ; особенно говоритъ вопреки этому предположенію превратность образовъ въ глазѣ, которая составляла бы явное противорѣчіе, если не самому зрѣнію, то по край-

ней мѣрѣ осязанію.

§ 93.

Ясные образы на сѣтчатой оболочкѣ имѣютъ только то значеніе для зрѣнія, что они суть мѣсто окончательнаго раздѣленія лучей. Зрѣніе происходитъ не на этомъ мѣстѣ, но внутри свѣтоваго процесса, въ который выступаетъ сознание, чтобы частію двигаться внутри его и воспринимать *образъ* предметовъ, представляемый имъ, а частію, чтобы въ немъ доходить даже до освѣщенной *поверхности* тѣль и наблюдать ее самую.

Главное назначеніе глаза то, чтобы зрительный нервъ, въ которомъ сознание выступаетъ въ несвязанной чистотѣ, подвергать *непосредственному* дѣйствию вишняго міра. Всякой другой нервъ тѣла принимаетъ только посредственныя дѣйствія. Свѣтъ есть единственный тѣлесный процессъ, который непосредственно достигаетъ до

первовъ и слѣд. до сознанія такъ, какъ изшелъ изъ внѣшнихъ тѣмъ. По этому же, только свѣтъ и озаряемый имъ внѣшній міръ являются свѣтлыми, за тѣмъ что свѣтлость есть не иное что, какъ непосредственное сознаніе внѣшняго міра и его дѣйствія. Темнота прочихъ чувствъ происходитъ отъ того, что ихъ наблюденія всѣ посредственны.

§ 49.

Цвѣта раздѣляются на *предлежа-
тельные* и *подлежательные*.

Что касается до *предлежательныхъ* цвѣтовъ, то черный есть недостатокъ свѣта, а слѣд. и цвѣта. Напротивъ того, красный, желтый и голубой суть поляризації свѣта, и взимаемые по два всегда образуютъ противоположность съ третьимъ и потомъ между собою нейтрализуются: голубой, взятый вмѣстѣ съ желтымъ, или зеленый, составляетъ противоположность съ краснымъ; красный

съ желтымъ, или оранжевыйъ противопологается голубому; наконецъ красныйъ съ голубымъ, или фіолетовый — желтому. Происходящій изъ всѣхъ этихъ противоположностей цвѣтъ нейтральный есть бѣлый.

Происхожденіе *подлежательныхъ* цвѣтовъ и ихъ отношеніе къ подлежательному остается еще необъясненнымъ. Явленіе подлежательныхъ цвѣтовъ отчасти можетъ зависѣть отъ усиленной или ослабленной чувствительности глаза къ свѣту вообще и къ опредѣленнымъ цвѣтамъ. Впрочемъ подлежательный свѣтъ и цвѣтъ являются послѣ сильнаго раздраженія глаза даже въ темнотѣ и при закрытыхъ глазахъ. То, что развивается чя подлежательный свѣтъ и разлагается въ подлежательные цвѣта, кажется, есть жизненная дѣятельность глаза. Подлежательный цвѣтъ, являющійся и при закрытыхъ глазахъ, смѣ-

шиваясь съ подлежательнымъ бѣлымъ свѣтомъ, переходитъ въ противоположный ему, напр. подлежательный красный образъ солнца, будучи видимъ на свѣтломъ грунтѣ, превращается въ зеленый. По этому подлежательные цвѣта, кажется, дѣлають глазъ нечувствительнымъ къ одноименнымъ съ ними элементамъ бѣлаго свѣта, и допускають къ наблюденію зрѣніемъ только цвѣта противоположные.

Неспособность глазъ у нѣкоторыхъ видѣть цвѣта вообще, или различать ихъ въ частности, можетъ быть, зависить отъ того, что у нихъ уничтожена чувствительность къ подлежательнымъ цвѣтамъ подлежательными.

§ 95.

Направленіе предметовъ мы видимъ въ направленіи свѣтовыхъ лучей, а отдаленность въ длинѣ ихъ.

Что касается до протяженія, то мы

видимъ или *естественную* величину предмета, когда наше сознаніе внутри угла зрѣнія простирается къ поверхности тѣла, или напротивъ только *кажущуюся* величину, когда наше сознаніе въ углѣ зрѣнія останавливается на ближайшемъ предметѣ, чтобы сравнить съ нимъ отдаленный. Въ послѣднемъ случаѣ, кажущаяся величина отдаленнаго предмета равняется тому отверстію угла зрѣнія, какое получаетъ оно, простираясь къ этому предмету съ ближайшаго тѣла, принятаго за мѣру. Последнее, какъ и вообще всякое ближайшее тѣло, рассматриваемое само по себѣ и безъ сравненія съ предметами еще ближайшими, видится въ своей естественной величинѣ, но только не измѣряется. Обыкновенное мнѣніе, будто бы мы вообще видимъ только кажущуюся величину, которая должна зависѣть отъ величины угла зрѣнія, имѣеть

значеніе только при томъ предположеніи, что видимые предметы суть не болѣе какъ образы на сѣтчатой оболочкѣ, которые конечно соотвѣтствуютъ опредѣленному отверстию угла зрѣнія. Уголъ зрѣнія, самъ по себѣ, даже не представляетъ никакой, или лучше сказать, самыя различныя величины предмета: въ своей вершинѣ онъ равенъ 0, а чѣмъ ближе къ предмету, тѣмъ болѣе приближается къ естественной величинѣ. Третье измѣреніе мы наблюдаемъ въ различномъ отдаленіи переднихъ и боковыхъ поверхностей, равно какъ впередъ и назадъ выдающихся угловъ и боковъ.

с л у х ъ.

§ 96.

Слуховой органъ раздѣляютъ на *внѣшнее, среднее и внутреннее ухо*.

Внѣшнее ухо отграждено отъ средняго барабанною перепонкою. Оно состоитъ изъ наружнаго раковинообразна-

го хряща и наружнаго слуховаго хода. Наружный хрящ уха имѣетъ то назначеніе, чтобы собирать и приводить къ уху сколько можно большее количество лучей звука. Впрочемъ онъ выполняетъ это назначеніе въ совершеннѣйшей мѣрѣ только у животныхъ, у которыхъ уши удободвижимы и имѣютъ форму полуворонки: недостатокъ, который человѣку назначено восполнять разумнѣемъ.

Среднее ухо состоитъ изъ барабанной полости, находящейся за барабанною перепонкою. Чтобы болѣе или менѣе можно было напрягать ее по различію звуковъ, къ ней идетъ отъ внутренняго уха снарядъ костечекъ: *стремя*, которое находится на овальномъ отверстіи (*fenestra ovalis*), ведущемъ во внутреннее ухо, *наковальня* и *молоточекъ*, который своею рукояткою входитъ въ барабанную перепонку. Барабанная полость наполнена воздухомъ,

который перемѣняется изъ полости рта чрезъ Евстахіеву трубу.

Наконецъ *внутреннее ухо* или *лабиринтъ*, находящійся въ самой крѣпкой, каменистой височной кости, состоитъ: изъ *преддверія*, — которое сообщается чрезъ овальное, упругою перепонкою замкнутое, отверстіе съ барабанною полостію, — изъ *улитки* и трехъ *полукружныхъ* каналовъ. Улитка, обвивающаяся два раза съ половиною около оси, раздѣлена тонкою спиральною пластинкою на два хода или *лѣстницы*, — нижнюю и верхнюю. Верхняя, какъ и три полукружные каналы, сообщается съ преддверіемъ, а нижняя, напротивъ, чрезъ круглое отверстіе, которое опять перетянута упругою перепонкою, непосредственно сообщается съ барабанною полостію. На стѣнкахъ этихъ полостей, покрытыхъ чрезвычайно тонкою оболочкою, а особенно по спиральной пластинкѣ

улитки распространяется слуховой нервъ весьма тонкими вѣточками. Внутреннее ухо наполнено водянистыми парами.

§ 97.

Назначеніе уха то, чтобы слуховой нервъ, въ которомъ сознаніе движется съ особенною свободою и чистотою, могъ ненарушимо подвергаться тончайшимъ и быстрѣйшимъ механическимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ состоитъ звукъ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что слуховой нервъ распространяется за упругими перепонками и полостями, которыя наполнены упругими тѣлами. Углубленное положеніе слуховаго нерва, равно какъ различные переходы, которымъ подвергается звукъ, защищаютъ нервъ отъ насильственныхъ потрясеній.

§ 98.

Самое слышаніе состоитъ въ выступленіи сознанія во внѣшніе процессы звука: потому что мы слышимъ чрезъ

ухо наружу, отчего и отличаемъ въ самомъ ухѣ происходящіе звуки, напр. шумъ въ ушахъ, отъ звуковъ внѣшнихъ; направленіе звука наблюдаемъ совершенно непосредственно; слышимъ также, хотя и не такъ ясно, его отдаленность и распространеніе; особенно же подтверждается это тѣмъ явленіемъ, что при множествѣ процессовъ звука, въ одно время наполняющихъ ухо, мы можемъ различать ихъ, можемъ вслушиваться въ каждый порознь и до того углубляться въ который либо одинъ, что прочіе совершенно могутъ быть прослышаны. Если бы слышаніе происходило во внутреннемъ ухѣ и внутри распространяющагося тамъ слуховаго нерва, или даже въ самомъ мозгу, то нельзя было бы ни различать одновременные процессы звука, ни углубляться въ нихъ порознь, потому что внутри слуховаго нерва они сливаются до невоз-

возможности различать ихъ. Одновременные звуки различаются только по ихъ направленію, которое по этому, если только мы ихъ различаемъ, должно быть воспринимается непосредственно.

§ 99.

Органъ зрѣнія и слуха у насъ двойной, и однако видимый и слышимый предметъ является намъ только единичнымъ. Эту загадку хотѣли рѣшить тѣмъ предположеніемъ, что мы будто бы всегда видимъ и слышимъ попеременно только однимъ глазомъ и однимъ ухомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это и бываетъ; но въ другихъ можно доказать, что мы дѣйствительно двойнымъ органомъ наблюдаемъ только одинъ предметъ; напр. чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ точнѣе судить о направленіи звука, мы употребляемъ оба уха, а между тѣмъ относимъ звукъ къ сторонѣ того уха, которое сильнѣе поражается. Для убѣ-

жденія, что одинъ предметъ мы видимъ вдругъ обоими глазами и однако же единичнымъ, достаточно слѣдующаго опыта. Если будемъ держать перо надъ бумагою такъ, чтобы намъ видна была тѣнь его съ обѣихъ сторонъ, то закрывая одинъ глазъ, мы увидимъ лѣвымъ глазомъ только лѣвый край тѣни, а напротивъ того правымъ — только правый край, и чрезъ то убѣдимся, что оба края тѣни мы видимъ при употребленіи въ одно время обоихъ глазъ, хотя самый предметъ оттого не кажется двойнымъ. Но еще болѣе ощутимъ совмѣстное участіе обоихъ глазъ въ зрѣніи, когда будемъ смотрѣть сквозь очки съ разноцвѣтными стеклами, потому что предметъ представится тогда въ среднемъ или нейтральномъ цвѣтѣ, и однакожъ единичнымъ.

§ 100.

Что мы двумя глазами видимъ пред-

меть единичнымъ (въ чемъ однакожь косые составляютъ исключеніе), это зависитъ отъ направленія обоихъ глазъ къ предмету такъ, что оси обоихъ пресѣкаются въ каждомъ данномъ пунктѣ. Если оси глазъ не сходятся, то глазъ непривыкшій къ тому, видитъ предметъ вдвойнѣ. Если мы напр. усиливаемся вдругъ видѣть два предмета, по прямой линіи на нѣсколько футовъ одинъ за другимъ находящіеся (что впрочемъ требуетъ насильственнаго напряженія глазъ), то ближайшій предметъ является двойнымъ, пока не установимъ взора на отдаленнѣйшемъ, и на оборотъ.

По нашей теоріи зрѣнія удобнѣе объясняется видѣніе единичное, чѣмъ двойственное. Одновидѣніе происходитъ тогда, когда сознаніе, привыкшее выступать по направленію обѣихъ осей глазъ, сходится само съ собою въ томъ пунктѣ, гдѣ онѣ пресѣкаются, по-

тому что тогда оно видитъ самый свѣ-
тящій пунктъ, и слѣд. однимъ какъ онъ
и есть. Если же, напротивъ, оси глазъ
расходятся въ отношеніи къ свѣтяще-
муся пункту, то сознаніе видитъ раз-
личные свѣтовые процессы его, и вмѣ-
стѣ съ этимъ два образа его, но все,
по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ бу-
детъ представляться неопредѣленнымъ,
именно простымъ процессомъ свѣта.

О С Я З А Н І Е .

§ 101.

Органъ *осязанія* вообще составляетъ
вся поверхность тѣла, а не одни только
ладони съ оконечностями пальцевъ, ко-
торые впрочемъ преимущественно слу-
жать къ осязанію, — частію по причинѣ
большаго въ нихъ количества нервовъ,
при большей тонкости и нѣжности *верх-*
ней кожицы (epidermis) и *кожи* (co-
rium) — а частію, и даже преимуще-
ственно потому, что рука служитъ ор-
10.

ганомъ движенія, особенно усовершенствующаго осязаніе, именно щупанія. Впрочемъ въ чувствѣ осязанія, для трехъ различныхъ наблюденій его, — температуры, давленія и силы, — есть столько же различныхъ органовъ и слѣд. въ немъ можно различать нѣкоторымъ образомъ три чувства.

§ 102.

Органъ ощущенія внѣшней температуры есть кровь; всякое наблюденіе внѣшнихъ температуръ основывается на ощущеніи разности и постепеннаго уравненія съ ними теплоты крови. Тѣла чувствуются жгучими, когда ихъ температура превышаетъ теплоту крови и когда по этому они сообщаютъ теплоту поверхности нашего тѣла. Они являются горячими и теплыми, когда у поверхности нашего тѣла извлекаютъ менѣе теплоты, нежели сколько доставляетъ внутренний источникъ теплоты; наконецъ они

ощущаются прохладными, холодными и ледяными по мѣрѣ того, какъ у нашей кожи, въ опредѣленное время, извлекаютъ болѣе теплоты, нежели сколько восполняется изнутри. По этому ощущение температуры можно назвать *чувствомъ крови*.

Органъ чувства *давленія* есть кожа съ распростертыми въ ней нервами, и именно нижняя кожа (*corium*), потому что верхняя кожа сама по себѣ нечувствительна. По этому ощущение давленія можно назвать *чувствомъ кожи*. Нервы развѣтвляются и скрываются внутри нижней кожи, не выступая на поверхность ея. Такимъ образомъ они находятся подъ охранительнымъ покровомъ, который притомъ до того *неупругъ*, что тончайшія сотрясенія, изъ которыхъ состоитъ звукъ, въ немъ какъ бы теряются, а передаются только грубѣйшія движенія, которыя одни и ощу-

щаются. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и звукъ проникаетъ внутрь, и частію чрезъ органы осязанія, равно какъ и чрезъ зубы, проводится къ слуховымъ нервамъ, а частію непосредственно слышится въ другихъ частяхъ нервной системы, какъ то: черепѣ, шейныхъ позвонкахъ, локтяхъ, груди.

Органомъ ощущенія силы служатъ мышцы съ распростертыми въ нихъ нервами ощущенія, потому что сила внѣшняго сопротивленія и извнѣ дѣйствующаго движенія измѣряется дѣятельнымъ и страдательнымъ напряженіемъ мышцъ. По этому ощущеніе силы можно назвать *чувствомъ мышцъ*.

§ 105.

Температуры, наблюдаемыя по видимому какъ состоянія осязаемыхъ тѣлъ и слѣд. внѣшно и подлежательно, на самомъ дѣлѣ суть только подлежательныя состоянія поверхности нашего собственнаго тѣла,

и потому только и ощущаются. Ощущеніе это кажется внѣшнимъ наблюденіемъ отъ того, что температура, по причинѣ соединенныхъ съ нею подлежательныхъ наблюденій осязанія, произвольно и безсознательно вносится въ осязаемыя тѣла. Прочія наблюденія осязанія заключаютъ въ себѣ частію подлежательныя состоянія, каковы напр. ощущенія давленія и силы, а частію подлежательныя свойства, состоянія и дѣйствія осязаемыхъ тѣлъ, какъ напр. протяженіе и фигура, сопротивленіе, покой и движеніе. Первые ощущаются внутренно, а послѣднія наблюдаются внѣшно: такъ напр. руку мы непосредственно наблюдаемъ какъ предметъ, а пожатіе руки непосредственно ощущаемъ какъ состояніе. Не для чего предполагать, будто мы только посредствомъ умозаключенія переходимъ отъ ощущеній осязанія къ предметамъ его наблюденій, потому что нѣкоторые изъ

нихъ исключительно принадлежать осязанію, каковы напр. ощущеніе соприкосновенія и силы движенія, понятія о которыхъ никакъ не могли бы произойти въ насъ независимо отъ осязанія. Слѣд. и въ немъ сознаніе изходитъ во внѣшній міръ; только оно возмущается и потемняется тѣмъ, что здѣсь посредствуетъ впечатлѣніе.

ОБОНЯНІЕ И ВКУСЪ.

§ 104.

Устройство органовъ обонянія и вкуса состоитъ въ томъ, что въ нихъ чувственные нервы развѣтвляются въ слизистыя оболочки, которыя, посредствомъ влаговъ отдѣляемыхъ ими, вкушаемая тѣла разрѣшаютъ, а летучія всасываютъ. Обоняніе и вкушеніе зависятъ безъ сомнѣнія отъ химическихъ дѣйствій этихъ тѣлъ на слизистыя оболочки рта и носа, каковыя дѣйствія только посредственно сообщаются нервамъ, такъ что вкусы и

запахи должны состоять въ химическихъ воздѣйствіяхъ слизистыхъ оболочекъ. Непосредственныя химическія дѣйствія на нервы даже невозможны, такъ какъ нервы не подвергаются имъ прямо, да и не могутъ подвергаться имъ безъ вреда. Что вкушаемая тѣла производятъ химическое дѣйствіе на слизистыя оболочки рта, это при вкушеніи нѣкоторыхъ тѣлъ оказывается видимо, такъ напр. уксусъ и щелочная соль цвѣтъ верхней кожицы рта измѣняютъ то въ бѣлый, то въ желтый.

§ 105.

Обоняніе такъ относится ко вкусу, какъ слухъ къ осязанію. Обѣ пары чувствъ обращены каждая къ одному и тому же внѣшнему процессу, первая къ химическому, а послѣдняя къ механическому процессу движенія, но такъ что обоняніе и слухъ предназначены къ воспринятію тончайшихъ, а вкусъ и

осязаніе грубѣйшихъ формъ этихъ процессовъ.

Ротъ и носъ, своими мокротными оболочками какъ кожицами, участвуютъ въ ощущеніи давленія, а своими мышцами — въ ощущеніи силы, — въ ощущеніяхъ, свойственныхъ осязанію. Эти наблюденія осязанія, кажется, составляютъ единственную истинную подлежательность въ наблюденіяхъ обонянія и вкуса; а сами по себѣ эти послѣднія состоятъ, по видимому, изъ одного ощущенія состояній органа, которое только по соединенію съ ними наблюденій осязанія непосредственно относимо бывать къ предметамъ.

Длительность разсужденія, запаянная
въ чувствительномъ наблюденіи.

§ 106.

Нѣкоторыя чувствительныя соотношенія предметовъ мы уразумѣваемъ только чрезъ умозаключенія; но эти умозаключенія мало по малу достигаютъ до такой

степени бѣглости, что результатъ ихъ кажется непосредственнымъ наблюденіемъ. Сюда преимущественно относится измѣреніе видимыхъ разстояній и величинъ тѣмъ глазомѣромъ. Впрочемъ такого рода умозаключенія все еще явно отличаются отъ непосредственныхъ наблюденій своею произвольностію, невѣрностію и неравнымъ развитіемъ у различныхъ индивидуумовъ.

ГЛАВА II

САМОСОЗНАНІЕ ИЛИ ВНУТРЕННЕЕ ЧУВСТВО.

§ 107. 107

Наблюденіе есть непосредственное сознаніе дѣйствительности. Но изъ всей дѣйствительности внѣшнее чувственное наблюденіе обнимаетъ только одну часть, міръ тѣлесный; а другая, столькоже огромная часть ея, внутренній, духов-

ный міръ заключенъ для чувствъ и утаенъ отъ нихъ. Изъ чувственныхъ наблюдений можно бы развѣ только гадать и умозаключать о немъ по законамъ причинности, такъ какъ въ чувственномъ мірѣ мы находимъ множество явленій и дѣйствій, которыя не могутъ имѣть чисто тѣлеснаго происхожденія, и потому предполагаютъ причину, лежащую выше міра чувственного. Но посредствомъ такихъ заключений мы никакъ не дошли бы до самаго міра духовнаго, до его положительной природы, еслибъ въ себѣ самихъ не имѣли о немъ непосредственнаго сознанія, или наблюденія; оно—то уже, чрезъ аналогію, открываетъ путь положительному заключенію и о внѣшнемъ мірѣ духовномъ.

Этотъ второй главный источникъ познанія, соотвѣтствующій внѣшнимъ чувствамъ, называютъ *внутреннимъ чув-*

ствомъ, или самосознаніемъ.

§ 108.

Предметъ, или правильнѣе говоря, содержаніе самосознанія есть внутренняя дѣйствительность, именно самая душа съ ея свойствами и способностями, ея дѣйствіями и состояніями.

Что душа внутренно наблюдаетъ саму себя, въ своей непосредственной дѣйствительности, — это открывается во первыхъ изъ того, что еслибы она знала о себѣ только чрезъ размышленіе, то должно бы предполагать въ ней посредственную мысль, или естественное представленіе о себѣ; но такой мысли и такого представленія и нѣтъ о душѣ; есть только слово: *душа*, но и оно имѣетъ живое значеніе только при самонаблюденіи. Это же, во-вторыхъ, видно изъ того, что всякое заключеніе о существованіи души, какъ напр. Картезіево: *cogito, ergo sum*, уже предполагаетъ не-

посредственное сознание о ней, потому что во всѣхъ внутреннихъ фактахъ, отъ какихъ только можетъ выступить умозаключение, *я* уже положено: *cogito*, а не *cogitatur*. Мысль, что внутренний взоръ не достигаетъ и до способностей души, а не только до самаго *я*, — можетъ образоваться развѣ только у того, кто не знаетъ главныхъ ея способностей, — сознания и воли, которыя однакоже всякъ весьма легко можетъ найти въ себѣ.

Содержаніе внутренняго чувства обнимаетъ всю область Психологіи; это чувство есть собственный ея органъ.

§ 109.

/ Наблюденіе внутренней дѣйствительности несравненно труднѣе, чѣмъ наблюденіе предметовъ внѣшнихъ. Содержаніе внутренняго наблюденія мимолетно, а внѣшній предметъ постояненъ; то слитно, а этотъ самъ по себѣ отдѣленъ и отособленъ; первое существуетъ вну-

тренно и остается внутреннимъ, болѣе только ощущаемымъ; а послѣдній уже самъ собою представляется намъ подлежательно. Наконецъ, внутреннее наблюдение есть отправленіе свободное и искусственное, а наблюдение внѣшнее больше направляется естественною необходимостію; предметъ внѣшняго чувства можетъ мимо нашей воли представляться нашему наблюдению; а къ наблюдению внутренней дѣйствительности подается только поводъ, выполненіе же наблюденія зависитъ отъ доброй воли каждаго. По этимъ причинамъ, содержаніе внутренняго чувства для большей части людей извѣстно только поверхностно, не смотря на то, что оно каждому предлежитъ гораздо ближе и полнѣе, чѣмъ предметы внѣшнихъ чувствъ; даже были люди, которые покушались вовсе отрицать его и опровергать.

Внутреннее наблюдение собственно

не есть ни знаніе, ни чувствованіе: для перваго недостаетъ у него предметности въ его содержаніи, а для послѣдняго—противоположности пріятнаго и непріятнаго ощущенія, такъ какъ содержаніе этого наблюденія и не ограничивается одними только состояніями.

§ 110.

Искусственное отправленіе внутренняго чувства есть самовоззрѣніе, (рефлексъ) или обращеніе сознанія къ самому себѣ. Черезъ такое отправленіе сознательная дѣятельность души какъ бы раздѣляется, потому что, съ одной стороны, душа должна продолжать свою дѣятельность въ непосредственномъ отправленіи, которое хочетъ наблюдать, а съ другой, должна отвлечься отъ него и обратить на него свой наблюдательный взоръ. Такимъ образомъ наше *я*, сколько возможно при ненарушимости его тождества, является во время самовоззрѣнія

субъектомъ и объектомъ, содержаніемъ внутренняго наблюденія и силою наблюдающею. Впрочемъ, непосредственное отправленіе можетъ быть схвачено только въ ту самую минуту, какъ душа бросаетъ взоръ на саму себя; въ слѣдующее мгновеніе оно уже исчезло.

Такимъ раздѣленіемъ сознательной дѣятельности объясняется психологическій законъ, — что степень силы и живости непосредственнаго отправленія находится въ обратномъ отношеніи къ степени силы и живости самовозрѣнія. Кто совершенно занятъ какими либо предметами или чувствованіями, тотъ не углубляется въ свое собственное состояніе; и наоборотъ, самовозрѣніе, или просто, вниманіе, обращенное на насъ самихъ, мѣшаетъ успѣху непосредственныхъ отправлений, — напр. когда мы по мнительности

бываемъ въ обществѣ въ принужденномъ положеніи.

§ 111.

Внутренній, духовный міръ всякъ можетъ непосредственно наблюдать только въ самомъ себѣ. Но какъ человѣческій духъ и его устройство по существу одинаковы у всѣхъ индивидуумовъ, и разнообразятся только степенями и сторонами своего развитія, то подлежащее наблюдение имѣетъ уже ~~уже~~ ^{предлежа-}тельную и всеобщую годность, какъ скоро оно умѣло отличить постоянное отъ преходящаго. При томъ, мы весьма легко открываемъ себѣ входъ во внутренний міръ другихъ чрезъ его чувственно-наблюдаемыя проявленія, — какъ скоро самонаблюдение дамо намъ къ тому ключъ, — и находимъ этотъ міръ однороднымъ съ нашимъ собственнымъ міромъ.

Г Л А В А III.

СПОСОБНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

§ 112.

Подъ общимъ именемъ *способности представлений* разумѣемъ *силу воспріятія* (а), *память* и *способность воспоминанія*, такъ какъ всѣ ихъ отправленія существенно сходятся между собою и образуютъ только три различные момента одного и того же представленія: однажды замѣченное и схваченное уже само собою сохраняется и по необходимымъ законамъ воспроизводится въ воспоминаніи. Къ томужъ, три эти отправленія, въ отличіе отъ мышленія и вымысла, ознаменованы однимъ и тѣмъ же характеромъ естественной необходимости. Они слѣдуютъ общему закону по-

(а) И на стран. 87-ой въ 9 и последней строкѣ вмѣсто:
мысль, должно читать: *воспріятіе*.

знавательныхъ способностей, *закону истины*, или согласія представленій съ дѣйствительностію, но слѣдуютъ ему, еще какъ *закону природы*, такъ что замѣченное, удерживаемое и воспоминаемое, — пока не вмѣшиваются сюда фантазія и разумѣніе, бываетъ необходимо истинно.

1. СИЛА ВОСПРІЯТІЯ.

§ 113.

Назначеніе *силы воспріятія* (*Seh-
zungskraft*) состоитъ въ томъ, чтобы наблюдаемую внѣшнюю и внутреннюю дѣйствительность *замѣчать и усваивать*, т. е. превращать въ *представленія*. Чрезъ это отправленіе, наблюдаемое содержаніе впервые переходитъ въ собственность духа и познаніе. Простое наблюденіе, само по себѣ, только раскрываетъ предъ нами дѣйствительность, но еще не поставляетъ ее въ сознаніи; это про-

исходитъ только чрезъ превращеніе наблюдаемаго содержанія въ представленіе.

§ 114.

Представленія отличаются отъ наблюдаемаго содержанія уже самою ихъ произвольностію: мы можемъ какъ намъ угодно измѣнять ихъ, усиливать или ослаблять, увеличивать или уменьшать, раздѣлять или соединять, словомъ—дѣлать въ нихъ перемѣны самыя разнообразныя.

Правда, что относительно и наблюдаемаго содержанія возможенъ нѣкоторый произволь: мы можемъ или обращать свое вниманіе на предметы наблюдаемые, или не обращать; но за то, какъ скоро мы стали наблюдать ихъ, то должны наблюдать въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ; тогда они уже не подлежатъ нашему произволу.

Впрочемъ, существенное различіе ме-

жду наблюдаемымъ и представляемымъ предметомъ состоитъ въ томъ, что первый существуетъ независимо отъ нашего сознанія, а послѣдній только въ немъ имѣетъ свою дѣйствительность и есть только его видоизмѣненіе.

§ 115.

Представленія, образующіяся изъ наблюденій, раздѣляются на два главные вида: на *естественныя* и *искусственныя*. Послѣднія суть знаки, именно слова; напротивъ, первыя суть внутреннія изображенія самыхъ предметовъ.

По большей части мы представляемъ посредствомъ словъ; однакожь почти всегда при этомъ имѣется въ виду и естественный образъ предмета, только онъ раздробляется въ словопредставленія, и въ нихъ далѣе развивается и поясняется. Чтобы словопредставленія не оставались безмысленными, для этого естественный образъ долженъ лежать

по крайней мѣрѣ въ глубинѣ сознанія и отзываться внутренно, какъ значеніе словъ.

Словопредставленія и знаки несравненно способнѣе къ сообщенію другимъ, чѣмъ представленія естественныя, и потому первыя служатъ лучшимъ средствомъ къ передачѣ познаній.

§ 116.

Только внѣшняя, тѣлесная дѣйствительность способна перейти въ естественное представленіе, а дѣйствительность внутренняя, духовная можетъ быть представляема развѣ искусственно, посредствомъ словъ, или переносно, посредствомъ чувственныхъ образовъ. То, что выдають за естественное представленіе внутренней дѣйствительности, есть не иное что, какъ повтореніе самыхъ дѣйствительностей въ слабыхъ отголоскахъ. Представленіе какой нибудь внутренней дѣйствительности, напр. мышленія, чув-

ствованія, желанія и т. д., состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ словомъ ее обозначающимъ, она возобновляется въ насъ на самомъ дѣлѣ. Сообщеніе другимъ психологическихъ фактовъ происходитъ такимъ образомъ, что слово, обозначающее ту или другую духовную дѣйствительность, возбуждаетъ ее въ душѣ другаго и тѣмъ его извѣщаетъ объ этой дѣйствительности; между тѣмъ какъ, при сообщеніи чувственныхъ опытовъ, слово, обозначающее предметы, пробуждаетъ въ другомъ только представленіе о нихъ.

§ 117.

Дѣйствіе силы воспріятія, *замѣчаніе*, — гдѣ только оно встрѣчается, — совпадаетъ съ наблюденіемъ въ одинъ неразличимый актъ; однакожъ замѣчаніе и наблюденіе не суть отправленія тождественныя, потому что наблюденіе весьма часто, и даже большею частію, остается незамѣченнымъ. Дѣйствіе замѣ-

чанія есть искусственное отправленіе и болѣе требуетъ упражненія, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ легко можемъ убѣдиться, какъ скоро сравнимъ, какое богатство замѣчаній представляется въ извѣстныхъ предметахъ знатоку ихъ, и какъ мало замѣчаетъ въ нихъ человѣкъ неопытный.

Замѣчаніе образованное, направляемое искусствомъ, называютъ по преимуществу наблюденіемъ. Чаятная способность наблюдать особенные роды предметовъ основывается на томъ, что кругъ представленій, мало по малу образовавшихся въ насъ для этихъ предметовъ, легко возобновляется при видѣ ихъ.

Усовершенствованіе наукъ большею частию зависитъ отъ успѣховъ замѣчанія и наблюденія дѣйствительности, открытой чувствамъ каждаго, хотя и съ своей стороны, наука открываетъ но-

выя и обширнѣйшія области для наблюденій, посредствомъ опытовъ, коллекцій, анатомическаго ножа, микроскопа и телескопа.

§ 118.

Представленіе не есть страдательное впечатлѣніе, или отраженіе наблюдаемой дѣйствительности въ душѣ или мозгу, потому что въ противномъ случаѣ, для образованія представленій не требовалось бы самодѣятельности духа; искусство замѣчанія не могло бы усовершенствоваться; и самыя представленія не были бы способны къ такимъ преобразованіямъ, какія дѣлаетъ съ ними фантазія. Напротивъ, *представленія суть самостоятельное образованіе сознанія по образу дѣйствительностей.* И въ послѣдствіи болѣе и болѣе будетъ обнаруживаться, что природу сознанія составляетъ именно побужденіе образовывать и развивать себя, по даннымъ ли

образцамъ, или по собственному произволу.

§ 119.

Происходитъ ли это самообразование сознанія въ представленіе при содѣйствіи какого либо тѣлеснаго органа, именно нервной системы, или независимо отъ нее, рѣшить трудно. Съ одной стороны, есть опыты, что при болѣзненныхъ пораженіяхъ нервной системы, или просто при механическомъ давленіи на мозгъ, образованіе представленій уничтожается совершенно, или только отчасти. Особенно представленія частныхъ чувственныхъ наблюдений, кажется, зависятъ отъ содѣйствія соотвѣтствующихъ имъ чувственныхъ органовъ; при представленіи цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и вкусовъ ясно можно замѣчать содѣйствіе относящихся сюда органовъ; и чувственные обманъ всегда являются предъ соотвѣтствующими

имъ чувственными органами, или въ нихъ самихъ. Но съ другой стороны, въ сновидѣніяхъ, когда органы чувствъ давно усыплены, мы видимъ всѣ эти частныя чувственныя представленія опять въ мозгу. Сомнамбулы всѣ свои чувственныя представленія, частныя и общія, переносятъ въ область отличную отъ нервной системы, такъ какъ эта послѣдняя находится у нихъ въ совершенномъ усыпленіи. Вообще наши представленія соединяются и сплетаются независимо отъ мѣстнаго употребленія различныхъ органовъ. Такимъ образомъ мѣстное явленіе частныхъ чувственныхъ представленій, можетъ быть, есть простое слѣдствіе навыка образовать ихъ въ относящихся къ нимъ чувствахъ.

§ 120.

Всѣ вмѣстѣ представленія, общія многимъ чувствамъ, сводятся къ видоизмѣненіямъ двухъ всеобщихъ предста-

влений: пространства и времени, которыя душа, бывъ сама поставлена въ пространствѣ и времени, носить въ себѣ какъ предъопытныя формы. А какъ эти основныя формы представленій суть вмѣстѣ всеобщія формы всего міроваго бытія, то отсюда происходитъ предустановленная гармонія между міромъ представленій и міромъ вѣдшимъ, дѣйствительнымъ; но она ограничивается только двумя этими главными формами и годится только для построенія двухъ предъопытныхъ наукъ, Геометріи и Арифметики.

§ 121.

Способность воспріятія можетъ имѣть у различныхъ людей различное развитіе: она бываетъ *слабая* или *крѣпкая*, *медленная* или *быстрая*, судя потому, мало или много замѣчаетъ она, въ большее или меньшее время; она бываетъ *острая* или *тупая*, *тонкая* или *грубая*,

смотря потому, ясно или темно замѣчаетъ она предметы, и останавливается ли въ нихъ на самыхъ поверхностныхъ и очевидныхъ чертахъ, или схватываетъ примѣты внутреннѣйшія и сокровеннѣйшія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, ее называютъ также *даромъ наблюдательности и тонкимъ взглядомъ*. Способность воспринимать представленія, сообщаемыя другими, называется *понятливостію*, которая не рѣдко бываетъ частною, напр. къ математическимъ представленіямъ, и тогда называется *математическою головою*.

2. П А М Я Т Ь.

§ 122.

Представленія, образованныя силою воспріятія, въ памяти сберегаются и переходятъ въ постоянную собственность духа, гдѣ сохраняются тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе вниманіе и самодѣтельность

участвовали въ ихъ образованіи, и особенно, чѣмъ они чаще были повторяемы.

Представленія сохраняются въ памяти своимъ совершенно особеннымъ образомъ. Они не остаются здѣсь въ настоящемъ видѣ, готовыми, или вообще, не продолжаютъ въ сознаніи своего существованія на самомъ дѣлѣ; напротивъ, они погружаются въ безсознательность и всѣ до одного перестаютъ существовать дѣйствительнымъ образомъ; но могутъ произвольно или непроизвольно снова оживать въ каждое мгновеніе, и слѣд. существуютъ въ возможности.

§ 123.

Многіе грубо понимаютъ память, полагая будто бы ея представленія оставляютъ по себѣ въ мозгу вещественные слѣды и оттиски, и будто воспоминаніе состоитъ въ томъ, что душа попеременно то на одинъ, то на другой слѣдъ бросаетъ свѣтъ своего сознанія.

Но, — ограничимся однимъ противъ этого замѣчаніемъ, — представленія памяти, матеріальнымъ способомъ, могли бы располагаться въ мозгу только въ одномъ какомъ либо порядкѣ; между тѣмъ какъ они воспроизводятся по различнымъ порядкамъ, именно столько же по порядку времени, какъ и самыхъ предметовъ.

§ 124.

Явно, что представленія, запечатлѣныя въ памяти, продолжаютъ въ ней свое существованіе, какъ *готовность и навѣкъ* сознанія снова измѣняться въ представленія, однажды образованныя. Подобнаго рода готовность къ извѣстнымъ движеніямъ и дѣйствіямъ вкореняется упражненіемъ и въ нашихъ членахъ, именно въ рукахъ и ногахъ; даже бездушныя тѣла, напр. музыкальные инструменты, принимаютъ навѣкъ, потому что извѣстные правильные, или невѣрные тоны могутъ быть въ нихъ наиграны.

Чѣмъ чаще, и притомъ внимательнѣе и самодѣлательнѣе повторяется представленіе, тѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе утверждается въ сознаніи готовность воспроизводить его.

§ 125.

Впрочемъ, память, кажется, не совсѣмъ независима отъ нервной системы, именно отъ мозга. Наиболѣе, по видимому, зависитъ отъ него память словъ. Есть довольно примѣровъ, что болѣзненные пораженія мозга, напр. вступившій въ него ломъ, нарывъ и т. п. истребляли всѣ слова изъ памяти, или по крайней мѣрѣ похищали способность внутренне воспроизводить ихъ: при такихъ пораженіяхъ, хотя органъ рѣчи оставался неповрежденнымъ, больные совсѣмъ не имѣли словъ и снова должны были ихъ заучивать. Замѣчательно, что представленіе словъ, въ связи съ знаками подлежащими зрѣнію, могло при этомъ оставаться, такъ

что больные вполне умѣли читать и выражаться письменно, между тѣмъ какъ ни одно представленіе словъ, когда надлежало передать его слуху безъ помощи знаковъ, не приходило имъ на мысль, и не могло быть высказано. Наконецъ, столько же замѣчательно то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представленіе словъ независимое отъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣчь, вдругъ возвращались въ прежнемъ совершенствѣ. — Естественныя представленія менѣе зависятъ отъ первой системы, чѣмъ словопредставленія: это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что съ потерей памяти словъ, — какъ по большей части случается и въ забывчивости, — не наступаетъ еще состояніе глупости и безмыслія, а оказывается только утрата словообозначенія,

§ 126.

Но такая зависимость памяти словъ

отъ случайныхъ состояній тѣла еще не доказываетъ тѣлеснаго сохраненія словъ гдѣ либо, а указываетъ только на орудное употребленіе нервной системы. Часть мозга, въ связи съ нервами слуха и органами слова, при внутреннемъ произведеніи словопредставленій, при внутреннемъ разговорѣ, кажется, отправляетъ должность, подобную той, какую выполняетъ языкъ при внѣшномъ произношеніи внѣшняго слова. Но какъ для этого слова потребна гибкость словесныхъ органовъ, которая есть какъ бы напечатлѣнная въ нихъ тѣлесная память словъ: такъ и для воспроизведенія словопредставленій, быть можетъ, требуется тѣлесная гибкость нервной системы.

3. СПОСОБНОСТЬ ВОСПОМИНАНІЯ.

§ 127.

Возобновленіе представленій памяти не зависитъ ни отъ чистаго произвола,
12.

ни отъ одного случая, а имѣеть свои условія и достаточныя основанія. Вообще оно произвольно только въ самой малой долѣ.

Представленія, дремлющія въ нашей памяти, возбуждаются къ дѣйствительному сознанію двумя главными средствами: а) тѣлесными и духовными раздраженіями, б) соприкосновеніемъ понятій, а не однимъ только послѣднимъ средствомъ, какъ обыкновенно говорится въ Психологіяхъ.

Изъ двухъ этихъ средствъ только одно, *соприкосновеніе* понятій, зависитъ отъ нашего произвола, и то не въ начальныхъ своихъ точкахъ, а только въ его продолженіи и различныхъ поворотахъ. Именно, мы ничего не можемъ вспомнить просто потому только, что мы хотимъ того; уже самое хотѣніе вспомнить что либо предполагаетъ по крайней мѣрѣ общес представленіе объ этомъ пред-

метѣ, произвольно возбужденное въ насъ какимъ либо случаемъ. То, что мы произвольно сюда привносимъ, есть только продолженіе произвольно начавшагося сцѣпленія понятій. Напротивъ, тѣлесныя и духовныя раздраженія уже почти совершенно удалены отъ нашего произвола, а между тѣмъ они-то преимущественно поддерживаютъ и продолжаютъ игру представленій, которою наша душа занимается безпрерывно.

§ 128.

а) Подъ именемъ тѣлесныхъ и духовныхъ *раздраженій*, какъ средствъ къ возобновленію представленій въ памяти, мы разумѣемъ всѣ возможные тѣлесныя и духовныя чувствованія и пожеланія, особенно высшія ихъ степени, — страсти. Такъ тѣлесныя требованія, напр. голодъ и жажда, побуждаютъ душу къ воспроизведенію представленій о предметахъ, служащихъ къ ихъ удовлетво-

ренію; голодный думаетъ о своемъ хлѣбѣ, или жаркомъ; жаждущій—о своемъ напиткѣ. Съ особенною, часто пагубною живостію; возбужденіе половое вызываетъ представленія, относящіяся къ его удовлетворенію. Какое волненіе представленій можетъ произойти и отъ возбужденія одного какого либо чувствованія, видимъ на людяхъ, находящихся въ состояніи гнѣва, восхищенія и воодушевленія.

Превращеніе тѣлеснаго или духовнаго раздраженія въ рядъ представленій, при всей разнородности того и другаго, мы безъ труда поймемъ, когда размыслимъ, что сознаніе, во всемъ существѣ своемъ настроено уже на извѣстныя представленія, и потому, какъ скоро оно возбуждено въ такомъ или иномъ направленіи, то должно и образоваться въ соотвѣтственныя ему представленія. Каждое движеніе нашей души какъ бы приводитъ въ движеніе тотъ или другой

сгибъ ея сознанія, уже во всемъ существѣ своемъ настроеннаго къ извѣстнымъ образамъ, — и онъ развертывается въ рядъ представленій.

Если тѣлесныя и духовныя раздраженія, какъ преимущественнѣйшія условія для возобновленія въ памяти нашихъ представленій, имѣютъ большіе психологическаго достоинства; то съ другой стороны, соприкосновеніе понятій, давая мѣсто произволу и будучи доступно образованію, имѣетъ на своей сторонѣ больше педагогическаго значенія.

§ 129.

б) *Соприкосновеніе* понятій есть соединеніе различныхъ представленій, по которому они взаимно вызываютъ себя въ памяти.

Законы соприкосновенія понятій раздѣляются на *низшіе* и *вышіе*, смотря по тому, составляютъ ли они виѣшнюю или внутреннюю связь представленій.

Низшіе способы сочетанія вполнѣ уже исчислилъ Аристотель; они суть: *мѣстная близость*, или лучше сказать, *современность*, *последовательность*, *сходство* и *противоположность*. Изъ этихъ сочетаній только два первыя принадлежать собственно самой памяти; два прочія соотношенія: сходство и противоположность, привносятся въ нее фантазіею.

Чрезъ эти внѣшнія сочетанія проходятъ, какъ внутренняя ихъ связь, высшіе законы сцѣпленія, обнаруживающіеся въ дѣйствіи тогда, когда на представленія памяти производитъ свое преобразующее вліяніе разсудокъ. Такого рода законы суть: въ соотвѣтствіе закону мѣстной близости—соединеніе *частей въ цѣломъ* и *свойствъ въ предметъ*; въ соотвѣтствіе последовательности—*причинная связь*; въ соотвѣтствіе сходству—*одинакость* или родо-

вая *общность*; наконецъ, въ соотвѣтствіе противоположности — *противопоставленіе* или сближеніе *видовъ*.

§ 150.

Низшіе законы соприкосновенія представленій дѣйствуютъ больше у дѣтей и необразованныхъ; напротивъ того ходъ понятій у образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, когда они мыслятъ со вниманіемъ, слѣдуетъ больше внутреннимъ, логическимъ соотношеніямъ. Такъ въ описаніяхъ, необразованные и дѣти придерживаются порядка мѣстности, между тѣмъ какъ образованный описатель обозрѣваетъ цѣлое и потомъ проходитъ одну за другою части и стороны. Необразованное повѣствованіе, какъ хроника, идетъ за порядкомъ времени; а образованное, какъ исторія, возвращается къ основаніямъ и причинамъ, и простирается къ слѣдствіямъ и дѣйствіямъ, провидитъ цѣли и исчисляетъ

различныя средства. Необразованный и игривый разговор движется по нити сходства и противоположности — отъ предмета къ предмету, отъ анекдота къ анекдоту, отъ одного замѣчательнаго случая къ другому, отъ одной остроты къ другой; между тѣмъ какъ обдуманное изложеніе слѣдуетъ систематическому порядку, восходить отъ видовъ къ роду, или нисходить отъ рода къ видамъ, поставляетъ одинъ видъ подлѣ другаго и освѣщаетъ ихъ противоположностію.

§ 151.

Всѣ законы соприкосновенія понятій сводятся къ одному: «представленія однажды образовавшія какое либо единство, или составлявшія вмѣстѣ одно цѣлое представленіе, опять и вызываютъ другъ друга.» А этотъ законъ объясняется тѣмъ, что представленія, прежде образовавшія собою одно цѣлое представленіе, оставляютъ по себѣ въ сознаніи

настроенность къ совокупному ихъ воспроизведенію, которая, бывъ возбуждена къ дѣйствительности съ одной стороны, сама собою оживаетъ и въ остальныхъ своихъ сторонахъ.

Современныя представленія составляютъ только одно потому, что духъ, по причинѣ своего единства, всегда сосредоточивается весь въ одномъ актѣ. И послѣдовательныя представленія совпадаютъ въ одинъ непрерывный рядъ. Кромѣ того, въ этихъ виѣшнихъ сочетаніяхъ большею частію дѣйствуетъ уже внутренняя, логическая связь цѣлаго или предмета, а также и причинная. А эти логическія сочетанія сами суть существенныя и внутреннія единства современнаго и послѣдовательнаго; именно: цѣлое есть единство частей, предметъ — единство качествъ, наконецъ причинная связь — единство причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, цѣли

и средства. Ихъ члены сцѣпляются въ воспоминаніи потому, что они по причинѣ внутренняго ихъ единства, образуютъ цѣльныя представленія. — Сходное соединяется по причинѣ скрытно въ немъ заключенной одинакости, которая, бывъ взята отдѣльно, образуетъ родовую общность; а одинакое соединяется въ воспоминаніи отъ того, что внутренно, въ мысляхъ, оно собственно составляетъ только одно. — Къ этому внутреннему единству одинакого сводится, наконецъ, и соприкосновеніе противоположностей. Противоположности суть безсознательныя и безотчетныя противопоставленія, или сближенія видовъ, равно какъ сходство есть несознанная одинакость; а противопоставляемые предметы суть виды одного рода, и потому такъ же имѣютъ въ себѣ связь одинакости и единства, хотя часто весьма незамѣтную. Основаніе ихъ сцѣпленія, по которому они вза-

имно себя вызываютъ въ воспоминаніи, есть, какъ можно догадываться, ихъ родовая общность, а не видовое различіе, т. е. не самая ихъ противоположность, какъ довольно странно допускали, по видимому, нѣкоторые психологи.

§ 132.

Воспоминаніе вообще есть не только воспроизведеніе, но и *возсознаніе*, такъ какъ прежде образованныя представленія не просто только повторяются, но съ сознаніемъ того, что мы уже имѣли ихъ прежде. Это сознаніе состоитъ въ болѣе или менѣе темномъ или ясномъ представленіи протекшаго съ той поры времени и тогдашнихъ обстоятельствъ, при чемъ непрерывное тождество самосознанія простирается чрезъ весь этотъ рядъ воспоминанія.

§ 133.

Память вообще, т. е. вмѣстѣ съ способностію воспоминанія, бываетъ раз-

личныхъ степеней и родовъ.

По *степенямъ* вообще различаютъ хорошую и худую память; а въ частности—еще особенныя достоинства и недостатки ея, которыя можно раздѣлить на интенсивныя и экстенсивныя. Экстенсивныя различія зависятъ оттого, много или мало, и на долгое или короткое время удерживать память; въ первой разности выражается *пріимчивость* ея (*capacitas*), во второй—ея *твёрдость* (*tenacitas*). Различныя степени пріимчивости называютъ обширною, или ограниченою памятію, а различныя степени твёрдости—памятію крѣпкою или слабою. Интенсивныя разности сводятся къ тому, скоро или медленно, точно или не точно заучивается что либо и удерживается; и въ этомъ отношеніи различаютъ память легкую и тяжелую, вѣрную и невѣрную.

Экстенсивныя недостатки и достоин-

ства соединены между собою неразрывно; напротивъ того недостатки и достоинства интенсивныя могутъ быть въ противоположности, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ недостаткамъ и достоинствамъ объема памяти.

§ 134.

По родамъ различаютъ память *вещей, словъ, мѣстъ и чиселъ*. Эта послѣдняя, въ извѣстной степени совершенства, есть особенная способность, получаемая отъ природы; однакожъ ощутительный недостатокъ ея, по большей части, бываетъ слѣдствіемъ недостатка упражненія, которое совершенно необходимо для овладѣнія столь суровымъ матеріаломъ, какъ числа. Превосходная память вещей есть преимущественно память разумная, напротивъ того память словъ и мѣстъ есть почти чистая память, и притомъ, первая есть больше память слуха, а послѣдняя — больше память зрѣнія.

Упражненіємъ и образованіємъ память можетъ быть доведена до необыкновенной степени силы и изумительнаго объема.

Главное условіе вѣрнаго и твердаго памятованія есть точное и самодѣятельное образованіе представленій и достаточное ихъ повтореніе.

Заучиваніе, или затверживаніе ряда представленій, происходитъ или *механически*, или *разумнымъ* способомъ, смотря по тому, низшіе или высшіе законы соприкосновенія понятій больше принимаются при этомъ въ помощь. Употребительность того или другаго способа зависитъ отъ возраста и степени духовнаго развитія лицъ. Въ дѣтяхъ должно съ особенною настойчивостію упражнять механическое заучиваніе, чтобы не ослабить собственно такъ называемую память, именно память словъ.

Напротивъ того, мыслящему человѣку прилично разумное затверживаніе, которое несравненно глубже схватываетъ предметъ и болѣе приносить пользы.

§ 156.

Сердечныя возбужденія, которыя такъ много содѣйствуютъ воспроизведенію представленій, не зависятъ непосредственно отъ нашей воли; однако мы можемъ, хотя не прямо, приводить себя въ желаемое настроеніе духа, возвышать и удерживать его; и такимъ образомъ можно рекомендовать, при заучиваніи, и содѣйствіе сердца.

Искусственный способъ заучиванія, предлагаемый чудодѣями мнемотехники, — призывающими на помощь законъ сходства и противоположности, чтобы рядъ новыхъ представленій всякій разъ связывать съ однажды заученою схемою, — не имѣетъ практическаго достоинства и способенъ возбуждать развѣ одно пустое удивленіе.

Г Л А В А I V.

ВООБРАЖЕНІЕ ИЛИ ФАНТАЗІЯ.

§ 137.

Душа не рабски повторяетъ свои представленія, составленныя по дѣйствительному міру, а имѣетъ способность разнообразно видоизмѣнять ихъ и свободно образовывать себя въ собственный міръ представленій. Въ этомъ отношеніи приписываютъ ей *воображеніе или фантазію*; а свободное самообразование сознанія въ міръ представленій называютъ *творчествомъ*.

§ 138.

Творчество фантазіи тѣмъ отличается отъ представленія силы воспріятія и памяти, что въ первомъ душа свободно развиваетъ образовательную природу сознанія, не стѣсняясь необходимостію строго слѣдовать закону истины, а под-

чиняется только законамъ *правдоподобія* и *возможности*.

Правдоподобіе творческихъ созданий фантазіи состоитъ въ ихъ согласіи съ *родами* и *видами* дѣйствительныхъ предметовъ и соотношеній; физическая и нравственная *возможность*—въ ихъ согласіи съ *законами* тѣлеснаго и духовнаго міра; наконецъ, возможность логическая—въ согласіи представленій *между собою*. Это суть постепенныя разширенія закона истины, отъ котораго въ различной мѣрѣ отрѣшается фантазія въ своемъ творествѣ. *Правдоподобія* или піитической истины требуется только отъ важныхъ ея созданий, между тѣмъ какъ сказки и мечты едва подчиняются и законамъ логической возможности.

§ 139.

Столько же отличительный признакъ творческой фантазіи есть *невольное* творчество, которое можетъ возвышаться

13.

даже до пѣтическаго воодушевленія. Лучшія произведенія фантазіи не суть *плодъ труда*, не выработаны *по сознаннымъ правиламъ*, не предначертаны *намѣренно* для той или другой цѣли; а зараждаются въ творческомъ ея лонѣ *подъ* вдохновительною силою мысли, *начертываются* инстинктуально, *выполняются* съ безотчетнымъ чувствомъ, и *свѣжо и оригинально* выливаются изъ глубины ея, кипящей образами. Творческая фантазія есть невольное сознаніе, раскрывающееся образами, по внутренней потребности творить.

§ 140.

Произведенія фантазіи состоятъ или а) въ *содѣйствіяхъ* другимъ способностямъ, или б) *созданіяхъ самостоятельныхъ*.

а) Фантазія дѣйствуетъ на всѣ низшія познавательныя способности, заставляя ихъ какъ бы фантазировать въ своихъ

отправленіяхъ. Она обманываетъ *чувства*, морочитъ ихъ обольщеніями, нугаетъ призраками, окружаетъ ясными или туманными образами. Между *представленіями* и *понятіями* она служитъ посредницею, одухотворяя первыя и сообщая образность послѣднимъ. Дѣйствія *памяти* она частію восполняетъ, а частію видоизмѣняетъ; *разумнѣю* то подаетъ поводъ къ заблужденіямъ, то предначинаетъ дѣятельность. Наконецъ, фантазія служитъ посредницею между памятію и разумѣніемъ, разрѣшая грубую историческую связь представленій памяти, и приводя ихъ къ сочетаніямъ *сходства* и *противоположности*, которыя предобразуютъ собою связь разумную.

§ 141.

б) *Зисждительность* фантазіи не протирается до произведенія новаго содержанія, которое не было бы начеркнуто изъ наблюденій, а ограничивается свс-

боднымъ воспроизведеніемъ и преобразованіемъ представленій, почерпнутыхъ изъ міра дѣйствительности. Самое оригинальное созданіе есть только видоизмѣненное изданіе нашего міра, а не какое либо произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ новое.

Средства употребляемыя при этомъ зиждительною фантазіею суть: увеличеніе и уменьшеніе обыкновенныхъ представленій; измѣненіе ихъ состава и сочетанія; конкретное и живописное изображеніе, и образное облаченіе мыслей и идей; а наконецъ претвореніе чувствованій и настроеній духа въ представленія.

Послѣднее — есть главный источникъ всякаго творчества. Такъ поэтъ долженъ въ самомъ себѣ жить сердечно тѣмъ, что хочетъ заключить въ образъ и слово; онъ долженъ напр. самъ какъ бы принять изображаемый имъ характеръ, дол-

женъ съ нимъ чувствовать, съ нимъ воспламеняться желаніемъ и страстію. Главный талантъ поэта есть сердечная мимика, соединенная съ гибкою фантазією, которая необходима для того, чтобы эти сердечныя движенія, въ чистотѣ и ясности, съ точностію и прозрачністю, созерцательно и понятно выражать въ образъ и словъ. Изъ этого сердечнаго оплодотворенія возникаютъ и *идеалы*.

§ 142.

Идеаль есть сердечное стремленіе къ безконечному или идея, представляемая въ соотвѣтственной индивидуальной формѣ, такъ что идея ограничивается въ своемъ разливѣ формою, а форма просвѣтляется и животворится идеей.

Содержаніе идеаловъ, т. е. самая идея, почерпается изъ возбужденій сердечныхъ, или по крайней мѣрѣ животворится ими, а форма идеаловъ есть про-

изведеніе фантазіи. Осуцествленіе ихъ есть дѣло искусства, которое должно выразить ихъ ошутительнымъ, реальнымъ образомъ, выразить напр. изящнымъ, мѣрнымъ словомъ въ поэзіи, звуками голоса или инструмента въ пѣніи и музыкѣ, игрою красокъ въ живописи и проч. Во всякомъ изъ этихъ случаевъ идея переходитъ въ міръ внѣшній, принимая на себя чувственные облики, и слѣд. идеальное реализуется. x

Г Л А В А V.

Р А З У М Ъ Н Ї Е.

§ 143.

Въ способности разумѣнія надобно различать двѣ стороны: способность мыслить и познавать дѣйствительности, подающія чувству внѣшнему или внутреннему, и способность уразумѣвать дѣйствительность міра сверхчувственного,

не входящаго въ кругъ опыта: первая способность называется *разсудкомъ* въ обширномъ смыслѣ, а послѣдняя — *разумомъ*.

І. РАЗСУДОКЪ.

§ 144.

Мышленіе и познаваніе разсудка заключаетъ въ себѣ нѣсколько особыхъ актовъ, именно: а) *понятіе*, б) *пониманіе*, в) *сужденіе* и г) *выводъ слѣдствій*. По различію этихъ отправленій и разсудокъ называютъ: *острымъ*, *здравымъ*, *точнымъ* и наконецъ, *смыслымъ* и *основательнымъ*; эти же видоизмѣненія разсудка можно назвать: *остроуміемъ*, *смысломъ*, *силою сужденія* и *умомъ*.

Остроуміе перерабатываетъ представленія памяти въ понятія. Прочія мыслительныя способности даютъ понятіямъ надлежащее приложеніе: смыслъ упо-

требуется ихъ для уразумѣнія предметовъ; умъ—для объясненія и утвержденія познаній, и для цѣлей практическихъ. Сила сужденія обнимаетъ обѣ эти способности, какъ болѣе или менѣе развитая форма ихъ.

а) П О Н Я Т І Е.

§ 145.

Собственное содержаніе мышленія состоитъ въ *понятіи*.

Понятія въ своей основѣ суть представленія, или предметныя видоизмѣненія сознанія, и отличаются отъ представлений своимъ обобщеніемъ, заключающа въ себѣ только то, что есть въ представленіяхъ одинакаго. Впрочемъ, это различіе весьма относительно, потому что всякое представленіе уже болѣе или менѣе обще, такъ какъ ничего индивидуальнаго нельзя представить и выразить въ его совершенно

конкретной личности. Собственный характеръ понятія заключается болѣе въ употребленіи, какое мы дѣлаемъ изъ него по причинѣ его всеобщности и положеннаго въ немъ отношенія къ частностямъ; именно, чрезъ понятія мы уразумѣваемъ общую основную черту частныхъ. Такимъ образомъ, всякое представленіе можетъ быть понятіемъ, потому что можетъ служить къ уразумѣнію заключающихся подъ нимъ частныхъ представленій или предметовъ; и наоборотъ, всякое понятіе перестанетъ быть понятіемъ и останется просто представленіемъ, какъ скоро будетъ мыслимо само по себѣ, безъ отношенія къ его частностямъ. *Слѣд. понятіе есть не иное что, какъ общее представленіе содержащихся подъ нимъ предметовъ частныхъ.*

§ 146.

Способность перерабатывать міръ пред-

ставленій въ понятія есть *остроуміе* (Scharfsinn). Дѣйствія, посредствомъ которыхъ оно производитъ это преобразованіе, сходятся къ двумъ главнымъ: *сличенію* и *различенію*. По этому остроумію можно опредѣлить еще способностію *сличать* и *различать*.

Остроумнымъ, въ высокой степени, называютъ того, кто открываетъ разности и тамъ, гдѣ другіе видятъ только одинакое, и тамъ находитъ соотношенія, гдѣ другіе усматриваютъ только разность. Напротивъ, того признають *тупоумнымъ*, кто одинакіе предметы и случаи признаетъ различными, а различное смѣшиваетъ. Наконецъ, кто сквозь поверхностныя разности предметовъ способенъ провидѣть ихъ сокровеннѣйшія и отдаленнѣйшія связи и сходства, того называютъ *глубокомысленнымъ*. Извращенное остроуміе есть *утонченность*, играющая мелкими соотно-

шеніями и ничтожными разностями; искаженіе глубокомысліа есть *мудрованіе*, роющееся въ глубинѣ представленій безъ всякой способности, а потому и безъ успѣха.

§ 147.

Сличеніе и различеніе есть замѣчаніе одинакаго или различнаго въ противоположенныхъ одинъ другому предметахъ. При этомъ требуется, чтобы сличаемые предметы *закрывали* себя взаимно; почему, если они самымъ дѣломъ не могутъ быть приложены одинъ къ другому, то сличеніе производится посредствомъ сближенія одного предмета съ представленіемъ другаго. Тогда одинакость и различіе двухъ предметовъ, такимъ образомъ сближенныхъ взаимно, познается изъ того, что одинакое внутренно и въ представленіи есть только одно, тогда какъ различное остается одно внѣ другаго и составляетъ два.

По этому справедливо говорятъ: внѣшняя одинакость двухъ предметовъ сводится въ мышленіи къ единству, а ихъ различіе — къ двойству; или — сличеніе основывается на законѣ тождества: *это есть одно съ тѣмъ*; напротивъ того различіе основывается на законѣ нетождества: *этотъ предметъ не есть тотъ*.

§ 148.

Двойственнымъ отправленіемъ сличенія и различія остроуміе проникаетъ въ хаотическую массу представленій памяти и разрабатываетъ ихъ, подобно химическому процессу, раздѣляя разнородное и соединяя однородное; а чрезъ это, оно столько же умножаетъ, какъ и упрощаетъ наши познанія, особенно же впервые приводитъ ихъ въ систематическій порядокъ, отъ котораго зависитъ ихъ годность къ употребленію.

Такая разработка представленій со-

вершается тремя приемами, которымъ и соотвѣтствуютъ три различныя произведенія; именно, сначала остроуміе употребляетъ болѣе процессъ различенія (анализъ) въ образованіи положеній, потомъ—болѣе процессъ сличенія (синтезъ), въ образованіи понятій, и наконецъ вмѣстѣ тотъ и другой процессъ въ образованіи системы.

§ 149.

Разработка представленій памяти начинается, подобно химическому процессу, разрѣшеніемъ или различеніемъ, которое, какъ необходимое условіе, должно предшествовать сличенію, именно для того, чтобы нашлось потомъ что либо сродное въ представленіяхъ. Произведеніе различенія есть *положеніе*, которое бываетъ или *интранзитивное*, когда выражаетъ что либо *пресыщающее*, или *транзитивное*, когда выражаетъ что либо *преходящее*; въ пер-

вомъ случаѣ оно разлагаетъ цѣльныя представленія пребывающаго или на его части, или на признаки; а въ послѣднемъ—раздробляетъ цѣльныя представленія преходящаго то на моменты времени, то на причинные члены. Положеніе основывается на замѣчаніи различій.

Послѣ такого раздѣленія само собою начинается сближеніе сроднаго, или сличеніе, и происходитъ *понятіе*; потому что понятіе есть одинакость различныхъ предметовъ, которая тотчасъ дѣлается замѣтною въ нихъ, какъ скоро предыдущимъ актомъ различенія отрѣшается отъ разностей, съ которыми обыкновенно бываетъ сращена и слита.

И въ положеніи, хотя оно преимущественно образуется посредствомъ различенія, есть уже сличеніе, потому что различаемыя части и свойства связываются въ извѣстномъ предметѣ; съ другою

стороны, и въ образованіи понятій, хотя оно преимущественно совершается чрезъ сличеніе, есть также различіе, потому что сличаются между собою только различаемыя представленія: но въ равной мѣрѣ соединяются оба эти отправленія остроумія только при *образованіи системы*. Система образуется тогда, когда представленія располагаются по *родовымъ и видовымъ отношеніямъ*. Въ образованіи родового понятія, какъ одинакаго въ различномъ, хотя обыкновенно преобладаетъ сличеніе, однако обращается вниманіе и на разности понятія, потому что оно мыслится какъ совокупность своихъ видовъ. Напротивъ, въ образованіи видовыхъ понятій, какъ различнаго въ одинакомъ, преобладаетъ различеніе, однако и понятія видовыя заключаютъ въ себѣ также сознаніе ихъ родовой общности, а слѣд. сличеніе.

Система, проведенная остроуміемъ чрезъ наши познанія, представляетъ ткань, которой нити въ одной точкѣ сходятся и отъ ней опять расходятся. Такой рас-
порядокъ даетъ намъ средство объять какъ бы однимъ взглядомъ огромный міръ познанія и подчинить его власти нашего духа.

Система тоже для науки, что здравый умъ для общежитія.

§ 150.

Между различіями понятій самое важное для Психологіи есть *генетическое*, состоящее въ томъ, что одни изъ нихъ образуются *естественнымъ*, другія *искусственнымъ* образомъ. Естественно образованное понятіе есть общій образъ предмета, а искусственно образованное — есть понятіе въ собственномъ смыслѣ этого слова.

О предметахъ ежедневнаго опыта образуется само собою,¹ безъ наставле-

нія и искусства, значительное количество обобщенных представлений, которыя своимъ числомъ и свойствомъ удовлетворяють потребностямъ общежитія. Именно, во время наблюденія какихъ либо явленій, прежніе образы и представленія сходныхъ съ ними предметовъ воспроизводятся по закону сходства, сами собою обобщаются и составляютъ понятія: потому что въ памяти скорѣе возобновляется сходное, чѣмъ несходное, и разности, безъ особеннаго участія нашего сознанія и произвола, мало по малу въ ней опадаютъ.

Что въ естественныхъ понятіяхъ есть воспроизведеніе сходнаго, то въ составленіи понятія искусственнаго — сличеніе; а оставленію всего несходнаго въ первыхъ соотвѣтствуетъ отвлеченіе отъ разностей, которое имѣетъ мѣсто въ образованіи послѣдняго.

Искусственное понятіе имѣть неоспоримо великія, именно научныя преимущества предъ естественнымъ. Это послѣднее, конечно, можетъ имѣть особенную ясность, но у него недостаетъ еще вразумительности, т. е. раздѣльности его признаковъ и опредѣленности очертанія, — что искусственному понятію, уже по самому образованію его, приличествуетъ въ большей или меньшей степени; и отъ того происходитъ трудность опредѣлить или просто высказать естественное понятіе, хотя его содержаніе, въ смѣшенномъ видѣ, всякому извѣстно. Но за то, естественное понятіе имѣетъ больше практической употребительности: почерпнутое изъ жизни, оно легко и само собою къ ней опять примѣняется; между тѣмъ какъ ученый, съ своими искусственными понятіями, не рѣдко остается чуждымъ

среди міра и въ дѣйствительности не находитъ имъ приложенія.

Оба достоинства, т. е. теоретическую и практическую употребительность соединяетъ въ себѣ искусственное понятіе тогда, когда чрезъ частое употребленіе въ дѣйствительности сдѣлается естественнымъ и стольже удобопремѣнимымъ, какъ послѣднее.

б) П О Н И М А Н І Е.

§ 152.

Чтобы представленія могли находить разумное приложеніе, для этого они должны быть переработаны мыслию и возведены въ понятія; иначе, оставаясь простыми первоначальными представленіями, они будутъ приличествовать только индивидуальному предмету, по которому образованы.

Самое непосредственное и простое примѣненіе, какое мышленіе дѣлаетъ изъ

своихъ понятій, есть *пониманіе*.

§ 153.

Пониманіе, съ перваго взгляда, едва отличается отъ простаго наблюденія и замѣчанія, такъ какъ оно, подобно этому послѣднему, совпадаетъ съ наблюденіемъ въ одинъ актъ; и оттого пониманіе вовсе не бываетъ безъ замѣчанія и наблюденія. Впрочемъ, пониманіе должно отличать отъ этихъ обоихъ низшихъ дѣйствій, какъ высшій актъ, уже и потому, что они часто встрѣчаются раздѣльно: наблюденіе безъ замѣчанія и пониманія, и замѣчаніе — безъ понятія. Есть не мало людей, у которыхъ напр. замѣчаніе весьма разнообразно и обильно подробностями, и однакожь меньше заключаетъ въ себѣ понятія, а потому и достоинства; у иныхъ напротивъ замѣчаніе скуднѣе подробностями, но богаче понятіемъ.

Пониманіе наблюдаемыхъ предметовъ

или представленій состоитъ въ томъ, что мы какъ бы сквозь понятие созерцаемъ или знаемъ ихъ, что понятие предмета въ насъ тотчасъ возникаетъ вмѣстѣ съ воззрѣніемъ на него, или представленіемъ его. Слѣд. пониманіе есть сознаніе предмета *посредствомъ понятія*; между тѣмъ какъ простое наблюденіе и представленіе есть *непосредственное* сознаніе наблюдаемаго или представляемаго предмета.

§ 154.

Это отправленіе понятія, по которому оно служитъ средою наблюденія или представленія, есть крайне важное дѣйствіе мышленія. Пока къ наблюдаемому предмету, прочитанному или услышанному слову, или ряду представленій извнутри не возникнетъ въ насъ понятія, до тѣхъ поръ мы не разумѣемъ, что мы видѣли или слышали. Разумѣніе есть тотъ восходящій въ сознаніи свѣтъ, при

которомъ мы снова узнаемъ понятіе въ предметѣ, всеобщее въ частномъ. Преимущество пониманія предъ простымъ замѣчаніемъ уменьшается отчасти развѣтѣмъ субъективнымъ оцвѣтомъ, какой удобно сообщается пониманію отъ того, что къ понятію обыкновенно примѣшивается индивидуальный взглядъ и мнѣніе.

Пониманіе есть самый общій и господствующій способъ познаванія, но онъ является на весьма различныхъ степеняхъ развитія. Вообще, у возрастныхъ и образованныхъ почти всякое наблюденіе есть вмѣстѣ и пониманіе, котораго степени зависятъ частію отъ размышленія, а частію отъ дарованій наблюдателя. Несопровождаемое пониманіемъ созерцаніе называютъ *рото-зѣйничествомъ*. Еще чаще случается, что словопредставленія, при чтеніи или слушаніи ихъ, по субъективнымъ или объективнымъ причинамъ не сопрово-

ждаются разумѣніемъ. Самое уразумѣніе прочитанной или выслушанной рѣчи можетъ имѣть безконечно многія степени, начиная отъ самаго общаго и смѣшеннаго понятія, до самаго раздѣльнаго пониманія подробностей и цѣлаго.

§ 155.

Пониманіе, или смышленіе, есть отправление *смысла*. Смысль приписываютъ именно тому, кто легко и вѣрно понимаетъ, т. е. у кого къ наблюдаемому и замѣчаемому предмету, или къ ряду представленій, напр. къ прочитанной или выслушанной рѣчи, легко привходитъ надлежащее понятіе, — кто умѣетъ удачно примѣнять свои понятія и всегда можетъ найтись съ ними въ мірѣ дѣйствительностей.

Противоположность смышленности составляетъ *глупость*, въ которой можно еще различать *отрицательную* и *положительную* сторону.

Отрицательною глупостію называется *ограниченность*. Она может происходить опять отъ двухъ причинъ: или отъ *недостатка понятій*, который однакожь не всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ глупости, а только тогда, когда относится къ извѣстному кругу предметовъ; или отъ *медленности воспроизведенія понятій*, изъ-за которой впрочемъ опять можетъ высказываться смыслъ, и при томъ весьма здравый. По этому объ отрицательной глупости надобно судить очень осторожно, чтобы не впасть въ заблужденіе и несправедливость въ сужденіи о комъ либо.

Напротивъ того, въ положительной глупости нельзя ошибаться, и потому судить объ ней не трудно: она состоитъ въ томъ, что мысль попадаетъ на понятія нелѣпыя, превратныя и ложныя; это особенная судьба, — надъ нѣкоторыми тяготящая отъ природы, а на дру-

гихъ отъ собственной ихъ вины, — сбиваться на мысли все самыя странныя и неумѣстныя. Эту положительную глупость называютъ *безмысленностію*.

Если безмысленность, — какъ это часто случается, — еще соединена съ живою, безпокойною фантазіею, то она переходитъ въ *сумасбродство*, въ высшей степени неносную, изысканную игру неумѣстными понятіями.

в) С У Ж Д Е Н І Е.

§ 156.

Сужденіе главнымъ образомъ бываетъ двухъ родовъ: *категорическое* и *причинное*.

а) Съ сужденіемъ *категорическимъ*, или, какъ можно бы назвать его, *сказательнымъ* (*prädicativ*), — въ которомъ понятіе, какъ *сказуемое*, изрекается о предметѣ, какъ *подлежащемъ*, — весьма сродно дѣйствіе смысла, пониманіе. Та-

кое сужденіе и пониманіе имѣютъ то общаго между собою, что они суть познаніе предмета посредствомъ понятія. Однакожъ, пониманіе отличается отъ сужденія тѣмъ, что въ этомъ послѣднемъ понятіе возвышается надъ предметомъ и изрекается объ немъ, между тѣмъ какъ при пониманіи оно съ предметомъ совпадаетъ. Въ сущности своей пониманіе и сказательное сужденіе суть одно и то же, именно — познаніе предмета, посредствуемое понятіемъ; а различаются между собою только такъ, какъ вообще различается развитое отъ неразвитаго. Сказательное сужденіе есть развитое, или лучше сказать развивающееся пониманіе; а пониманіе есть не развитое сужденіе.

§ 157.

Впрочемъ, сказательное сужденіе отличается отъ пониманія не только своею болѣе развитою формою, но и сво-

имъ содержаніемъ. Весьма легко угадать, которыя изъ двоякаго рода понятій—естественныя или искусственныя, больше имѣють приложенія въ пониманіи и которыя въ сужденіи. Естественныя понятія столь не развиты и не опредѣлены въ своихъ признакахъ и очеркахъ, что по этому самому не могутъ быть рѣшительно возвышены надъ предметомъ и приложены къ нему сужденіемъ; они сливаются съ предметомъ. Напротивъ того, искусственныя понятія имѣють столь опредѣленно обозначенную форму, что уже не могутъ легко и всецѣло совпадать съ предметомъ. Чтобъ искусственное понятіе могло быть прилагваемо пониманіемъ, для этого требуется еще навыкъ, приобретаемый частымъ употребленіемъ этого понятія.

§ 158.

По грамматической формѣ выраженія сужденіе есть *положеніе*, состоящее

изъ подлежащаго и сказуемаго; однакожь оно отличается отъ простаго положенія тѣмъ, что совершается чрезъ приложеніе понятія, между тѣмъ какъ положеніе происходитъ чрезъ простое различеніе замѣченнаго предмета. Положеніе есть простой анализъ, а сужденіе есть синтезъ и анализъ вмѣстѣ: синтезъ — потому что прилагаетъ понятіе къ предмету, а анализъ оттого, что сказываетъ о немъ прилагаемое понятіе. Въ положеніи сказуемое соединяется съ подлежащимъ, какъ часть его содержанія, а въ сужденіи, напротивъ, подлежащее подчиняется сказуемому, какъ часть его объема.

§ 159.

Внутренно, въ средоточіи духа, сужденіе, конечно, мало отличается съ одной стороны отъ пониманія, а съ другою — отъ положенія; но внѣшно, въ окружности душевной жизни, эти от-

правленія раздѣляются такъ, что не рѣдко встрѣчаются у различныхъ лицъ порознь. Простое положеніе есть удѣлъ говоруновъ, которые съ богатствомъ замѣчаній часто соединяютъ крайнюю бѣдность сужденій, тогда какъ разсудительный человѣкъ и при немногихъ наблюденіяхъ часто обладаетъ богатствомъ сужденія. Такимъ же образомъ и смыслъ не рѣдко встрѣчается отдѣльно отъ силы сужденія: иная голова, у которой недостаетъ научнаго образованія, можетъ развивать въ общежитіи здравый смыслъ, а между тѣмъ разсуждаетъ совсѣмъ не удачно, когда нужно высказать сужденіе о предметѣ, и даже можетъ обнаруживать совершенную неспособность къ наукамъ. Съ другой стороны, у иныхъ ученыхъ, при самомъ тонкомъ и образованномъ сужденіи, недостаетъ практическаго смысла въ весьма чувствительной степени.

§ 160.

б) Особенное отправленіе мышленія есть *причинное сужденіе*, или развитіе причинной связи. Предыдущія отправленія мышленія занимались образованіемъ понятій и приложеніемъ ихъ къ предметамъ, какъ признаковъ; причинное же сужденіе рассматриваетъ совсѣмъ новое отношеніе, отношеніе *причины и дѣйствія* въ мірѣ дѣйствительномъ, или *основанія и слѣдствія* въ мысляхъ. Признакъ состоитъ съ своимъ предметомъ въ отношеніи тождества: онъ заключается въ своемъ предметѣ, изъ него извлекается и снова узнается въ немъ; между тѣмъ какъ причина и дѣйствіе, хотя также состоятъ во внутреннемъ отношеніи между собою, однако совсѣмъ не въ отношеніи тождества; они другъ отъ друга отличны, и только одно изъ другаго вытекаетъ.

Причинное сужденіе имѣетъ то общаго

съ пониманіемъ и сказательнымъ сужденіемъ, что и оно есть посредственное познаніе, только средство въ немъ совсѣмъ другаго рода. Въ причинномъ сужденіи одно представленіе понимается посредствомъ другаго, совершенно отъ него отличнаго, а въ пониманіи и сказательномъ сужденіи—само чрезъ себя, потому что понятіе какъ признакъ, само есть предметъ, только высшаго качества. Въ двухъ послѣднихъ отправленіяхъ средство познанія бываетъ одностороннее, потому что только предметъ познается посредствомъ понятія, а не понятіе посредствомъ предмета; напротивъ того, въ причинномъ познаніи средство бываетъ двустороннее: здѣсь какъ причина оцѣнивается по ея дѣйствіямъ, такъ дѣйствіе изъясняется изъ его причинъ.

§ 161.

Совсѣмъ особаго рода причинное отъ

ношеніе представляется въ *сочетаніи* *цѣли* и *средствъ*, къ которому преимущественно мы обращаемся въ общезнѣтїи, такъ что и въ причинную связь настоящаго и прошедшаго стараемся проникать главнымъ образомъ для того, чтобы въ будущемъ избирать для своихъ цѣлей самыя приличныя и дѣйствительныя средства. — *Цѣль* и *средство* состоятъ въ причинной связи, но болѣе запутанной и сложной. Въ дѣйствительномъ мірѣ средство есть нѣчто предшествующее и производящее, слѣд. причина; напротивъ того цѣль есть нѣчто послѣдующее и производимое, слѣд. — дѣйствіе. Но съ другой стороны, опять и цѣль предшествуетъ средству, именно въ мысляхъ, какъ основаніе его выбора. Цѣль есть реальное дѣйствіе и идеальное основаніе; а средство, наоборотъ, есть идеальное слѣдствіе и реальная причина.

Причинное сужденіе соотвѣтствуетъ, какъ высшее отправленіе, транзитивно-му положенію, а сказательное — интрапозитивному.

Сужденіе вообще приписывается частному видоизмѣненію разсудка, *силы сужденія* (*Urtheilskraft*). Въ комъ развита въ значительной' степени эта сторона разсудка, того называютъ по преимуществу *мыслящимъ* и *разсудительнымъ*.

г) **ВЫВОДЪ СЛѢДСТВІЙ.**

§ 162.

Выводъ слѣдствій можно разсматривать въ *научномъ* и *жизнейскомъ* отношеніи.

а) Въ *жизнейскомъ* отношеніи выводъ слѣдствій есть взвѣшиваніе и соображеніе средствъ и цѣлей. Это соображеніе постояннымъ упражненіемъ обращается въ навыкъ и возвышается до такой непосредственности, что цѣль

15.

и средство представляются мыслямъ какъ бы въ одинъ мигъ. Способность къ такимъ соображеніямъ называютъ практическимъ умомъ, или — *благоразуміемъ*, потому что практическій умъ и *благоразуміе* есть не иное что, какъ умѣнье избирать для своихъ цѣлей самыя простыя и рѣшительныя средства.

§ 163.

Чѣмъ богаче благоразумный средствами и гибче въ ихъ выборѣ, тѣмъ больше приписывается ему *смыслителность*; чѣмъ онъ вѣрнѣе рассчитываетъ достаточность средствъ, умѣряя излишнія надежды на успѣхъ, тѣмъ въ высшей степени принадлежитъ ему *основательность*; чѣмъ больше онъ принимаетъ въ соображеніе случаи, которые привзойти могутъ, тѣмъ большею обладаетъ онъ *предусмотрительностію*.

Благоразуміе мелкихъ душъ называется *плутовствомъ*; оно стремится къ

мелкимъ цѣлямъ, или избираетъ по крайней мѣрѣ мелкія средства. *Хитрость* и *лукавство* суть уже больше нравственное видоизмѣненіе благоразумія; первая больше высматриваетъ и подстерегаетъ, а послѣднее больше скрывается и обманывается.

Противоположное благоразумію качество есть *простота*, которая опять имѣетъ двѣ стороны: отрицательную и положительную, потому что она то вообще терлется при выборѣ средствъ, то избираетъ средства превратныя и несообразныя съ цѣлію. Совсѣмъ особенный родъ простоты есть безцѣльная и безсчетная кропотливость, которая останавливается на однихъ средствахъ, не простираясь къ цѣлямъ.

Если простоту, какъ нравственное качество, похваляютъ, то разумѣютъ подъ нею достойную уваженія безцѣльность дѣйствій, въ противоположность корыст-

ному дѣйствованію, все обращающему въ средство для своихъ цѣлей.

§ 164.

б) *Научный* выводъ слѣдствій, или умозаключеніе, есть посредственное сужденіе, такъ какъ *заключеніе*, или произносимый приговоръ, выводится изъ предыдущихъ сужденій, изъ *посылокъ*, въ которыхъ онъ, хотя скрытно, долженъ уже содержаться.

Цѣль умозаключеній бываетъ двоякая: или заключеніе есть новая, посредствомъ вывода приобретаемая истина, которая, хотя скрытно положена въ посылкахъ, однако для познанія какъ будто и не существуетъ: въ такихъ случаяхъ умозаключеніе полагаетъ цѣлію — распространить познаніе, и имѣетъ ходъ поступательный; или же, что бываетъ по большей части, заключеніе есть фактъ, уже извѣстный отъовуда, именно изъ опыта: но и въ такомъ случаѣ

это предварительное свѣдѣніе не дѣлаетъ излишнимъ умозаключенія; напротивъ, здѣсь оно выполняетъ все еще существенную цѣль: возводитъ заключеніе къ высшимъ правиламъ и законамъ, предлагаетъ ему основаніе и доказываетъ его. Ходъ такого умозаключенія есть возвратный.

Умозаключеніе есть отправленіе теоретическаго ума, развитаго искусствомъ, наукою; (хотя, впрочемъ, у насъ иногда употребляютъ слово: умъ, для обозначенія высшей познавательной способности). Кто въ значительной степени развилъ въ себѣ способность умозаключеній и въ ихъ искусственной формѣ привыкъ излагать свои мысли, тому приписываютъ *логическій или діалектическій умъ*.

§ 165.

Сила сужденія возвышается надъ смысломъ и житейскимъ умомъ, какъ

болѣ развитая форма ихъ, но такъ, что въ главномъ своемъ отправленіи, сказательномъ сужденіи, ей предшествуетъ смыслъ, какъ естественное дарованіе, изъ котораго она развивается посредствомъ теоретическаго образованія, — а въ другомъ своемъ отправленіи, въ сужденіи причинномъ, она сама предшествуетъ житейскому уму, или благо разумію, какъ способности приобрѣтаемой практикою. Наконецъ, научный умъ, въ своихъ умозаключеніяхъ, возвышается надъ силою сужденія, какъ болѣ развитая искусствомъ форма ея.

СУЩНОСТЬ РАЗСУДКА И МЫШЛЕНІЯ

§ 166.

Разсудокъ, какъ мыслительная способность вообще, есть сознаніе, которое свободно движется внутри познаній и въ то же время постоянно возвращается къ строгому закону истины. Свобод-

ное движеніе сознанія обще разсудку съ фантазією, а строгая подчиненность закону истины, обща у него съ силою воспріятія, памятію и воспоминаніемъ. Строгій законъ истины частію свободно возстановляется въ разсудкѣ, а частію составляетъ для него только предметъ стремленія; различныя степени, въ какихъ разсудокъ достигаетъ истины, составляютъ его преимущества и недостатки. Онъ можетъ не достигать истины, какъ это бываетъ въ заблужденіи. Достиженіе ея составляетъ заслугу разсудка. Такъ какъ истина разсудка развивается свободною его дѣятельностію, то она глубже и внутреннѣе, чѣмъ истина способности представленій, образующаяся по дѣйствительности инстинктуально.

§ 167.

Существенное отправленіе разсудка есть мышленіе. Мышленіе есть дви-

женіе сознанія въ познаніяхъ, свободное какъ творчество, только въ отличіе отъ него, направленное къ истинѣ. По своему *положенію* въ кругу прочихъ познавательныхъ отправленій, оно есть свободное преобразование и приложеніе познаній по закону истины. *Содержаніе* мышленія есть прозрѣніе (*Einsicht*) во внутреннія и существенныя отношенія познаваемыхъ предметовъ. Такое прозрѣніе имѣетъ собственно ту цѣль, чтобы одинъ членъ познанія уразумѣть посредствомъ другаго, слѣд. по *формл* своей мышленіе есть посредственное познаніе.

§ 168.

По своему *положенію* въ кругу прочихъ познавательныхъ отправленій, мышленіе есть свободное, но согласное съ истиною преобразование и приложеніе познаній, почерпнутыхъ способностію представленій изъ чувствъ и самосо-

знанія. Какъ познаніе вообще есть изображеніе дѣйствительнаго въ сознаніи, слѣд., претвореніе перваго въ послѣднее: то это всеобщее направленіе познаванія продолжается и въ главномъ отправленіи мышленія, — въ преобразованіи представленій дѣйствіемъ остроумія. Между тѣмъ, какъ ни одно душевное отправленіе не исключаетъ совершенно своей противоположности, то и познаваніе на своей высшей степени, — въ отправленіяхъ смысла, силы сужденія и ума, — опять принимаетъ противоположное направленіе, и познанія, полученныя чрезъ переработку представленій, снова прилагаетъ къ дѣйствительности, именно прилагаетъ ихъ или какъ признаки къ предметамъ, или какъ основанія и слѣдствія къ событіямъ, или какъ правила — къ частнымъ случаямъ.

§ 169.

По своему содержанию, мышленіе

есть развитіе внутреннихъ и существенныхъ отношеній между познаваемыми предметами. Опытъ, какъ онъ силою воспріятія почерпается изъ внѣшнихъ чувствъ и самосознанія, выражаетъ предметы во внѣшнихъ и случайныхъ отношеніяхъ пространственнаго сближенія и временной послѣдовательности. Память, сама по себѣ, если бы фантазія и разумъ не оказывали на нее своего вліянія, воспроизводила бы явленія опыта по этимъ же внѣшнимъ отношеніямъ. Фантазія разрѣшаетъ историческую связь представленій памяти, и предначиная дѣйствіе разума, соединяетъ ихъ по сходству и противоположности, возможности и правдоподобію: что все еще составляетъ внѣшнія и несущественныя сочетанія. Разумъ первый проникаетъ до внутреннихъ и существенныхъ отношеній, которыя, однакожь, онъ не вноситъ въ познанія,

а только развиваетъ изъ нихъ своимъ мышленіемъ. Какъ остроуміе, онъ на почвѣ пространственнаго соотношенія находитъ внутреннюю связь цѣлаго и частей, предмета и свойствъ и выражаетъ ее въ интранзитивныхъ положеніяхъ; а въ послѣдовательности явленій онъ провидитъ причинную связь и въ транзитивныхъ положеніяхъ раздѣляетъ ее на ея составные члены,—причину и дѣйствіе, основаніе и слѣдствіе, цѣль и средства. Все еще какъ остроуміе, разсудокъ сходное возвышаетъ въ понятіе, а противоположности фантазіи, какъ виды, подводитъ подъ ихъ роды. Какъ смыслъ и сила сужденія, онъ обращаетъ возможныя и правдоподобныя сочетанія фантазіи въ подлежательную связь понятій съ ихъ предметами и причинъ съ ихъ слѣдствіями.

§ 170.

Какъ внѣшнія и случайныя отноше-

нія опыта, и произвольныя сочетанія фантазіи сводятся разсудкомъ къ означеннымъ внутреннимъ отношеніямъ, такъ эти послѣднія еще глубже сходятся къ двумъ основнымъ: отношенію тождества и причинности, такъ что и мышленіе кратко можно назвать развитіемъ тождественныхъ и причинныхъ отношеній. На первомъ главномъ процессѣ мышленія, — развитіи отношеній тождества, основываются: интранзитивное положеніе, образование понятій и системы, пониманіе, сказательное сужденіе и умозаключеніе; это есть самый общій и господствующій процессъ мышленія. Второй подчиненный процессъ мышленія, — развитіе причинныхъ отношеній, обнимаетъ транзитивное положеніе, причинное сужденіе и выводъ средствъ и цѣлей.

Въ этихъ двухъ главныхъ процессахъ мышленія, какъ и во всѣхъ другихъ дѣй-

ствіяхъ души, отражается двусторонность ея существа: развитіе отношеній тождества исключительно принадлежитъ сознанію и есть собственно мышленіе въ мышленіи; напротивъ того развитіе причинныхъ отношеній собственно принадлежитъ волѣ и есть дѣйствованіе въ мышленіи: потому что мышленіе не иначе можетъ переходить отъ причины къ дѣйствію, не иначе можетъ понимать ихъ связь, какъ идеально повторяя въ себѣ своею творческою дѣятельностію процессъ причинности, т. е. преобразуя само себя изъ причины въ дѣйствіе.

§ 171.

Наконецъ по своей *формѣ*, мышленіе есть посредственное познаніе. Всѣ акты мышленія: различеніе и сличеніе, пониманіе, сужденіе и выводъ слѣдствій, имѣютъ то между собою общаго, что они не суть простое и непосредственное сознаніе предмета, какъ наблюденіе и

представленіе, а что во всѣхъ ихъ между предметомъ познанія съ одной стороны и сознаніемъ съ другой—входитъ посредствующее представленіе, съ которымъ возникаетъ особенный, высшій свѣтъ сознанія, т. е. уразумѣніе предмета, или прозрѣніе въ него.—Различіе же между означенными дѣйствіями мышленія можно обяснять различнымъ отношеніемъ посредствующаго представленія къ предмету. Если это представленіе примѣняется къ предмету единственно по своему содержанію, просто какъ представленіе, то происходитъ сличеніе и различеніе; если же оно примѣняется и по своему объему, именно какъ понятіе, то происходитъ или пониманіе, или сказательное сужденіе.—При этихъ дѣйствіяхъ мышленія обыкновенно спрашивается: совпадаетъ ли посредствующее представленіе съ предметомъ, или нѣтъ; а въ другихъ случаяхъ рождается

вопросъ, — не вытекаетъ ли одно изъ другаго, и тогда происходитъ причинное сужденіе и умозаключеніе. Такимъ образомъ всѣ дѣйствія мышленія основываются какъ бы на раздвоеніи сознанія, потому въ посредствующемъ представленіи оно само становится въ среду между собою и предметомъ.

§ 172.

Замѣчательно, какъ при такомъ примѣненіи посредствующаго представленія къ его предмету, отъ взаимной встрѣчи ихъ, возникаетъ въ сознаніи особенный свѣтъ разумѣнія. Мы не знаемъ, и часто даже не подозреваемъ, какимъ сокровищемъ познанія обладаемъ мы въ понятіи, — особенно если мы приняли его только отъ другихъ, — пока при удачномъ приминеніи къ предмету вдругъ не откроется намъ смыслъ этого понятія и оно, дотолѣ темное, не сдѣлается яснымъ. Но еще болѣе предметъ озаряется

понятіемъ, нежели сколько самъ озаряетъ его: посредствомъ понятія наше сознаніе проникаетъ въ самый предметъ; всеобщее, которое при простомъ созерцаніи и представленіи еще скрывалось въ частностяхъ, теперь сознается въ нихъ самихъ; и посредствомъ общаго несравненно яснѣе уразумѣвается частное. Свѣтъ разумѣнія, возникающій при встрѣчѣ понятія съ предметомъ, подобенъ молніи, исторгающейся при сближеніи двухъ темныхъ облаковъ.

Г Л А В А VI.

СПОСОБНОСТЬ ОСТРОТЪ (Witz).

§ 173.

Средину и переходъ между фантазією и разсудкомъ составляетъ способность остроу. Естественное понятіе объ этой способности очень извѣстно и опредѣленно въ общежитіи; но искусственное

понятіе о ней надлежащимъ образомъ еще не изслѣдовано и не установлено.

Обыкновенно способность остротъ тѣмъ отличаютъ отъ остроумія, что первую ограничиваютъ изысканіемъ сходствъ между разнородными предметами, а послѣднему исключительно усвояютъ замѣчаніе и различеніе несходствъ. Но ни та, ни другая способность не ограничивается которымъ либо однимъ направленіемъ: и способности остротъ весьма свойственно замѣчать несходства, потому что въ острыхъ мысляхъ столько же часто выставляются на видъ несходства, какъ и сходства; даже различіе гораздо болѣе вынаруживается въ острыхъ сравненіяхъ, чѣмъ сходство, такъ какъ сравниваемые предметы никогда не совпадаютъ между собою совершенно. Особенно же это понятіе о способности остротъ оказывается ложнымъ въ томъ отношеніи, что, заставляя

16.

ее заниматься сближеніемъ дѣйствительно разнородныхъ предметовъ, ведетъ къ изысканности и принужденности.

§ 174.

Способность остротъ столько же занимается сличеніемъ и различеніемъ, какъ и остроуміе, съ тою только разностию, что первая останавливается на менѣе опредѣленныхъ отношеніяхъ: сходствѣ, несходствѣ и противоположности, а остроуміе проникаетъ до отношеній болѣе точныхъ и опредѣленныхъ: одинакости, различія и противопоставленія. Впрочемъ, острота основывается не на сближеніи и сличеніи или различеніи предметовъ, а на способѣ, какъ схватывается и высказывается ихъ сходство или несходство. Въ остроумныхъ сравненіяхъ это совершается посредствомъ отвлеченныхъ понятій, въ которыхъ выставляются на видъ самыя признаки предметовъ одинакіе и различные;

напротивъ того, сравненія острыя выражаются въ конкретныхъ образахъ, которые только намекають на сходство, и заставляютъ догадываться о немъ.

Но способность остроуть не только не ограничивается однимъ отправленіемъ остроумія, а участвуетъ еще и во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ мышленія. Есть острое пониманіе, которое состоитъ въ томъ, что образнымъ выраженіемъ полуоткрыто означается какой либо предметъ, или лице. Если подъ какимъ либо образомъ полуясно высказывается свойство предмета или лица, то бываетъ острое сужденіе. Если, наконецъ, образно намекается на причину или дѣйствіе, то происходитъ острый выводъ слѣдствій.

§ 175.

Способность остроуть имѣетъ одни и тѣже отправленія съ разсудкомъ, только въ ней совершаются они особеннымъ

образомъ и получаютъ особенную форму и иное выраженіе. Эта форма и выраженіе есть не другое что, какъ конкретность или образность, въ которой скрывается понятіе. Къ этой мысли приводятъ насъ и прочія извѣстныя свойства способности остроты. Она всегда предполагаетъ значительную степень фантазій и даже собственно есть произведеніе столько же фантазій, какъ и разсудка. Понятіе становится остротою, когда вмѣсто того, чтобы ему отвлеченно родиться въ разсудкѣ, рождается конкретно въ фантазій. Далѣе — отъ остроты весьма справедливо требуютъ воззрительности, потому что отвлеченность мышленія ослабляетъ и уничтожаетъ остроту. Ея воззрительность состоитъ въ конкретной образности понятій. Впрочемъ, острота должна быть не только воззрительна, но и вразумительна; понятіе въ ней не должно быть слишкомъ

глубоко сокрыто подь образомъ; оно должно просвѣчивать сквозь него; иначе острота теряется, если ее тотчасъ нельзя понять.

§ 176.

Теперь можно сказать, что *острота* есть не иное что, какъ конкретность, или образность мышленія. Понятіе должно только тлиться подь конкретнымъ образомъ, какъ искра подь пепломъ. Надобно, чтобы образъ давалъ только угадывать сокровенный въ немъ смыслъ: черта, которая преимущественно высказывается въ намекахъ, двусмысленностяхъ и т. п. Оттого острота такъ пріятно поражаетъ насъ нечаянностью, которой занимательность тотчасъ теряется, когда остроу начинаютъ изъяснять, т. е. когда понятіе извлекаютъ изъ образа и предлагаютъ въ наготѣ. По той же причинѣ острота больше занимаетъ и веселить, чѣмъ разговоръ умный, но

сухой: живое, образное выражение понятія возбуждаетъ и занимаетъ фантазію, а угадываніе понятія, сокрытаго подъ образомъ, увеселяетъ и льститъ самолюбію слушателей, которые, легко уловляя мысль чужой остроты, восхищаются своею собственною остротою: отсюда одинаковая заманчивость остроты и загадки.

Такимъ образомъ способность остротъ есть разсудокъ, богатый фантазією, или лучше сказать, разсудокъ, являющійся въ формѣ фантазіи и раздѣляющій съ нею ея бессознательность и инстинктуальность. Отсюда воззрительность остротъ, ихъ многостороннія примѣненія, ихъ удобовразумительность, меткость и очевидность, подлѣ несоответственностей и неточностей, — которыя составляютъ комическую сторону остроты, потому что, чѣмъ конкретнѣе схвачены и выражены понятія, тѣмъ менѣе

они идутъ къ своему предмету и уравниваются съ нимъ.

§ 177.

Виды остроуь зависятъ частію отъ различнаго намѣренія и расположенія духа, частію отъ различнаго выраженія понятій.

а) Отъ расположенія духа и намѣренія происходятъ слѣдующія разности: забавная остроуа, происходящая изъ веселаго настроенія духа, называется *юморомъ*, особенно когда она съ живымъ и сильнымъ удовольствіемъ совершенно воззрительно и пластически рисуетъ свои смѣшныя образы. Если остроуа обращается на другаго, но только съ невиннымъ намѣреніемъ подразнить его, то она становится *шуткою*, которая иногда прикрываетъ себя невинно-притворною миною; если же остроуа дѣлается язвительною, то переходитъ въ *сатиру*. Когда сатира принимаетъ забавную мину

и старается поднять другаго на смѣхъ, то она дѣлается *насмѣшкою*; когда же сатира принимаетъ гордый тонъ и поступаетъ съ другимъ презрительно, то становится *издѣвкою*.

§ 178.

б) По различію выраженія понятій острота бываетъ: *иронією*, *комическимъ*, *смѣшнымъ* и *остротою словъ*.

Иронія облекаетъ или скрываетъ понятія въ противоположномъ ему образѣ выраженія, который, по сродству противоположностей, даетъ легко угадывать истинный его смыслъ. Такъ какъ противоположность вообще, подобно конкретному образу, высказываетъ мысль непрямо, и однакожъ ясно и довольно точно, то удачное и тонкое сближеніе противоположностей, — принадлежащее собственно только остроумію, — нерѣдко отнѣсать къ способности остроуть: такая способность остроуть есть *esprit* Францу-

зовъ. Иронія, какъ выраженіе понятія въ противоположной ему формѣ, соответствуетъ той шуткѣ, которая истинное намѣреніе прикрываетъ противоположною ему мнною.

Комическое и смѣшное суть особенныя видоизмѣненія остроты, потому что не всякая острота заключаетъ въ себѣ комическое, а еще менѣе — смѣшное, и изъ равно хорошихъ остротъ одна больше заключаетъ въ себѣ комическаго, а другая менѣе, даже по большей части тѣмъ хуже бываетъ острота, чѣмъ больше заключаетъ въ себѣ комическаго. Выраженіе или форму комическаго и смѣшнаго составляетъ *нелѣпость* и *несообразность*.

¹ *Смѣшное* есть *случайная* или *намѣренная* нелѣпость и сближается съ глупостію, только въ этой послѣдней нелѣпость происходитъ изъ слабости ума, и потому, по крайней мѣрѣ у разсуди-

тельныхъ, возбуждаетъ состраданіе вмѣсто смѣха. Впрочемъ, не все, что возбуждаетъ смѣхъ, смѣшно, потому что смѣхъ есть всеобщее выраженіе веселости.

Комическое имѣетъ больше смысла и значенія, чѣмъ просто смѣшное и сквозь нелѣпое выраженіе явственнѣе высказываетъ мысль.

Острота словъ играетъ ихъ однозвучіемъ или двусмысленностію, особенно же противоположностями словъ сходныхъ.

Г Л А В А VII.

2. Р А З У М Ъ.

§ 179.

Дѣятельность нашихъ познавательныхъ способностей не оканчивается отправленіями разсудка, и кругъ нашихъ познаній не ограничивается предметами

опыта. Есть въ глубинѣ нашего духа такія убѣжденія и требованія, которыя не пріобрѣтаются усиліями разсудочнаго мышленія, и которыхъ предметы относятся къ міру сверхчувственному, духовному. Таково убѣжденіе въ бытіи Божіемъ, безсмертіи души, таковы нравственныя требованія и проч. Способность созерцать и уразумѣвать предметы этихъ высшихъ убѣжденій и требованій нашего духа есть *разумъ*, а самыя созерцанія разума обыкновенно называются—*идеями* (отъ *ιδειν* видѣть).

§ 180.

Напрасно строгіе эмпирики отвергаютъ дѣйствительность въ насъ разума, какъ высшей познавательной способности, и покушаются произвести его идеи посредственно, или непосредственно, изъ опыта.

Сердечное убѣжденіе въ высочайшихъ, существенно необходимыхъ чловѣку

истинахъ, есть всеобщій, неотрицаемый фактъ. Надобно быть *безбожнымъ* и *безсовѣстнымъ*, чтобы отказываться отъ убѣжденій въ бытіи *Бога* и безсмертіи души, отъ внушеній *совѣсти* и т. п.; но и въ людяхъ подобнаго рода, противъ собственной ихъ воли, рано или поздно пробуждаются эти высшія требованія сердца; а въ нихъ-то первоначально и выражается содержаніе идей нашего разума. Такимъ образомъ покушеніе отвергать дѣйствительность идей возможно развѣ только при крайнемъ развращеніи сердца, или при невѣдѣніи о томъ, что должно разумѣть подъ ихъ именемъ.

* Съ другой стороны, происхожденіе въ насъ идей нельзя объяснить отправленіями низшихъ познавательныхъ способностей. Источникомъ идей не можетъ быть ни *внѣшнее чувство*, потому что предметы ихъ принадлежать міру духов-

ному, ни *чувство внутреннее*, потому что оно возвѣщаетъ намъ только о явленіяхъ и 'состояніяхъ нашей души, о нашихъ убѣжденіяхъ и требованіяхъ сердца, но не указываетъ на ихъ предметы, положенные внѣ круга нашей личности.

Содержаніе идей не можетъ быть вымышлено и *фантазією*. Самая творческая фантазія не творитъ новаго содержанія: какимъ же образомъ существо конечное и живущее въ мірѣ ограниченномъ и преходящемъ могло бы первоначально образовать идеи безконечнаго, всесущественнаго и вѣчнаго? Изъ представленій о конечномъ и несовершенномъ никакая фантазія не создастъ идеи о безконечномъ и всесовершенномъ, потому что, прилагая конечное и несовершенное къ конечному же и несовершенному, все будемъ имѣть конечное и несовершенное, какъ бы мы далеко ни

простирали рядъ этихъ прибавленій; и если бы фантазія дѣйствительно покушалась на такое поступаніе отъ конечнаго и несовершеннаго къ безконечному и всесовершенному, то уже по этому самому должно бы предположить въ нашемъ духѣ хотя темное ощущеніе этого безконечнаго и совершеннаго. Къ тому жъ, чистые вымыслы фантазіи слишкомъ частны и сопровождаются сознаниемъ ихъ подлежательности и произвольности, между тѣмъ какъ идеи о совершеннѣйшемъ и безконечномъ бытіи всеобщы и необходимы и сопровождаются самымъ живымъ убѣжденіемъ въ ихъ подлежательной истинности.

Начало идей нельзя отнести и къ разсудку. Два главныхъ приема употребляетъ онъ при образованіи своихъ понятій: анализъ и синтезъ; но ни тотъ, ни другой не творитъ своего предмета, а только разлагаетъ или сличаетъ при-

мѣты уже данныхъ представленій, потому что разсудку вовсе не свойственно знаніе непосредственное; слѣд. чтобы онъ могъ возвыситься до понятій о предметахъ сверхчувственныхъ, надобно чтобы и идеи уже были даны ему отыщу-да. — Правда, что разсудокъ, какъ сила сужденія, можетъ свободно двигаться въ своихъ понятіяхъ, переходя отъ частей къ цѣлому, отъ дѣйствій къ ихъ причинѣ, и наоборотъ; и такимъ образомъ дѣлать соображенія и умозаключенія и посредствомъ ихъ доходить до новыхъ выводовъ; но и эта дѣятельность его ограничивается опредѣленнымъ кругомъ понятій: разсудокъ можетъ восходить отъ конечныхъ и преходящихъ частей къ цѣлому тоже конечному и преходящему, отъ дѣйствій условныхъ къ причинамъ условнымъ же, тогда какъ предметомъ идей есть безусловное. Между условнымъ и безусловнымъ, преходя-

щимъ и вѣчнымъ, ограниченнымъ и безпредѣльнымъ положена въ нашемъ разумѣніи такая бездна, для перехода чрезъ которую недостаточны самыя тонкія сближенія понятій и самое искусное сцепленіе умозаключеній, потому что въ выводѣ и заключеніи къ безусловному всегда будетъ больше, чѣмъ сколько содержится въ посылкахъ объ условномъ. — Совершенно по этому справедливы требованія тѣхъ, которые способность уразумѣвать предметы сверхчувственные признаютъ особенною, высшею способностію познаванія.

§ 181.

Способъ происхожденія идей въ нашемъ разумѣ объяснить не легко. Отрѣшая идеи отъ обыкновеннаго опыта, мы не можемъ признать ихъ и врожденными намъ. Вообще у насъ нѣтъ готоваго знанія о мірѣ чувственномъ, а есть только способность познавать его:

не должно быть готовыхъ понятій и о мірѣ сверхчувственномъ; и разумъ долженъ имѣть только *способность* созерцать его предметы, какъ внѣшнее чувство есть способность наблюдать, при извѣстныхъ условіяхъ, предметы вещественные.

Идеи разума даютъ знаніе, которое не посредствуется понятіями, не выводится изъ началъ и не нуждается въ доводахъ, какъ знаніе разсудка; разумъ прямо и непосредственно убѣжденъ въ высшихъ истинахъ; слѣд., долженъ и созерцать свои предметы непосредственно. И въ самомъ дѣлѣ, человекъ какъ существо духовно-чувственное поставленъ въ мірѣ вещественномъ и непосредственно наблюдаетъ его явленія; а какъ чувственно-духовное существо онъ долженъ состоять въ связи съ міромъ духовнымъ и также созерцать его непосредственно. Возможность и даже

17.

дѣйствительность непосредственнаго со-
прикосновенія души съ міромъ сверхчув-
ственнымъ, — ^{похожаго} ~~подобнаго~~ на ея соприкосно-
веніе съ міромъ вещественнымъ, — открыва-
ется изъ того, что душа, при всей ея ин-
дивидуальности не отторгнута отъ жизни
всеобщей: она находится въ связи съ ин-
дивидумами своего рода, съ жизнію приро-
ды и жизнію Божественною, которою дер-
жится всякое бытіе конечное. Уже и во-
снѣ душа, кажется, изъ этого соприкосно-
венія съ общею жизнію почерпаетъ пред-
знаменательныя сновидѣнія, и въ болѣз-
ненныхъ состояніяхъ тѣла отсюда же, мо-
жетъ быть, происходитъ просвѣтлѣніе
ясновидящихъ и проч.; отсюда же въ
бодрственномъ и нормальномъ состояніи
должны проистекать и идеи разума, такъ
что разумъ можно назвать *духовнымъ*
окомъ, а его созерцанія, если угодно,
высшаго, особеннаго рода опытомъ, —
опытомъ духовнымъ. Впрочемъ, какъ

бы ни объяснялъ кто либо происхожденіе идей, но дѣйствительность ихъ во всякомъ случаѣ неопровержима.

§ 182.

Въ созерцаніяхъ разума не трудно примѣтитъ нѣсколько особыхъ направленій. Дѣятельность нашей души вообще раскрывается тремя сторонами: стороною способностей познающихъ, чувствующихъ и желающихъ; но каждая изъ этихъ сторонъ, не стѣсняясь кругомъ явленій опытныхъ, обращается къ міру сверхчувственному, и слѣдовательно примыкаетъ къ разуму. Отсюда — три главные идеи нашего разума: идея *истиннаго*, или созерцаніе того, что въ мірѣ сверхчувственномъ дѣйствительно *есть* доступное нашему разумѣнію и положенное въ основѣ міра явленій; идея *добраго*, какъ созерцаніе того, что въ мірѣ явленій, по его отношенію къ міру высшему, *должно быть*; наконецъ идея

прекраснаго, или созерцаніе того, что въ мірѣ явленій, при его отношеніи къ высшему порядку вещей, можетъ быть.

Идея истины вѣнчаетъ собою дѣятельность познающаго духа; **идея добра** завершаетъ наши желанія; **идея красоты** составляетъ цѣль нашихъ чувствованій. По этимъ тремъ идеямъ разума и въ немъ самомъ различаютъ три стороны: разумъ теоретическій, практическій и эстетическій.

§ 183.

Идеи разума сами по себѣ далеко не имѣютъ той ясности и опредѣленности, которая свойственна наблюденіямъ чувственнымъ. Предметы внѣшніе мы наблюдаемъ раздѣльно; явленія внутреннія представляются намъ слитными; но предметы сверхчувственнаго міра созерцаются еще неопредѣленнѣе и смѣшеннѣе, какъ въ тускломъ зеркалѣ, гадательно. Иначе и быть не можетъ, по-

тому что чувственная сторона человеческой природы гораздо болѣе развита, чѣмъ духовная; притомъ, къ чувственному міру душа обращена своею, такъ сказать, развитою стороною, а къ міру сверхчувственному примыкаетъ своимъ основаніемъ и вершиною, гдѣ воля и сознаніе еще, или опять, сопроникнуты взаимно и потому не могутъ дѣйствовать свободно и отчетливо.

Впрочемъ, идеи, не смотря на эту первоначальную неясность и неопредѣленность ихъ, могутъ и должны мало по малу уясняться при развитіи и участіи прочихъ познавательныхъ способностей, которыми онѣ воспринимаются. Онѣ воспринимаются а) сердцемъ, силою чувствованій, б) фантазіею, в) разсудкомъ и г) переходятъ во внѣшнюю жизнь человѣчества и сосредоточиваются во внутреннѣйшемъ святилищѣ духа. Въ движеніи идей по этимъ степенямъ со-

стоит процесс ихъ развитія.

● § 184.

а) Идеи разума прежде всего воспринимаются *сердцемъ* и превращаются въ немъ въ чувствованія: въ чувство *истиннаго, добраго и прекраснаго*. Это сердечное воспріятіе идей есть тоже, что обыкновенное воспріятіе относительно чувственныхъ наблюденій. Только воспріятыя сердцемъ идеи становятся собственностію духа и сопровождаются самою живою, хотя еще и темною *вѣрою* въ дѣйствительность предметовъ сверхчувственного міра и самымъ живымъ, хотя и безотчетнымъ убѣжденіемъ въ истинности идей. И здѣсь-то *вѣра* и высшее *знаніе* совпадаютъ. Изъ идей разума рождается *вѣра*, потому что онѣ суть созерцаніе высшаго міра, какъ факта; но онѣ же даютъ и *знаніе*, потому что это созерцаніе происходитъ изъ разума. Знаніе имѣетъ здѣсь высочайшую

достоверность, такъ какъ разумъ не умозаключаетъ, а только созерцаетъ; и вѣра имѣетъ истинное значеніе, оттого что не есть безъосновное признаніе чего либо за истину, а есть самое же знаніе.

Сердечное воспріятіе идей можетъ имѣть различныя степени *силы, ясности и чистоты.*

Не всѣ люди ощущаютъ движеніе идей въ равно значительной степени. Только геніальные поэты и художники съ особенною *силою* дознаютъ въ себѣ движеніе идеи *прекраснаго*, и то въ немногія счастливыя минуты вдохновенія; идея *добра* только въ душѣ людей добродѣтельныхъ и великихъ законодателей проявляется съ особенною энергіею; идея *истины* ощущается съ особенною живостію геніальными мыслителями-философами и даже вообще людьми безпредубѣжденными.

Съ большею или меньшею *ясностію*

отражаются идеи въ сердцахъ людей по различію не только ихъ умственныхъ дарованій, но и нравственнаго состоянія. Сердце поработщенное чувственності и низкимъ страстямъ слишкомъ не чисто для того, чтобы служить живымъ зеркаломъ идей; только *чистые сердца* способны принимать ихъ неискаженными и убѣждаться въ нихъ непоколебимо.

Чувство истины, добра и красоты такъ глубоко вкореняется въ насъ, что оно первое отвергаетъ тѣ заблужденія относительно высшихъ истинъ, до какихъ по большей части доходятъ философскія системы въ своихъ послѣднихъ выводахъ. Однако это чувство не всегда бываетъ *чисто*, оттого что къ нему легко примѣшиваются наши субъективныя требованія и побужденія. *Q*

§ 185.

Хотя идеи уже и въ первоначальномъ

своимъ видѣ составляютъ знаніе, однако это знаніе, переведенное въ чувствованія, еще слишкомъ безотчетно и смѣшано, такъ что идеи разума, воспринятія сердцемъ, суть сердечныя возбужденія и стремленія къ міру сверхчувственному, но еще не получившія имени. Впрочемъ, уже и самовозрѣніе, какъ скоро начнетъ всматриваться въ чувство истины, добра и красоты, въ каждомъ изъ нихъ можетъ различать нѣсколько особыхъ идей, подобно тому, какъ и внѣшнее чувство, еще безъ особеннаго участія разумѣнія, легко отличаетъ одни явленія отъ другихъ. Три существенныхъ предмета непосредственно созерцаетъ нашъ разумъ; это—*душа* и *вселенная* съ ихъ внутреннѣйшей стороны, и верховный виновникъ всякаго бытія—*Богъ*. По тройственности этихъ предметовъ видоизмѣняется въ насъ и чувство истиннаго, добраго и прекрас-

наго. И во первыхъ, по чувству истиннаго мы непосредственно вѣримъ духовности и безсмертію нашей души, безпредѣльной полнотѣ и единству вселенной и бытію Бога, какъ существа, безъ котораго не возможно ни бытіе души, ни бытіе природы. Отсюда въ идеѣ истины, какъ созерцаніи того что *есть*, самовоззрѣніе открываетъ новую тройственность идей, — идею души, вселенной и Бога.

Во вторыхъ, по чувству добра мы непосредственно убѣждены сердцемъ, что во вселенной все должно происходить для наилучшихъ цѣлей, что свободная воля должна быть подчиняема нравственнымъ требованіямъ, нравственному порядку, и что верховное Существо должно быть вмѣстѣ верховнымъ благомъ и послѣднею цѣлію для всѣхъ тварей. Отсюда въ идеѣ добра, какъ созерцаніи того, что *должно* быть, три

новыя идеи: идея физическаго совершенства, нравственнаго добра и верховаго блага.

Наконецъ, по чувству прекраснаго мы непосредственно ощущаемъ сердцемъ, что Богъ есть вѣчный первообразъ всякой возможной красоты, и что красота природы и духа состоитъ въ возможно-полнѣйшемъ выраженіи безконечной лѣпоты въ конечныхъ формахъ. Отсюда въ идею прекраснаго, какъ созерцаніи того, что можетъ быть, идея красоты природы, духа и лѣпоты безконечной.

§ 186.

б) Изъ области чувствованій идеи непосредственно переходятъ въ фантазію, которая преимущественно оплодотворяется возбужденіями сердца. Какъ для всѣхъ вообще возбужденій его, такъ и для чувствованій идеальныхъ, фантазія старается найти сколько возможно

приличнѣйшій образъ и слѣдовательно превратить ихъ въ представленія. Такъ идеѣ вселенной фантазія думаетъ найти выраженіе въ представленіи вселенной въ формѣ напр. шара, въ видѣ истеченія изъ Бога, или раскрытія самаго Бога; идею верховнаго блаженства покушается выразить въ видѣ земныхъ, хотя очищенныхъ наслажденій; наилучшимъ выраженіемъ идеи верховной лѣпоты почитаетъ образъ изящной человѣческой формы и т. д.

Идеи разума, воспринимаемыя сердцемъ и фантазіею, суть общее достояніе человѣчества и составляютъ содержаніе такъ называемой естественной религіи. Идея истины составляетъ предметъ религіознаго созерцанія и *върванія*; идея добра—предметъ религіозной дѣятельности и *чаянія*; идея красоты—предметъ религіозной символики и *сердечнаго стремленія*.

Идеи въ видѣ чувствованій и представлений недостаточны и для естественной религіи при теперешнемъ состояніи человѣчества, а еще болѣе для философіи. Сердце усвоитъ намъ идеи, но по причинѣ своей безотчетности легко вводитъ въ ложный, неопредѣленный мистицизмъ; фантазія приближаетъ ихъ къ общему сознанію, но за то даетъ имъ форму несоотвѣтственную ихъ внутреннему содержанію, а потому также можетъ вводить въ заблужденія антропоморфизма, фанатизма и т. п.

§ 187.

в) Когда *разсудокъ* начнетъ всматриваться въ идеальныя представленія фантазіи, то легко откроетъ несообразность между содержаніемъ ихъ и формою, потому что содержаніе ихъ принадлежитъ міру сверхчувственному, а форма взята съ предметовъ міра внѣшняго. Тогда фантазія, побуждаемая разумѣніемъ,

сбрасываетъ съ своихъ идеальныхъ представлений формы опредѣленные и старается представить идеи въ формѣ особенной, противоположной формамъ чувственныхъ представлений. Но формы этихъ послѣднихъ представлений суть *пространство* и *время*; пространству противопоставляется *неизмѣримость*, времени *вѣчность*, а соединеніе неизмѣримости и вѣчности есть *безконечность*. Въ этихъ-то, если можно такъ сказать, безформенныхъ формахъ, фантазія хочетъ созерцать идеи, чтобы по возможности приблизиться къ ихъ содержанію. Она созерцаетъ идею *вселенной* въ формѣ *неизмѣримости*, потому что вселенная, какъ полнота жизни, и должна быть неизмѣримою въ своемъ цѣломъ; идею *души* созерцаетъ въ формѣ *вѣчности*, потому что жизнь души самостоятельной и сознательной должна быть вѣчною; наконецъ идею *Бога*, идею

Самосущаго, фантазія созерцаетъ въ формѣ *безконечности*, потому что инымъ и не можетъ быть Самосущее.

Такимъ образомъ въ фантазіи, подъ руководствомъ разсудка, уже предназначается уразумѣніе идей; но съ другой стороны, здѣсь же впервые открывается противоположность и противорѣчіе между чувственными представленіями и идеями разума, между бытіемъ реальнымъ и идеальнымъ: тамъ ограниченное и преходящее, здѣсь безпредѣльное и вѣчное; тамъ конечное, здѣсь безконечное.

§ 188.

Дѣятельность разсудка относительно идей не ограничивается этимъ отрицательнымъ вліяніемъ на первоначальный образъ представленія ихъ въ фантазіи. Въ формѣ неизмѣримости, вѣчности и безконечности онѣ остаются еще непонятными для насъ; разсудокъ хочетъ по-

стигнуть смысл ихъ, а потому и ихъ подвергаетъ своимъ обыкновеннымъ приемамъ, *анализу* и *синтезу*. Такъ какъ идеи въ формѣ чувствованій и представлений даются первоначально въ темномъ синтезѣ, то разумокъ начинаетъ ихъ развитіе и уясненіе *анализомъ*; къ тому жъ, разумокъ, не могши вмѣстить въ себѣ ихъ необъятное существо, долженъ по необходимости раздроблять ихъ на части и эти части преобразовывать по своимъ законамъ въ мысли, т. е. въ понятія, сужденія и умозаключенія.

Во первыхъ, разумокъ преобразуетъ раздробленные идеи въ *понятія*. Такъ неопредѣленную идею *вселенной* разлагая на части, составляетъ изъ нихъ понятія о гармоніи всѣхъ дѣйствій природы, о ея порядкѣ, устройствѣ и проч.; изъ идеи *души* образуетъ понятіе о простотѣ ея, самостоятельности, безмер-

тіи и т. д.; изъ идеи *Бога* развиваетъ понятія о Его независимости, всемогуществѣ, всевѣдѣніи и проч. — Понятія составляемыя разсудкомъ изъ идей, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, называютъ понятіями *умственными, идеальными*, или просто *умопонятіями*, называютъ даже *идеями*, говорятъ, напр. идея порядка вселенной, идея безсмертія души, всемогущества Божія и проч., но это суть идеи уже *третѣстепенныя*.

Во вторыхъ, изъ умопонятій разсудокъ образуетъ *сужденія*. Такъ напр. умопонятіе о безсмертіи души, онъ можетъ выразить въ слѣдующихъ формахъ сужденія: душа не можетъ разрушиться, ни уничтожиться съ смертію тѣла; душа будетъ жить вѣчно и проч. — Наконецъ, въ третьихъ, идеальныя сужденія выраженные въ формѣ всеобщихъ предложений, разсудокъ поставяетъ главными посылками при составленіи *умозаклю-*
18.

чений; такъ напр. слѣдующее предположеніе: «все въ мірѣ подвержено своимъ неизмѣннымъ законамъ», можетъ служить главною посылкою при обсуживаніи частныхъ явленій природы.

Разсудокъ, разлагая идеи въ отдѣльныя и отчетливыя мысли, сообщаетъ имъ вразумительность, но вмѣстѣ съ этимъ унижаетъ ихъ сущность, ихъ безпредѣльность.

§ 189.

Послѣ разложенія идей, разсудокъ долженъ привести ихъ въ порядокъ и слѣдовательно, употребить второй пріемъ своей дѣятельности, — *синтезъ*. Но при первомъ сличеніи умопонятій съ обыкновенными понятіями, между ними открывается противоположность, распаденіе. И во первыхъ, относительно *идеи истиннаго*, разсудокъ замѣчаетъ во внѣшнемъ мірѣ только ограниченные рядки явленій, а идея вселенной ука-

зывается на непредѣльную ея цѣлость; разсудокъ примѣчаетъ во внутреннемъ нашемъ мірѣ бытіе временное, а идея души напоминаетъ намъ о ея безсмертіи; разсудокъ познаетъ только причины зависимыя и условныя, а идея Бога извѣщаетъ насъ о бытіи безусловномъ. Во вторыхъ, идея *прекраснаго* выражаетъ стройное, гармоническое раскрытіе вселенной съ ея вещественной и духовной стороны, но въ понятіяхъ разсудочныхъ представляется ея разнообразіе безъ единства, и потому недостатки частныхъ безъ совершенства цѣлаго; по взгляду разсудка красота должна выражаться въ конечной, опредѣленной формѣ, между тѣмъ какъ по требованію разума безконечная красота должна быть чуждою всякой формы. Наконецъ, идея *добраго* требуетъ осуществленія высшихъ цѣлей добра въ жизни физической природы и существъ разумныхъ, между тѣмъ

какъ по обыкновенному взгляду на міръ, въ немъ повсюду представляются несовершенства, борьба добра и зла; по требованіямъ разума, Богъ долженъ быть единственнымъ благомъ для человѣка, какъ существа нравственно-разумнаго, а между тѣмъ разсудокъ поставяетъ счастье человѣка въ достиженіи конечныхъ цѣлей.

§ 190.

При такомъ распаденіи понятій разсудочныхъ и идеальныхъ, разсудокъ то навсегда остается въ этихъ неразрѣшимыхъ для него противорѣчіяхъ (антиноміяхъ), и отсюда — скептицизмъ; то желая вытти изъ нихъ, вступаетъ на путь односторонній: или отвергаетъ сторону бытія идеальнаго и впадаетъ въ натурализмъ, матеріализмъ и проч.; или же наоборотъ, отвергаетъ дѣйствительность бытія чувственнаго и впадаетъ въ раціонализмъ, спиритуализмъ, пан-

теизмъ и проч. Между тѣмъ одно только есть средство примиренія понятій разсудка и идей разума: разсудокъ столько же долженъ признать реальность идей, какъ и своихъ собственныхъ понятій, но въ тоже время отказаться отъ окончательнаго суда въ познаніи міра сверхчувственнаго и подчиниться разуму: тогда идеи сообщать полноту, гармонію и жизнь понятіямъ разсудка и изъ надлежащаго синтеза и сопроникновенія тѣхъ и другихъ разовьется *Законъ*, *Искусство* и *Наука*. Законъ примиряетъ свободу и необходимость, счастье и добродѣтель, какъ средство и цѣль; Искусство сближаетъ конечное съ безконечнымъ, какъ форму и содержаніе; Наука сочетаваетъ условное съ безусловнымъ, какъ дѣйствіе съ причиною.

§ 191.

г) Идеи добра, красоты и истины, развиваясь въ Законъ, Искусство и Науку,

переходятъ изъ нашего внутренняго міра во внѣшній, снова дробятся въ немъ и въ самомъ своемъ дробленіи *осуществляются* въ жизни человѣка и чело-вѣчества. *Законъ*, какъ выраженіе *идеи добра*, развивается *законодательствомъ* различныхъ мѣстъ и временъ, а политическія общества стараются осуществить собственною жизнію это законодательство, и слѣд. самую идею добра; всѣ благоустроенныя общества суть живое раскрытіе идеи добра, суть самая идея въ дѣйствіяхъ. *Искусство*, какъ выраженіе *идеи красоты*, раскрываетъ неисчерпаемое богатство ея въ *созданіяхъ изящныхъ*; міръ искусствъ есть идея прекраснаго въ ея опытномъ проявленіи. Наконецъ, *Наука*, какъ выраженіе *идеи истины*, раскрывается въ многообразныхъ системахъ высшаго чело-вѣческаго знанія, въ системахъ науки наукъ—въ *философiи*; всѣ философи-

ческія системы различныхъ мѣстъ и временъ суть проявленія одной и той же идеи истины; онѣ недостаточны и ошибочны сами по себѣ только потому, что суть раскрытія идей частныя, разностороннія и слѣд, одностороннія.

Такимъ образомъ идеи, хотя и вознесены надъ кругомъ познанія опытнаго, не остаются однако же чуждыми и бесплодными и для міра дѣйствительнаго; напротивъ, все великое въ земной жизни человѣчества проистекаетъ изъ идей.

§ 192.

Наука, Законъ и Искусство еще не составляютъ послѣдняго развитія нашихъ душевныхъ силъ, потому что еще не удовлетворяютъ вполне идеальнымъ стремленіямъ нашего сердца. Наука примиряетъ условное съ безусловнымъ, но это безусловное остается необъятнымъ для нашего знанія; Законъ приближаетъ

насъ къ цѣли нашего земнаго бытія, къ добру, но еще не даетъ намъ блага верховнаго; Искусство соединяетъ конечное съ безконечнымъ, но соединяетъ безконечное съ вещественною формою, а не съ нашимъ сердцемъ. Этотъ недостатокъ восполняется только въ Религій Откровенной: только она восполняетъ недостаточность идеальнаго знанія Божественною *впрою*; ведетъ насъ къ блаженству путемъ несомнѣнной *надежды*; и связуетъ наше существо съ Безконечнымъ посредствомъ живаго союза святой *любви*. Такимъ образомъ Законъ, Искусство и Наука, какъ развитіе идей, выступаютъ изъ естественной Религій, — изъ первоначальныхъ чувствованій и представленій, и снова должны притти къ Религій, но уже озаренной и восполненной Божественнымъ Откровеніемъ. Если, переливаясь во внѣшнюю жизнь, онѣ дробятся въ ней подѣ

бесчисленными формами, возвышают ее и животворятъ собою, то, обращаясь во внутреннюю жизнь, онѣ сами возвышаются и животворяются Религіею и сливаются въ ней въ идеальное единство: Религія есть высочайшій синтезъ Закона, Искусства и Науки.

ГЛАВА VIII.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ.

§ 193.

Познавательная способность вообще есть сознаніе, или правильнѣе, сознаніе, преобладающее надъ волею. Различіе познавательныхъ способностей состоитъ въ различномъ развитіи сознанія частію по отношенію его къ волѣ, а частію относительно къ его закону, т. е. истинѣ; а истина есть согласіе внутренняго съ внѣшнимъ, представленій и мыслей съ дѣйствительностію.

Сознаніе *сперва* естественною необходимою связано съ своею волею и слѣдуетъ закону истины какъ закону природы, или есть еще инстинктъ: таковымъ оно является въ чувствѣ внутреннемъ и внѣшнемъ и способности представленій, т. е. силѣ воспріятія, памяти и воспоминаній; оттого способности эти, *сами по себѣ*, не заблуждаютъ и не обманываютъ. — *Потомъ* сознаніе дѣлается свободнымъ, дѣйствуетъ безъ цѣли и независимо отъ воли, слѣдуя только своему образовательному побужденію; законъ истины расширяется до правдоподобія и возможности; сознаніе дѣлается игривымъ: это фантазія. — *Наконецъ*, оно снова принимаетъ въ себя волю, направляя свою дѣятельность къ цѣлямъ; законъ истины возстановляется въ своей строгости, но уже какъ законъ и ~~задача~~ свободы; сознаніе становится разумѣніемъ: именно въ разсудкѣ и ра-

зумѣ. — Оно дѣйствуетъ игриво, но сообразно съ цѣлію въ способности остротѣ.

§ 194.

Три различныя *степени развитія* познавательныхъ способностей слѣдуютъ одна послѣ другой въ трехъ особыхъ *возрастахъ* и составляютъ въ каждомъ изъ нихъ основной характеръ умственной ихъ жизни: естественно-необходимыя способности познанія раскрываются въ отрочествѣ, фантазія — въ юношествѣ, разумѣніе въ возрастѣ зрѣломъ.

Въ этой всеобщей постепенности своего развитія въ индивидуумахъ, познавательныя способности обнаруживаютъ въ себѣ еще *половое различіе*; разумѣніе женщины больше воспринимаетъ и непосредственно знаетъ, а разумѣніе мужчины больше производитъ и дѣятельно усваиваетъ. Первое отличается взглядомъ, понятливостію, изворотливостію; а

послѣднее — наблюдениемъ, суждениемъ, благоразуміемъ.

Наконецъ, познавательныя способности являются необыкновенно разнообразными въ различныхъ индивидуумахъ отъ того, что въ нихъ преобладаетъ либо та, либо другая сторона сознанія. Если преимущественно развиты инстинктуальныя способности, именно сила воспріятія и память, то онѣ составляютъ *хорошее дарованіе*. Разумѣніе, одаренное особенною воспріимчивостію, называется *талантомъ*, а когда обладаетъ еще даромъ творчества, то составляетъ *Геній*. Въ комъ творческая сила фантазіи и разумѣнія соединяется съ способностію сердечнаго воодушевленія, о томъ говорятъ: онъ съ духомъ, или — съ душою.

О П Р А В Ъ И I.

ЧУВСТВОВАТЕЛЬНЫЯ
СПОСОБНОСТИ.

Г Л А В А I.

О ЧУВСТВОВАНИЯХЪ ВООБЩЕ.

§ 195.

Чувствованія составляютъ *переходъ* отъ познанія къ дѣйствованію. Въ нихъ дѣйствіе объекта перемѣняется въ воздѣйствіе субъекта. Всякое познаніе, чтобы сдѣлаться побужденіемъ къ дѣйствованію, должно превратиться въ чувствованіе, которое потомъ уже переходитъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ чувствованіе составляетъ средоточіе 'душевной жизни, такъ что все, чему надобно не вскользь пройти только по нашей душѣ, но совершиться въ насъ и чрезъ

насть, должно перейти чрезъ область чувствованій.

§ 196.

Чувствованіе есть *сознаваемое состояніе*. Содержаніемъ чувствованій, разсматриваемыхъ въ самихъ себѣ и независимо отъ познаній и желаній обыкновенно съ ними соединяющихся, служатъ внутреннія состоянія. Этимъ отличаются чувствованія и отъ познания и отъ дѣйствованія, такъ какъ первое есть предметное сознаніе, а послѣднее — предметная воля. Но не всякое состояніе есть уже чувствованіе; чтобы возвыситься до чувствованія, оно должно подпасть сознанію: гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и чувствованія. Состоянія души чувствуются и ощущаются только въ той мѣрѣ, въ какой жизнь ея пробуждена до сознанія; вся прочая область человѣческой природы, и слѣд. большая часть растительной жизни, будучи за-

ключена еще въ безсознательной необходимости, остается неощутительною, не смотря на бесконечно-разнообразныя ея состоянія.

§ 197.

Вникая глубже въ природу чувствованій, мы находимъ, что существенною ихъ основою служатъ *возбужденія* (*Trieb*) человѣческой природы. Гдѣ нѣтъ опредѣленнаго самовозбужденія, тамъ не бываетъ и опредѣленныхъ стремленій; при равнодушіи и безразличіи не возникаютъ и чувствованія ни пріятныя, ни непріятныя. Напротивъ того, вмѣстѣ съ какимъ либо возбужденіемъ пробуждаются и соотвѣтствующія ему чувствованія, съ его возвышеніемъ оживляются, съ его истощаніемъ—умираютъ. Правда, что самовозбужденіе есть корень всей душевной жизни, потому что оно-то раскрывается въ главныхъ ея элементахъ, сознаніи и волѣ, и, яв-

ляясь сознаниємъ, полагаетъ себя въ основу познанію, а въ видѣ воли поставляетъ себя въ основаніе дѣйствованію: однако чувствованіе есть *непосредственное* проявленіе самовозбужденія, раскрывающагося въ сознаніе и волю; оно возникаетъ въ цѣломъ самовозбужденіи, а не въ одной какой либо сторонѣ его. *Самовозбужденіе есть способность чувствованій.*

Подъ именемъ же *возбужденій* мы разумѣемъ всѣ необходимыя и закономъ природы опредѣленныя направленія и способы дѣйствованія души, — однимъ словомъ, ея естественно-необходимыя стремленія. Самовозбужденіе имѣетъ свой корень въ той области душевной жизни, въ которую не достигаетъ ни сознаніе, ни произволь; оно дано прежде всякаго произвола и безъ малѣйшаго содѣйствія его, вмѣстѣ съ природою души. Произволь можетъ дѣйствовать только на

поверхность самовозбужденія, может видоизмѣнять его, волновать или утишать, усиливать или ослаблять, раздражать и преодолевать, образовывать и направлять, но не может дать его или виѣдриться въ него.—Совершенно по этому ложно многіе психологи опредѣляютъ самовозбужденіе желаніемъ пріятнаго и отвращеніемъ отъ непріятнаго и слѣд. производятъ его уже изъ чувствованій. Въ такомъ случаѣ откуда бы возникало чувство, если не изъ самовозбужденія же? Самовозбужденіе лежитъ глубже, чѣмъ чувство, и первоначально стремится къ предмету не потому, что онъ его поражаетъ пріятнымъ образомъ,—это послѣ уже пробуждаетъ въ немъ желанія,—а потому, что оно должно къ чему либо стремиться.

§ 198.

Общій характеръ всѣхъ опредѣлен-
19.

ныхъ *чувствованій* состоитъ въ томъ, что они бываютъ или *пріятны* или *непріятны*, и эта противоположность ихъ повторяется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и подъ самыми различными именами.

Противоположность эта зависитъ отъ того, что какое либо *возбужденіе* или *желаніе* *подавляется* или *споспѣшествуется*. Если внутреннее состояніе, въ которомъ существенно и заключается чувствованіе, соотвѣтствуетъ стремленію возбужденія, или пробуждающагося въ немъ желанія, то происходитъ пріятное чувствованіе, которое и ощущается какъ безпрепятственное и благопоспѣшное раскрытіе возбужденія или желанія. Напротивъ того, когда состояніе противорѣчитъ стремленію возбужденія или его желанія, когда задерживаетъ и подавляетъ свободное ихъ развитіе, тогда происходитъ ощущеніе стѣсненія, воз-

мущенія, разстройства, — чувствованіе непріятное.

§ 199.

Тѣ психологи, которые дѣлають кругъ, опредѣляя чувствованіе удовлетвореніемъ возбужденія, а возбужденіе опять желаніемъ пріятнаго и отвращеніемъ отъ непріятнаго, — смѣшиваютъ возбужденіе съ желаніями, или лучше сказать, они вовсе не знаютъ о самовозбужденіи, потому что взглядъ ихъ не нисходитъ глубже сознательной области душевной жизни; вмѣсто самовозбужденія они описываютъ только желаніе или страсть.

Возбужденія, въ отличіе отъ пожеланій и страстей, суть постоянныя, сами въ себѣ безсознательныя и неоощае-мыя стремленія души, не направленные ни къ какому опредѣленному предмету; напротивъ того, желанія суть преходящія, ощутительныя и предметно опредѣленные стремленія. Возбужденія усло-

вливаются природою, желанія возбуждаются удовольствіемъ. Желанія суть переходящія, сознательныя проявленія возбужденій; но въ слѣдствіе частаго удовлетворенія они дѣлаются постоянными и превращаются въ страсти, потому что страсть есть не иное что, какъ желаніе, сдѣлавшееся постояннымъ. Страсти сходятъ съ возбужденіями въ томъ, что тѣ и другія продолжительны и что сами по себѣ, безъ вѣшняго раздраженія, вообще безсознательны и неощутительны; различаются же отъ возбужденій какъ своимъ второстепеннымъ и произвольнымъ происхожденіемъ, такъ и своею предметною опредѣленностію; онѣ суть желанія, какъ бы вкоренившіяся въ возбужденіе.

Такимъ образомъ всему предшествуетъ самовозбужденіе,—безсознательное, естественно-необходимое стремленіе души; самовозбужденіе образуется въ чувствованія пріятнаго и непріятнаго;

удовольствіе превращаетъ ихъ въ желанія, неудовольствіе — въ отвращеніе, наконецъ желаніе, чрезъ частое удовольствіе, дѣлается постояннымъ, или страстію. Короче: самовозбужденіе чрезъ чувствованіе и желаніе переходитъ въ страсть. Все это суть преобразованія самовозбужденія, которыя ближе или далѣе имѣютъ въ немъ свой корень; но самую основу возбужденія, — гдѣ оно есть не болѣе какъ естественно-необходимое стремленіе, — оставляютъ болѣе или менѣе неприкосновенною.

§ 200.

Удовлетвореніе или неудовлетвореніе какого нибудь пожеланія и страсти также сопровождается пріятными или непріятными чувствованіями, только эти чувствованія бываютъ несравненно живѣе, потому что возбужденіе въ желаніи и страсти несравненно чувствительнѣе. Чѣмъ больше какое либо возбу-

жденіе возвышается въ желаніе и возгарається въ страсть, тѣмъ чувствительнѣе оно къ удовольствію или неудовольстію; впрочемъ, если возбужденіе истощается чрезмѣрными раздраженіями, то впадаетъ въ изнеможеніе и равнодушіе.

Пріятность или непріятность душевныхъ движеній, именно степень, въ какой они бываютъ пріятными или непріятными, есть нѣчто весьма *относительное*. Въ подлежательномъ отношеніи это зависитъ частію отъ индивидуальности вообще, частію отъ случайнаго настроенія духа, а въ подлежательномъ отношеніи — отъ продолжительности состоянія и отъ его сравненія какъ съ нашими собственными, прошедшими или еще ожидаемыми состояніями, такъ и съ чужимъ. Последнее условіе есть легкое средство утѣшать себя въ несчастныхъ положеніяхъ, но часто бываетъ также поводомъ къ добровольному воз-

мущенію нашего счастія.

§ 201.

Нѣкоторые психологи отвергали существованіе *безразличныхъ* чувствованій, ссылаясь на обыкновенное ихъ опредѣленіе, по которому чувствованіе заключается въ себѣ противоположность пріятнаго и непріятнаго. Но это опредѣленіе еще не даетъ истиннаго родового понятія о чувствованіи. Что мы сознаемъ безразличныя состоянія, этого нельзя отвергать, когда ежедневно находятъ въ себѣ такія состоянія по поводу вѣжливыхъ вопросовъ о здоровьи. Да и не рѣдко безразличное состояніе чувствуется то какъ томительная пустота и скука, то какъ пріятный покой и тишина.

Нельзя также отвергать существованія *смѣшенныхъ* чувствованій, каковы—сладкое горе и горькая радость. Для предразсудочнаго понятія объ от-

влеченной простотѣ души, это кажется несообразнымъ съ дѣйствительностію, потому что противоположности должны или уничтожаться до нуля, или уступать перевѣсъ одна другой. Но какъ въ душѣ человѣческой есть различныя возбужденія и стороны, то въ одно и тоже время ее могутъ волновать ^{или} чувствованія разнородныя.

§ 202.

Слабѣйшія степени чувствованій суть движенія души; сильнѣйшія, именно когда они мгновенно подавляютъ свободное употребленіе разума, именуются страстями; среднія степени — чувствованіями и ощущеніями. Каждый родъ чувствованія получаетъ потомъ еще особенное имя, судя по его силѣ или слабости.

Главнымъ образомъ чувствованія *раздѣляются*, по различію областей душевной жизни, на чисто-духовныя и

тѣлесно-духовныя. Первыя просто называются *чувствованіями*, а послѣднія — *ощущеніями*.

Г Л А В А II.

ОЩУЩЕНІЯ.

§ 203.

Почти вообще принято, что душа только въ *нервахъ* воспринимаетъ тѣлесныя, пріятныя или непріятныя ощущенія. Процессъ ощущенія, въ этомъ случаѣ, понимаютъ такъ: состоянія и впечатлѣнія безпервныхъ органовъ передаются въ нервы, но до ощущенія доходятъ не самыя состоянія этихъ органовъ, а только сдѣланныя ими впечатлѣнія на нервы. По такому взгляду, ощущеніе заключается единственно въ состояніяхъ нервной жизни; слѣдовательно, тѣлесныя удовольствія, какъ бы ни были они разнородны, состоятъ только въ оживленіи нерв-

ной системы; всякое чувственное неудовольствіе, всякая тѣлесная боль, каковы бы рода они ни были, заключаются только въ нарушеніи и стѣсненіи нервной жизни. По этому нервная жизнь должна имѣть въ себѣ законъ и мѣрило для всѣхъ и каждой тѣлесной пріятности и непріятности. Что ощущеніе ограничивается нервною системою, это думаютъ доказать двумя слѣдующими фактами: во первыхъ, всякій органъ, чѣмъ богаче нервами, тѣмъ чувствительнѣе; во вторыхъ, всякій членъ, какъ скоро нервы его будутъ перерѣзаны, перевязаны, или разстроены болѣзнію, тотчасъ теряетъ чувствительность, хотя бы прочіе органы его могли еще нѣкоторое время продолжать свою жизнь.

§ 204.

Никто не станеть отвергать, что главное мѣстопребываніе ощущенія, какъ и вообще сознательной души, находится

въ нервной системѣ, — что болѣе опредѣленные ощущенія имѣютъ мѣсто только въ нервахъ, — и что, наконецъ, въ нихъ только ощущеніе можетъ подпадать сознанію, такъ какъ душа только въ нервной системѣ пришла въ самосознаніе. Но съ другой стороны, весьма сомнительно, чтобы одни только нервы были чувствительны, а всѣ прочіе органы были рѣшительно безчувственны, чтобы чувствительность рѣзко пресѣкалась съ нервами и нимало не входила въ прочіе органы, по крайней мѣрѣ, болѣе мягкіе, какъ мышцы, сосуды, желѣзы, жижицы. По крайней мѣрѣ, нервы ни въ одномъ ощущающемъ органѣ не распространяются непрерывно; развѣтвленіе нервовъ повсюду оставляетъ промежутки, которые однакожъ способны къ ощущенію, какъ напр. въ кожѣ каждый пунктъ имѣетъ ощущеніе. Принимать для изъясненія этого факта ка-

кую-либо чувствительную нервную атмосферу, въ сущности значить уже соглашаться, что душа выступаетъ за нервную систему, и слѣд. имѣть способность ощущенія, даже какъ жизненная сила. Притомъ, въ низшихъ животныхъ, напр. въ полипахъ, происходитъ ощущеніе вовсе безъ нервовъ, просто въ массѣ мяса и слизи. Необходимость непрерывнаго продолженія нервовъ доказываетъ только то, что нервная система есть главное мѣстопробываніе сознательной и ощущающей души, и что слабая чувствительность жизненной силы упадаетъ и исчезаетъ, какъ скоро не возбуждается и не поддерживается связию съ сознательною областію души.

§ 205.

Не принявъ разширенія души за предѣлы нервной системы, мы не изъяснимъ разнообразія и многообразія ощущеній, и именно различія между непо-

средственными и посредственными впечатлѣніями нервовъ, когда только въ первыхъ душа чувствуетъ себя поражаемою внутренно, а въ послѣднихъ — болѣе только внѣшно. II положивши ощущенія только въ оживленіи или стѣсненіи нервной жизни, мы опять необъяснимъ ихъ разнообразія, потому что нервный организмъ почти однообразенъ. Ближайшее разсмотрѣніе разныхъ родовъ ощущенія показываетъ, что оно происходитъ не въ душѣ и ея возбужденіяхъ, а есть законъ *жизненной силы* и ея различныхъ органовъ, которые сами въ себѣ имѣютъ мѣрило ощущенія, и пріятнымъ ощущеніемъ оживляются, а непріятнымъ стѣсняются и возмущаются.

§ 206.

Непосредственныя и чистыя нервныя ощущенія отличаются отъ посредственныхъ тѣмъ, что въ первыхъ душа

чувствуетъ себя внутренно поражаемою и возмущаемою, а въ послѣднихъ—она съ нѣкоторымъ внутреннимъ покоемъ страдаетъ тѣмъ безнервнымъ органамъ, въ которыхъ происходятъ эти ощущенія, и остается какъ бы неприкосновенною ихъ зрительницею.

Къ непосредственнымъ и чистымъ нервнымъ ощущеніямъ принадлежать, по этому, извѣстнаго рода мѣстныя боли, которыхъ пребываніе и непосредственнымъ самоощущеніемъ полагается внутри нервовъ, напр. *боль головы и зубовъ*. Внутри нервной системы происходятъ также *головокруженіе, бодрственность и сонливость*.

Весьма непосредственно касаются нервовъ и *ощущенія чувствъ*, хотя эти ощущенія уже не суть чистыя состоянія нервовъ, а суть вмѣстѣ и состоянія внѣшняго чувственного органа, проводящаго впечатлѣнія къ нервамъ. Впро-

чемъ, мы должны искать ощущеній только въ низшихъ чувствахъ, потому что въ двухъ высшихъ, — зрѣніи и слухѣ, — ощущеніе замѣняется эстетическимъ чувствомъ, или воспринимается въ него и разрѣшается. Къ этимъ низшимъ ощущеніямъ относятся всѣ, внѣшними, механическими впечатлѣніями производимыя, благопріятныя и болѣзненныя ощущенія *кожи*; слѣд. различныя ощущенія *давленія, боль отъ удара, или раны, щекотаніе* и т. п. Сюдаже относятся противоположныя, пріятныя и непріятныя *ощущенія обонянія*, вообще называемыя *пріятнымъ запахомъ и вонію*, и противоположныя *ощущенія вкуса*, означаемыя *пріятнымъ и противнымъ вкусомъ*.

§ 207.

Всѣ *посредственныя* ощущенія, какъ бы ни были сильны ихъ второстепенныя впечатлѣнія на нервы, имѣютъ свое

первоначальное пребываніе въ области *жизненной силы* и ея органовъ. Не нервною жизнію, а жизнію растительныхъ органовъ опредѣляется законъ ихъ пріятности или непріятности. Въ нихъ споспѣшествуется или задерживается не иное что, какъ *жизненная сила* съ ея возбужденіями и отправленіями; тѣлесное ощущеніе нисходитъ глубоко, до основы души, въ самую область *жизненной силы*, и какъ ея растительныя ощущенія всѣми и необходимо относимы бываютъ къ душѣ, то и въ нихъ можемъ находить послѣднее доказательство тождественности души и *жизненной силы*.

§ 208.

Въ крови, — еще безразличномъ животномъ веществѣ, которое по этому самому еще и не представляетъ какой нибудь особенной стороны *жизненной силы*, — мы ощущаемъ самое проникающее и непосредственное, но вмѣстѣ и самое

безразличное чувство тѣлесной жизни, *чувство теплоты и холода*, которые не по своему особенному качеству, а по своей степени бываютъ пріятны или непріятны. Пріятное ощущеніе теплоты,—теповатость и теплота, и пріятное ощущеніе холода,—свѣжесть и прохлада, суть среднія температуры и на этой только степени пріятны; напротивъ, непріятныя ощущенія теплоты,—жаръ, зной, жгучесть, и непріятныя ощущенія холода,—холодъ и стужа, суть степени температуры, переходящія среднюю мѣру въ двѣ противоположныя крайности. Что мѣстопробываніемъ жизненной теплоты есть кровь—это извѣстно, а что эта теплота ощущается въ крови непосредственно, въ нервахъ же, какъ и въ прочихъ органахъ, только посредственно, за это ручается во первыхъ безразличный характеръ ощущенія теплоты, сходный съ безразличіемъ крови;

20.

во вторыхъ, и притомъ главнымъ образомъ, непосредственное самосознаніе, которое, какъ охлаждающія дѣйствія страстей поразительныхъ, такъ и пламенные волны страстей возбуждающихъ, ощущаетъ въ сердцѣ; но какъ оно само по себѣ безчувственно, то ощущенія теплоты и холода, конечно, должно положить въ массѣ крови, которая въ немъ скопляется.

§ 209.

Прочія, опредѣленнѣйшія ощущенія, которыя бываютъ пріятны или непріятны не столько по своимъ степенямъ, сколько по своему особенному качеству, происходятъ въ основныхъ возбужденіяхъ *жизненной силы* и суть не иное что, какъ сознаніе стѣсненія или споспѣшествованія ея стремленій.

Основные возбужденія *жизненной силы* суть *организация* и *жизнь*, или, какъ называются они на высшей сте-

пени своего развитія, на переходѣ отъ тѣла къ душѣ: *чувствительность* и *раздражительность*. Оба они, подобно какъ и соотвѣтствующія имъ начала душевной жизни: сознаніе и воля, встрѣчаются не раздѣльно, а одно въ другомъ, только съ относительнымъ перевѣсомъ того или другаго.

Оба главныя возбужденія жизненной силы дѣйствуютъ и ощущаются *совмѣстно въ половомъ возбужденіи*; эта совмѣстность опредѣляется ихъ равновѣсіемъ, господствующимъ въ индивидумѣ, которое, впрочемъ, никогда не бываетъ совершеннымъ, потому что у мужчины представляется перевѣсъ раздражительности, а у женщины — чувствительности.

Ощущаемость жизненной силы въ половомъ отпращиваніи основывается не столько на второстепенныхъ впечатлѣніяхъ на нервы, сколько на отдѣленіи

и изліяніи избытка жизненной силы; при чемъ она ощущается также, какъ и при всякомъ другомъ отрѣшеніи отъ тѣла.

§ 210.

Нацглубже входятъ въ оба главные возбужденія жизненной силы чувство здоровья и болѣзни, такъ какъ въ болѣзни даже кости могутъ дѣлаться чувствительными. Всеобщее чувство здоровья и болѣзни, какъ состояніе организаци и чувствительности, называется *добрымъ и худымъ здоровьемъ*, а какъ состояніе жизни и раздражительности — *крѣпостію и слабостію*. Частнѣе видоизмѣняются состоянія организаци въ *свѣжестъ и вялость*, а состоянія раздражительности — въ *легкость и тяжесть*.

Организація, въ возбужденіи къ питанію, получаетъ нормальную чувствительность, которая открывается *аппетитомъ, голодомъ, жаждою, равно*

какъ ощущеніями *насыщенія, освѣженія, пресыщенія и тошноты*. Голодь и жажда суть не одни только ощущенія, но вмѣстѣ и желанія; голодь ощущается какъ тревожная пустота желудка, жажда — какъ жгучая сухость глотки и рта. — Равнымъ образомъ раздражительность, въ раздраженіи мышцъ, пробуждается къ нормальному ощущенію *бодрости и утомленія*.

Мѣстную чувствительность получаютъ органы жизненной силы только въ *болѣзненныхъ состояніяхъ*. Число *мѣстныхъ болѣзненныхъ* ощущеній по роду и степени безконечно.

Г Л А В А III.

Ч У В С Т В О В А Н І Я.

§ 211.

Чувствованія суть сознаваемые состоянія, происходящія въ духѣ, или по

крайней мѣрѣ, въ немъ имѣющія свое первоначальное и главное мѣстопробываніе. Эти чисто-внутреннія состоянія духа столькоже разнообразны, какъ его возбужденія съ различными ихъ видоизмѣненіями.

По возбужденіямъ, чувствованія раздѣляются сперва на двѣ, одна другой высшія области, — чувствованія святыя и естественныя, а потомъ на двѣ стороны, чувствованія теоретическія и практическія.

Святыя возбужденія, въ отличіе отъ естественныхъ, заключаютъ въ себѣ безусловную власть надъ человѣкомъ и обязательность: черта, которая проходитъ чрезъ всѣ требованія и проявленія этихъ возбужденій, такъ что они не только побуждаютъ, но и обязываютъ человѣка къ ихъ удовлетворенію и за нарушеніе ихъ караютъ его — чувствомъ не только непріятности, но и виновности. По это-

му святыя возбужденія должно почитать въ насъ дѣйствіями высшаго, надъ духомъ нашимъ господствующаго Начала, и слѣд. явленіями сверхъестественнаго происхожденія, между тѣмъ какъ чисто-человѣческія возбужденія суть естественныя стремленія самаго же человѣческаго духа.

§ 212.

Та и другая область чувствованій имѣетъ теоретическую и практическую сторону: первая раскрывается болѣе въ сознаніи, а послѣдняя — болѣе въ волѣ. Именно: способность чувствованій не есть какая либо особенная, отъ познавательной и желательной стороны отличная сила души; съ первою стороною она имѣетъ одно и тоже сознаніе, а со второю — одну и ту же волю, съ тѣмъ только различіемъ, что два эти начала души въ способности чувствованій еще тѣснѣе между собою соединены и еще

въ большемъ находятся равновѣсін; и слѣд. сознаніе здѣсь еще полнѣе волею, а воля еще сознательнѣе или ошутительнѣе. Другими словами: два главныхъ возбужденія, положенныя въ основѣ всѣмъ чувствованіямъ, суть не иное что, какъ два основныя начала души, но еще не раздѣлившіяся одно отъ другаго въ такой степени, какъ раздѣляются они для познаванія и дѣйствованія.

Практическія чувствованія предшествуютъ дѣйствованію, какъ побужденія; между тѣмъ теоретическія слѣдуютъ за познаніемъ какъ воздѣйствія. Первые могущественнѣе и самовластнѣе, чѣмъ послѣднія, потому что въ первыхъ преобладаетъ воля, начало дѣйствованія. Теоретическое самовозбужденіе направлено къ истинѣ или представленію того, что *есть*, а практическое — къ цѣлямъ или достиженію того, что *должно быть*. Практическое самовозбужденіе желаетъ

имѣть что либо и достигать чего либо, а теоретическое — довольствуется однимъ созерцаніемъ. Практическія чувствованія, по этому, корыстны, а теоретическія безкорыстны.

1. ЕСТЕСТВЕННЫЯ ЧУВСТВОВАНІЯ.

§ 213.

1. *Главное теоретическое самовозбужденіе*, или сознаніе полное волею, стремится къ истинѣ и только ею пріятно удовлетворяется. Но истина въ обширномъ смыслѣ, какъ согласіе внутренняго и внѣшняго, имѣетъ двѣ стороны и раздѣляется на истину представленія внѣшняго во внутреннемъ, реальнаго въ идеальномъ, чувственно-наблюдаемаго въ духовномъ, конкретнаго въ отвлеченномъ, — и на истину представленія внутренняго во внѣшнемъ, идеальнаго въ реальномъ, духовнаго въ чувственномъ, отвлеченнаго въ конкретномъ. Первая сторона

есть истина въ тѣсномъ смыслѣ слова, признаваемая повсюду, гдѣ представленіе соотвѣтствуетъ предмету, мысль—дѣйствительности. Другая сторона истины,—согласное и удачное выраженіе внутренняго во внѣшнемъ,—есть *изящество*, потому что изящнымъ мы называемъ всякое удачное, пластическое выраженіе внутренняго, т. е. мысли, чувствованія и проч., во внѣшне-наблюдаемомъ, въ словахъ ли, звукахъ, или образахъ.

§ 214.

а) Какъ стремленіе къ истинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, сознаніе называется по преимуществу *теоретическимъ*, или *самовозбужденіемъ къ познанію*. Въ немъ образуется собственно теоретическое чувствованіе, *убѣжденіе* съ его противоположностями: *увѣренностію* и *сомнѣніемъ*, *чувствомъ необходимости* и *удивленіемъ*, и съ

зыбкими ихъ переходами, — *мнѣніемъ* и *впрямую*.

Увѣренность и *чувство необходимости* суть чувствованія того, что наши познанія согласны съ дѣйствительностію; только увѣренность есть чувствованіе утверждающееся просто на сознаніи дѣйствительности и потому ей подчиненное, а представленіе необходимости опирается на силѣ понятія и чувствуетъ себя какъ побѣду его надъ дѣйствительностію. Оттого первое чувствованіе выражаютъ: «это такъ, а не иначе», а послѣднее — «это должно или должно бы быть такъ, а не иначе». — Противоположность необходимости есть *удивленіе* и *изумленіе*, которыя возбуждаются тогда, когда предметъ превосходитъ наше понятіе, или какъ обыкновенно говорятъ, наше разумѣніе; напротивъ, чувство необходимости есть пріятное чувствованіе побѣды разумѣнія

надъ предметомъ. — Противоположность увѣренности есть *сомнѣніе* и *неувѣренность*, которыя происходятъ тогда, когда мы колеблемся между различными возможностями и правдоподобіями. — Между увѣренностію и сомнѣніемъ находится *вѣра* и *мнѣніе*, какъ признаніе правдоподобнаго. Вѣра и мнѣніе суть признаніе чего либо за истину по недостаточнымъ, именно темнымъ или неполнымъ основаніямъ, съ тѣмъ только различіемъ, что вѣра опирается на всеобщихъ и подлежательныхъ основаніяхъ, а мнѣніе — на индивидуальныхъ и подлежательныхъ.

§ 215.

б) Какъ стремленіе къ *изяществу*, или удачному изображенію внутренняго во внѣшнемъ, теоретическое самовозбужденіе получаетъ особенное имя *эстетическаго*. Въ немъ происходитъ *эстетическое чувство* или *вкусъ*, который

выражается тою противоположностію, что изящное *нравится*, а безпорядочное и безобразное *не нравится*.

Изящное, какъ предметъ эстетическаго чувства, раздѣляется на изящное *чувственное*, *духовное* и *смѣшенное*, т. е. чувственно-духовное.

Изящное *чувственное*, какъ напр. соразмѣрная сила тоновъ и гармонія, соразмѣрный блескъ и пріятное смѣшеніе цвѣтовъ, ощущается тѣлеснымъ способомъ, или *жизненною силою*, которая своею предопытною мѣрою пространственности и временности, прирожденною органамъ, воспринимаетъ изящное безсознательнымъ и необходимымъ способомъ. Впрочемъ и этого рода изящное принадлежитъ только высшимъ чувствамъ, *зрѣнію* и *слуху*, потому что въ нихъ только сознаніе отрѣшается отъ тѣлесной связанности и восприятіе въ нихъ изящнаго такъ одухотворяется, что мы ощу-

щаемъ его уже не столько въ органѣ, какъ его состояніе, сколько внутренно въ душѣ, и потому воспріятіе это относимъ не къ чувственнымъ ощущеніямъ, но къ духовнымъ чувствованіямъ; оттого, даже по нравственному суду, услажденіе чувственно-изящнымъ гораздо выше и благороднѣе наслажденій просто чувственныхъ.

Смѣшенное изящное, напр. мелодія, симметрія и пр., воспринимается частію самою *душею*, которая свободно измѣряетъ его врожденною себѣ мѣрою временности и пространственности, измѣряетъ напр. въ мелодіи тактъ, въ симметріи соотношеніе частей между собою и къ цѣлому,—частію *жизненною силою*, которая напр. въ мелодіи безсознательно воспринимаетъ гармонію, въ симметріи—чувственно-ощуцаемое смѣшеніе живыхъ формъ.

Духовно-изящное воспринимается ду-

хомъ и основывается не на изображеніи и откровеніи внутренней законоопредѣляемости, а на изображеніи мысли и чувствованія, или правильнѣе: *на особенномъ способѣ ихъ изображенія*. Къ духовно-изящному принадлежатъ высшіе элементы такъ называемыхъ *изящныхъ искусствъ*, которыя впрочемъ болѣе или менѣе пользуются также чувственнымъ и смѣшаннымъ изящнымъ, какъ средствами. Наболѣе покоряютъ себѣ низшія средства *музыка* и *живопись*; меньше овладѣваетъ этими средствами, и потому ограниченнѣе и бѣднѣе въ своихъ произведеніяхъ *пластика*. Къ самому богатому духовному выраженію способна изящная рѣчь, именно *Поэзія*.

§ 216.

Чувственно-изящное есть внѣшнее отраженіе *органическаго настроенія глаза и уха*, и является тѣмъ изящнѣе,

чѣмъ совершеннѣе соотвѣтствуетъ ихъ организаціи; услажденіе этимъ изящнымъ зависитъ отъ удовлетворенія *жизненной силы* тѣмъ, что внѣшнее выражаетъ собою расположеніе и настроеніе ея органовъ, — глаза и уха. — *Смѣшенное изящное* есть внѣшнее отраженіе внутренней, прирожденной душѣ, частію временной, частію пространственной *мльры*. Какъ выраженіе и представленіе иѣры, мы можемъ смѣшенно-изящное назвать также *технически-изящнымъ*. Услажденіе имъ происходитъ оттого, что *душа* удовлетворяется отраженіемъ во внѣшности ея существенныхъ и необходимыхъ формъ созерцанія: пространственности и временности. — *Духовно-изящное* есть внѣшнее отраженіе *мыслей* и *чувствованій*, особенно идеальныхъ; а услажденіе имъ происходитъ отъ удовлетворенія *духа* осуществленіемъ во внѣшности его содержанія. —

Слѣдовательно *изящное вообще*, какъ изображеніе внутренняго во внѣшнемъ, есть удачное выраженіе во внѣшности *формы* и *содержанія* нашего духа. Удачное и гармоническое выраженіе внутренней *формы*, т. е. временности и пространственности, прирожденной жизненной силѣ въ ея органахъ, есть *изящное чувственное*, а прирожденной душѣ — *изящное смѣшенное*; удачное же выраженіе *содержанія* духа, т. е. мыслей и чувствованій, преимущественно почерпаемыхъ изъ идеи прекраснаго, есть *изящное духовное*.

Чувственное и техническое изящное, какъ выраженіе постоянной, въ каждомъ человѣческомъ индивидуумѣ равно повторяющейся органической и духовной закономерности, есть *неизмѣнная форма*, которая доступна полному систематическому изложенію, даже *математическимъ вычисленіямъ*, и допускаетъ

21.

механическое приложеніе. Напротивъ того, *духовно-изящное* всегда *свободно, оригинально и неподчинено никакому правилу*: всякая опредѣленная формальность есть смерть для высшаго искусства и его изящества и ниспадаетъ до бездушной *изысканности*.

§ 217.

2. Сознаніе поставляетъ мѣрою своего удовлетворенія истину, а воля— *сообразность съ цѣлію*; истина есть удачное представленіе дѣйствительнаго въ отраженіи, а сообразность съ цѣлію— удачное, при извѣстныхъ средствахъ, достиженіе предположеннаго; истина занимается тѣмъ, что есть, и представляетъ только его отображеніе; а сообразность съ цѣлію направлена къ тому, что должно быть и стремится достигнуть того извѣстными средствами; между двумя членами истины находится соотношеніе равенства или тождества, а между двумя

членами цѣлесообразности, — средствомъ и цѣлю, — отношеніе причинности.

Но два главные члена, къ соединенію которыхъ стремится воля, суть тѣ же, къ которымъ обращена и истина, именно внутреннее и внѣшнее; по этому и дѣятельность воли, обращенная къ ихъ соединенію, имѣетъ также двѣ главныя стороны или два полюса: съ одной стороны внутреннее, или *я*, а съ другой — внѣшнее или другое. На одной сторонѣ *я* любить и ищетъ прежде всего *себя*, а все прочее поставляетъ только средствомъ для себя; на другой сторонѣ — оно не рѣдко также прежде всего любить и ищетъ *другаго*, предаетъ ему себя въ средство, жертвуетъ ему собою, какъ своей цѣли. Первое стремленіе воли есть *эгоистическое* возбужденіе, а послѣднее — *сердечное*.

§ 218.

а) *Эгоистическое* чувствованіе, въ

которомъ цѣлю полагается само я, и котораго основной тонъ есть радость и печаль, всего лучше назвать *самоощущеніемъ*, чтобы выразить *чистый* родовой его характеръ и тѣмъ устранить привходящее къ слову: *эгоистическій*, нравственное представленіе своекорыстія. А возбужденіе, лежащее въ основѣ самоощущенія, приличнѣе всего наименовать *возбужденіемъ къ самосохраненію*.

Побужденіемъ или конечною цѣлю, къ которой возбужденіе самосохраненія относитъ все прочее какъ средство, служить я и утвержденіе его среди другихъ. Это возбужденіе нашего я къ сохраненію себя самаго простирается на всю область его міроваго бытія, на его тѣлесную и духовную личность по всѣмъ ея сторонамъ и отношеніямъ, на его собственность, его физическій и нравственный кругъ дѣйствованія; и при-

томъ, оно хочетъ не только удерживаться въ своей области, но болѣе и болѣе распространять ее. Это возбужденіе существенно принадлежитъ нашему я, какъ живой, субстанціальной силѣ, точно также, какъ и тѣлу принадлежать соответственныя свойства: твердость, упругость и отторженіе. Оно есть самое существовавшее, могущественное и живое духовное самовозбужденіе.

§ 219.

Когда возбужденіе къ самосохраненію споспѣшествуется, то оно чувствуетъ какъ разширеніе, какъ приливъ силы, возвышеніе, развеселеніе, и обнаруживается въ тѣлѣ быстрѣйшимъ кровообращеніемъ, возбужденіемъ мышцъ, оживленіемъ членовъ, проясненіемъ лица, свѣтлымъ взглядомъ, улыбкою и смѣхомъ. Напротивъ того, его ограниченіе чувствуется какъ стѣсненіе, уныніе и опечаленіе; кровообращеніе становится

медленіѣ, мышцы и члены упадаютъ, голова и руки опускаются, лице и взоръ помрачаются, нѣжные особы плачутъ. Степени пріятнаго самоощущенія суть: *успокоеніе, свѣтлость и веселость, радость и восхищеніе*; непріятнаго: *неспокойство, смущеніе, печаль, горестъ*, которыя могутъ кончиться *отчаяніемъ*.

Если самоощущеніе подвергается несправедливому стѣсненію, то принимая его страдательно, становится *оскорбленіемъ* и *огорченіемъ*; а по мѣрѣ того, какъ оно воздѣйствуетъ на него, переходитъ въ *досаду, гнѣвъ, ярость, злость*. Гнѣвъ и ярость, ищутъ себѣ удовлетворенія въ *мести*. Первые, страдательныя состоянія обнаруживаются въ тѣлѣ однимъ печальнымъ видомъ, а послѣднія, дѣятельныя, — сильнымъ волненіемъ крови, неистовымъ движеніемъ членовъ, угрозами, пронзительнымъ взглядомъ, громовою рѣчью.

Будущія, радостныя или печальныя приключенія пробуждают *надежду* и *страхъ*: чѣмъ болѣе приближается ожидаемый случай, тѣмъ болѣе страхъ переходитъ въ *тревогу*, а надежда въ *ожиданіе*. Твердая надежда производитъ *увѣренность*. Мгновенно постигающая тревога восходитъ до *ужаса*, который впрочемъ можетъ быть и чисто-чувственнымъ ощущеніемъ, когда происходитъ отъ неожиданнаго, сильнаго впечатлѣнія на чувства; тревога и ужасъ изображаются и въ тѣлѣ. Тревога обнаруживается мгновеннымъ отливомъ крови, которая какъ бы хочетъ сокрыться въ самую себя; отсюда блѣдность, сильныя волненія въ груди, трепетаніе сердца. Сильнѣйшая тревога ослабляетъ члены и поражаетъ ихъ онѣмѣніемъ. Ужасъ начинаетъ обнаруживаться тѣлесными признаками тревоги, и потомъ или истощается въ нихъ до ослабленія и онѣ-

мѣнія, или же обращается въ столько-же сильное противодѣйствіе, при чемъ мышцы и члены вдругъ пріобрѣтаютъ необыкновенную силу и быстроту, такъ что иной въ ужасѣ убѣгаетъ отъ опасности съ такою поспѣшностію, къ какой въ другое время неспособенъ, или уносить такія тяжести, которыя безъ этого едва могъ бы сдвинуть съ мѣста.

§ 220.

б) *Сердечное чувство* основывается на прирожденномъ нашему духу возбужденіи и потребности—примыкать къ внѣшнему міру и какъ бы восполнять себя другими; однимъ словомъ, —на потребности любить. Сердечная любовь есть тяготѣніе, взаимное влеченіе душъ, и столько же необходимо положена въ ихъ существѣ, какъ тяжесть въ матеріи. Сердечность (*Gezinntheit*), въ своей чистотѣ, имѣетъ въ виду не себя, а другихъ какъ конечную цѣль, и чувствуетъ

свое счастье въ томъ, чтобы предавать имъ себя въ средство и жертвовать собою. Въ сердечности чувствуется единство и связь индивидуума съ семействомъ, поколѣніемъ, народомъ, человѣчествомъ, и со всею прочею природою.

§ 221.

Сердечность чувствуется какъ *томительное желаніе* и *грусть*, какъ *склонность* и *отвращеніе*, какъ *любовь* и *ненависть*. Это суть смѣшенные видоизмѣненія сердечности, принадлежащія частію чувствованіямъ, частію волѣ. Впрочемъ, содержаніе въ нихъ чувствованія и воли можемъ весьма вѣрно различить, если будемъ наблюдать смѣняющіеся одинъ другимъ моменты разширенія и привлеченія, сжатія и отторженія. Сначала склонность и любовь чувствуются какъ разширеніе; сердце разширяется къ любимому предмету; напротивъ, отвращеніе и ненависть чувствуют-

ся какъ сжатіе; близость ненавистнаго предмета тяготитъ, стѣсняетъ и связываетъ сердце: это моменты чувствованій. Потомъ сжатіе измѣняется въ отраженіе, въ оттолкновеніе ненавистнаго предмета, а разширеніе въ привлеченіе, въ соединеніе съ предметомъ любимымъ: это моменты воли.

Такъ какъ склонность и отвращеніе, любовь и ненависть суть дѣйствія воли и вмѣстѣ стремленія, то они опять сопровождаются чувствованіями удовлетворенія и неудовлетворенія. Ихъ удовлетвореніе называется *удовольствіемъ, восторгомъ и упоеніемъ*, а неудовлетвореніе *досадою и тоскою*. Эти чувствованія, подобно другимъ чувствованіямъ пріятнымъ и непріятнымъ, обратно дѣйствуютъ на любовь и ненависть: любовь возрастаетъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ, которое она доставляетъ, равно и ненависть — вмѣстѣ съ досадою; досада

обманутой любви перемѣняетъ ее въ ненависть. Такое воздѣйствіе чувствованій, происходящихъ въ любви и ненависти, на свое начало, равно какъ неоспоримая зависимость этихъ склонностей отъ другихъ чувствованій побудили многихъ психологовъ изъяснять любовь изъ эгоистическаго вожделѣнія; но эти психологи упустили изъ виду одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ чловѣческой природы, — стремленіе восполнять себя другими, которое любить потому, что должно любить, а не потому, что побуждается вожделѣніемъ, такъ какъ оно только тогда и въ такой мѣрѣ и узнаетъ свойственное любви наслажденіе, — удовольствіе и упоеніе, — когда и въ какой мѣрѣ оно уже любить.

§ 222.

Между двумя главными родами практическихъ чувствованій, *самоощущеніемъ* и *сердечностію*, составляютъ пе-

реходъ, или лучше сказать, сочетаніе
обоихъ, еще два могущественныя чув-
ствованія, *чувство чести* и *симпатія*.
По своей конечной цѣли, чувство чести
есть чувство эгоистическое, а симпа-
тія—сердечное: однако первое заключаетъ
въ себѣ такъ же сердечный элементъ,
а послѣдняя—эгоистическій, и потому
первое выше простаго самочувствія, а
послѣдняя—ниже сердечности.

Чувство чести хочетъ дать себѣ
вѣсь; это его эгоистическая цѣль; но
оно хочетъ достигнуть этой цѣли не само
въ себѣ и для себя, а въ сужденіи и
мнѣніи другихъ, не ради себя, а ради
другихъ: это сердечный или общежи-
тельный элементъ чувства чести. Прі-
ятное состояніе этого чувства намъ из-
вѣстно только съ подлежательной сто-
роны какъ честь, а непріятное—со сто-
роны подлежательной и подлежатель-
ной; въ первомъ отношеніи оно назы-

вается *безчестіемъ*; а въ послѣднемъ — *стыдомъ*.

Какъ чувство чести ощущаетъ себя въ другихъ, такъ *симпатія* или *со-чувствіе* чувствуетъ другихъ и ихъ состоянія въ себѣ, и бываетъ *состраданіемъ*, или *сорадованіемъ*, хотя послѣднее чувствованіе, кажется, столь рѣдко, что и самое наименованіе его не въ большемъ ходу въ общежитіи. Доброжелательныя души чувствуютъ это участіе въ радости и страданіи даже относительно безразличныхъ для нихъ лицъ; напротивъ, въ людяхъ эгоистическихъ, даже при счастіи и несчастіи ихъ друзей, сорадованіе легко превращается въ *зависть*, а состраданіе въ *злорадость*.

2. СВЯТЫЯ ЧУВСТВОВАНІЯ.

§ 223.

Выше естественной области душевной жизни съ ея возбужденіями и чувство-

ваніями, обращенными къ міру, раскрывается еще *возбужденіе Сверхчувственного*, обнимающее и проникающее всю душевную жизнь. Это есть дѣйствіе самаго Божества въ человѣческомъ духѣ, отраженіе въ нашемъ я Его существеннаго Вездѣприсутствія.

Но дѣйствія Божества въ человѣческой душѣ, по двумъ ея сторонамъ или началамъ, — сознанію и воли, — выражаются различно, такъ что и ощущеніе сверхчувственнаго раздѣляется на два чувствованія: *религіозное и нравственное*. Религіозное чувствованіе есть дѣйствіе Божества въ нашемъ сознаніи; здѣсь даетъ Оно себя чувствовать, какъ Оно въ человѣкѣ *есть* и дѣйствительно обитаетъ въ немъ; а чувствованіе нравственное есть дѣйствіе Божества въ волѣ, въ которой Оно даетъ себя чувствовать какъ Оно въ человѣкѣ *должно быть*, и какъ обитать въ немъ желаетъ.

Религіозное чувствованіе называется *благоговѣніемъ*, нравственное — *совѣстію*.

§ 224.

а) *Благоговѣніе* есть признаніе непосредственнаго присутствія въ нашемъ духѣ Безконечнаго. Чувствованіе благоговѣнія, рассматриваемое независимо отъ представленій нашего нравственнаго достоинства или недостойнства предъ Богомъ, есть чувство совершенно пріятное и животворное, потому что въ немъ конечное ощущаетъ себя незыблемо утвержденнымъ на лонѣ Безконечнаго, чувствуетъ какъ животворное вѣяніе творческой силы исходитъ къ нему изъ той первобытной глубины, изъ которой въ каждое мгновеніе изливается наше бытіе.

Въ благоговѣніи обнаруживаются только слабые слѣды противоположности: *возвышеніе* духа и *смиреніе*, *упованіе* и *самоотверженіе*. Въ общеніи съ Без-

конечнымъ мы чувствуемъ себя то безконечно великими, то безконечно малыми, то непоколебимою надеждою опираемся на Его безконечную любовь, то всецѣло предаемся Его непреложной Волѣ.

Религіозное чувство, при всей его простотѣ, можетъ различно видоизмѣняться: или примыкая къ сознанію, превращается въ мысль и размышленіе и становится *молитвою*, или примыкая къ волѣ, открывается болѣе практически и переходитъ въ *поступки* и *обряды*; иногда же принимаетъ самыя случайныя и произвольныя формы *ханжества* и *теургій*.

При посредствѣ фантазіи религіозное чувство перемѣняется въ *трепетъ*, когда осязательная близость Божественнаго олицетворяется въ воображеніи и воспринимается имъ какъ нѣчто извнѣ представляющееся. Это олицетвореніе и какъ бы созерцаніе внѣ себя сверхчув-

ственного, какъ произведеніе фантазіи, можетъ теряться въ суевѣрныхъ, фантастическихъ и призрачныхъ образахъ; и отсюда, отъ неопредѣленнаго трепета предъ сверхчувственнымъ, происходитъ *боязнь привидній* и всякаго рода *суевѣрный ужасъ*, — какъ мечтательное извращеніе и обезображеніе религіозно-священнаго трепета.

§ 225.

б) *Совѣсть*, или нравственное сужденіе, основывается не на логическомъ подчиненіи поступковъ какому либо правилу дѣятельности, а на чувствованіи, какъ это открывается изъ слѣдующаго:

а) Нѣтъ общепринятаго нравственнаго правила дѣятельности, несмотря на то, что всѣ люди, не отрекающіеся отъ внутреннихъ своихъ убѣжденій, согласны въ дѣйствительномъ различіи между добромъ и зломъ.

б) Логическое сужденіе совершается

посредствомъ выводовъ; подвержено произвольному сличенію и мышленію; зависитъ отъ разсудка и его способности, и нерѣдко подпадаетъ заблужденію. Между тѣмъ какъ нравственное сужденіе совѣсти такъ непосредственно, что всякъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего поступка, уже имѣетъ и судъ объ немъ; оно происходитъ само собою, даже противъ нашей воли; не зависитъ отъ умственныхъ дарованій индивидуума, но въ самыхъ слабыхъ головахъ не рѣдко выражается даже съ большею чистотою, нежели въ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людяхъ; и притомъ никогда не погрѣшаетъ, если только слушаютъ его безъ предубѣжденія.

в) Наконецъ, нравственное сужденіе непосредственно содержитъ въ себѣ такія побужденія, какія не могутъ заключаться въ чисто-логическихъ сужденіяхъ: оно изобличаетъ виновнаго до самаго мучительнаго раскаянія, и счастли-

вить добродѣтельнаго до непреодолимаго воодушевленія. Такого могущества не можетъ имѣть мертвое правило; его имѣеть только живая сила и ея удовлетвореніе или неудовлетвореніе въ чувствованіяхъ. Всѣ нравственныя правила и положенія суть второстепенныя мысли, извлеченныя самоуглубленіемъ изъ нравственнаго чувствованія, какъ идеальнаго чувства добра.

§ 226.

Въ совѣсти обнаруживаются болѣе рѣзкія противоположности, чѣмъ въ благословѣніи. Самый тихій ея отзывъ есть *одобреніе* и *неодобреніе*, судя потому, соотвѣтствуетъ ли, или не соотвѣтствуетъ какой либо поступокъ нашей нравственной дѣйствительности, т. е. той степени нашего живаго нравственнаго образованія, на которой мы въ извѣстное время находимся. Совѣсть восходитъ до *уваженія*, или *презрѣнія*, когда встрѣ-

часть поступокъ, возвышающійся надъ нравственною дѣйствительностію, или упадающій ниже ея. Совѣсть переходитъ въ *благословеніе* или *омерзѣніе*, когда святое въ человѣкѣ непосредственно дѣйствуетъ, или оскорбляется. — Когда она утверждается въ чувствованіи и дѣлается постояннымъ его состояніемъ, тогда при сужденіи о самихъ себѣ мы ощущаемъ *довольство собою* и *внутренній миръ*, или *раскаяніе* и *угрызѣніе совѣсти*, а сужденіе о другихъ внушаетъ къ нимъ *довѣріе*, или *недовѣрчивость*.

Отрасль совѣсти составляетъ *чувствованіе правоты*. Оно имѣетъ такое же отношеніе къ правому и неправому, какое совѣсть къ добру и злу, съ тѣмъ только замѣчательнымъ различіемъ, что непріятныя ощущенія неправоты бываютъ весьма сильны и причиняютъ самое глубокое *возмущеніе духа*, а пра-

вое принимается съ однимъ только одобреніемъ, какъ нѣчто должное, такъ что справедливый человѣкъ столько же отвергаетъ всякую особенную похвалу, сколько и оскорбленіе.

Г Л А В А I V.

Т Е М П Е Р А М Е Н Т Ъ .

§ 227.

Понятіе о темпераментѣ главнымъ образомъ оттого еще не установлено, что колеблются въ опредѣленіи объема его, принимая его или въ слишкомъ обширномъ, или слишкомъ въ тѣсномъ значеніи.

Въ слишкомъ обширномъ значеніи темпераментъ нерѣдко распространяють на все вообще постоянное расположеніе духа, — способъ его мышленія, чувствованія и дѣйствованія; именно, относятъ сюда и *характеръ*, какъ постоянное

расположеніе воли, и находятъ даже темпераментъ умственный.

Но характеръ и темпераментъ, какъ ни близки они между собою, и какъ часто, по этому, ни смѣшиваютъ ихъ, должно различать одинъ отъ другаго. Характеръ и по своему происхожденію большею частію есть дѣло свободы, и въ своемъ существованіи подлежитъ постепенному измѣненію и преобразованію силою свободы; напротивъ того темпераментъ, если и способенъ къ нѣкоторому измѣненію и образованію дѣйствіемъ свободы, тѣмъ не менѣе, по своему происхожденію, есть чисто врожденное расположеніе. — Темпераментъ, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, нравственно безразличенъ, а характеръ весь заключается въ нравственныхъ противоположностяхъ добраго и злаго. Впрочемъ, на этомъ основаніи еще не отрицается, что темпераментъ подъ вліяніемъ

свободы может получить какое либо особенное качество и чрезъ то сдѣлаться составною долею характера.

Нельзя также признать и какого либо *умственного темперамента*, хотя между умственными способностями и темпераментами имѣетъ мѣсто разнообразное взаимодѣйствіе и отношеніе.

Такимъ образомъ мѣстопробываніе темперамента ограничивается способностію чувствованій, и мы должны опредѣлить его постояннымъ настроеніемъ чувствованій и ощущеній, или — особенною раздражимостію духовныхъ и чувственныхъ возбужденій. Онъ есть тоже самое въ чувствованіяхъ, что дарованіе въ познаніи, что врожденная склонность въ дѣйствованіи, т. е. прирожденное, постоянное расположеніе душевныхъ отпращиваній.

§ 228.

Понятіе о темпераментѣ не должно и

ограничивать слишком *тѣсно*, — не должно относить его мѣстопребываніе исключительно къ основѣ ощущеній, — къ раздражимости тѣла. Преимущественно врачи и фізіологи хотѣли изъяснить температуры единственно изъ тѣлеснаго устройства: *Гиппократъ* и *Галенъ* — изъ тѣлесныхъ соковъ и ихъ свойства, отсюда и наименованіе четырехъ главныхъ темпераментовъ; *Шталь* и *Галлеръ* — изъ раздражительности волоконъ, какъ дальнѣйшихъ тѣлесныхъ условій, такъ что по *Гейнроту*, флегмѣ или водѣ должны соответствовать волокны слабыя, крови — мягкія, желчи — твердыя, черной желчи — жесткія. Пусть настроеніе и раздражимость тѣлесныхъ возбужденій и органовъ будетъ главнымъ элементомъ темперамента у большей части людей, все же оно не можетъ быть признано единственнымъ и у всѣхъ равно преобладающимъ началомъ темпера-

мента. Онъ основывается также на настроеніи и раздражимости и всѣхъ прочихъ, именно гораздо сильнѣйшихъ, духовныхъ возбужденій.

§ 229.

Такъ какъ темпераментъ основывается на особенной раздражимости возбужденій, то темпераментовъ должно быть столько, сколько эта раздражимость допускаетъ различій. Разности эти суть экстенсивныя и интенсивныя: первыя зависятъ отъ того, каковы бываютъ движенія возбужденій: медленны или быстры, и вмѣстѣ съ этимъ продолжительны, или скоропреходящи; а послѣднія состоятъ въ томъ, что движенія досягаютъ глубоко, или только поверхностно, и вмѣстѣ съ этимъ бываютъ важны, или игривы. Первая разность есть настроеніе воли, а послѣдняя—сознанія, какъ двухъ основныхъ началъ всякаго возбужденія.

Эти экстенсивныя и интенсивныя противоположности соединяются между собою и производят четыре основныхъ темперамента: 1) меланхолическій, или англійскій, съ продолжительными и глубокими чувствованіями; 2) флегматическій или нѣмецкій, съ продолжительными, но поверхностными; 3) холерическій, или италіанскій съ быстрыми и глубокими; и 4) сангвиническій или французскій, съ быстрыми и поверхностными чувствованіями.

Между тѣмъ каждое изъ этихъ настроеній можетъ происходить или изъ силы, или изъ безсилія; отсюда въ каждомъ главномъ темпераментѣ раскрывается опять по 4-ре подчиненныхъ, такъ какъ два настроенія его или оба происходятъ то изъ силы, то изъ безсилія, или то одно, то другое происходитъ изъ силы, либо безсилія; а такимъ образомъ наконецъ является 16 различныхъ тем-

пераментовъ.

§ 230.

Меланхолическій или англійскій темпераментъ. Глубина чувствованій дѣласть меланхолика суріознымъ и сообщаетъ ему сердечную теплоту; но медленное теченіе его чувствованій дѣласть его осторожнымъ, разсудительнымъ и медлительнымъ; а ихъ постоянство — благонадежнымъ и терпѣливымъ.

Если эти качества происходятъ изъ сильной воли и здоровой чувствительности, то называютъ меланхолическій темпераментъ *глубокою душою*; болѣзненная чувствительность при крѣпкой волѣ составляетъ темпераментъ *ипохондрическій*; здоровая глубина ощущенія, соединенная съ страдательною покорностію чувствованіямъ, даетъ *собственно меланхолическій*; наконецъ, безмысленная глубина чувствованій и отъ слабой воли происходящая продолжительность

ихъ образуетъ *сентиментальный* темпераментъ.

§ 231.

Флегматическій или нѣмецкій темпераментъ способенъ только къ медленнымъ и поверхностнымъ движеніямъ. Хотя чувствованія въ этомъ темпераментѣ не проникаютъ въ душу глубоко и не бываютъ темны или важны, однако онъ не есть еще, по этому, безчувственъ; напротивъ, весьма часто онъ раскрываетъ въ себѣ много чувствительности и сердечности, только его чувствованія, будучи поверхностны, бываютъ легче, свѣтлѣе и прозрачнѣе, и потому самому пріятнѣе.

Здоровая и легкая воспріимчивость къ такимъ чувствованіямъ, соединенная съ продолжительнымъ и потому надежнымъ настроеніемъ, составляетъ счастливѣйшій и достолюбезнѣйшій темпераментъ, — *сердечный; холодный* темпе-

раментъ является при слабѣй чувствительности, но упорной волѣ; легкая, свѣтлая чувствительность, при страдательной покорности образуетъ *пріятный* темпераментъ, который иногда называютъ *добродушнымъ*. Наконецъ, слабое и страдательное настроеніе чувствованій производитъ *лѣнивый* темпераментъ, или *собственно флегматическій*.

§ 232.

Холерическій или италіанскій темпераментъ. Его свойства суть: глубокая чувствительность, живая, быстро переиѣняющаяся дѣятельность.

Здоровая глубина ощущеній, въ соединеніи съ сильною живостію, называется темпераментомъ *пламеннымъ*; сильная живость, но при болѣзненной и неподчиненной разуму глубинѣ ощущеній, именуется *стремительнымъ*; непродолжительность ощущеній, при ихъ глубинѣ, составляетъ темпераментъ *свое-*

нравный; довольно слабая стремительность, происходящая изъ безмысленной чувствительности недостатка твердости, открывающаяся вспышками, которыя вмѣсто страха возбуждаютъ въ другихъ только смѣхъ, не имѣетъ особеннаго имени.

Сангвиническій или французскій темпераментъ: легкій, но только поверхностно подвижной.

Если онъ бываетъ сколько нибудь силенъ, происходитъ отъ живости и упругости духа, то называется *веселымъ*; живость воли, соединенная съ болѣзненною чувствительностію, производитъ темпераментъ *безпокойный*; здоровая, веселая чувствительность, но съ слабою волею — *легкомысленный*; наконецъ, безмысленная, слабосильная подвижность составляетъ темпераментъ *ребяческій*.

§ 233.

Смѣшеніе различныхъ темпераментовъ

не возможно въ томъ смыслѣ, чтобы въ одномъ и томъ же возбужденіи встрѣчались два противоположныя настроенія, потому что они одно другимъ уничтожались бы. Впрочемъ, существо темперамента таково, что оно допускаетъ бесконечно многіе оттѣнки и переходы. Глубина чувствованій и ихъ продолжительность могутъ имѣть бесконечно многія степени. По этому описанія темпераментовъ бываютъ только *относительныя*. — Даже въ одномъ и томъ же индивидуумѣ, въ различныхъ его возбужденіяхъ, могутъ встрѣчаться весьма различныя темпераменты.

О П Д Л Я Ъ III.

ЖЕЛАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ
ИЛИ ВОЛЯ.

ГЛАВА I.

О ВОЛѢ ВООБЩЕ.

§ 234.

Дѣятельную сторону человѣческой души, или совокупность ея желательныхъ способностей, обыкновенно называютъ *волею*, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Хотѣніе, какъ отправленіе воли, есть дѣятельность души, *направленная къ предметамъ* (предметная), чѣмъ и отличается оно отъ чувствованія, которое есть дѣятельность, открывающаяся въ *состояніяхъ*. Правда, и та дѣятельность души, которая въ чувствованіи

образуется въ состояніи, т. е. самовозбужденіе, также направлена къ извѣстнымъ предметамъ: но *во первыхъ*, она имѣетъ отношеніе только вообще къ родамъ вещей, между тѣмъ какъ предметная дѣятельность души въ желаніяхъ, страстяхъ и намѣреніяхъ раздѣляется по видамъ вещей и недѣлимымъ; во *вторыхъ*, предметное направленіе самовозбужденія есть одна только возможность стремиться къ чему либо, и хотѣніе происходитъ оттого, что всеобщность самовозбужденія опредѣляется, и изъ возможности стремленія переходитъ въ дѣйствительность.

§ 235.

Видоизмѣненія воли въ частныя способности представляютъ замѣчательное соотвѣтствіе съ видоизмѣненіями сознанія въ способности познавательныя. — Чувствамъ соотвѣтствуетъ *тѣлесное выраженіе воли*, потому что, какъ тамъ

сознаніе, такъ здѣсь воля исходятъ чрезъ тѣлесные органы во внѣшній міръ. Первые открываютъ путь сношенію души съ внѣшнимъ міромъ, послѣднее—учреждаетъ его; между ими обоими обращается все богатство душевной жизни, и притомъ такъ, что въ каждое мгновеніе господствуетъ какое либо одно проявленіе ея, но въ тоже время она отражается въ немъ всею своею полнотою, хотя чувственное наблюденіе и тѣлесное воздѣйствіе весьма часто совпадаютъ почти въ одинъ неразличимый актъ. — Способности представленій (воспріятію, памяти и воспоминанію) противопоставляется *природное расположеніе* (*Naturell*); какъ это послѣднее есть естественно-необходимая (инстинктуальная) воля, такъ первая—есть естественно-необходимое сознаніе. — Подобіе фантазіи представляетъ *свободная воля*: какъ въ фантазіи сознаніе раскрываетъ

свою чистую природу въ самовозбужденіи къ образованію и представленію, такъ въ свободѣ проявляетъ себя чистая, и потому самому еще неопредѣлившаяся воля. — Наконецъ, разумѣнію соотвѣтствуетъ *характеръ*: потому что, какъ тамъ сознаніе свободно возвращается къ своему закону — истинѣ, чтобы усвоить ее себѣ высшимъ образомъ: такъ здѣсь воля опять возстановляетъ свободно свою законоопредѣляемость, и потому самому въ высшей формѣ, какъ нравственную необходимость.

§ 236.

Восходящія степени развитія воли, подобно тремъ соотвѣтствующимъ имъ степенямъ развитія сознанія, составляютъ характеръ трехъ восходящихъ возрастовъ человѣческой жизни. Отрочество есть періодъ развитія инстинктуальной воли, ея тѣлеснаго выраженія и природныхъ расположеній, юность есть

время выбора и рѣшенія; зрѣлый возрастъ принимаетъ извѣстный характеръ, если впрочемъ индивидумъ доводитъ до того свою волю.

Изслѣдуя волю, мы должны рассмотретьъ: 1) *тѣлесное выраженіе*, 2) *природное расположеніе*, 3) *свободу* и 4) *характеръ*.

Г Л А В А II.

ТѢЛЕСНОЕ ВЫРАЖЕНІЕ ВОЛИ.

§ 237.

Тѣлесныя средства, которыми душа вноситъ свою волю во внѣшнюю дѣйствительность, суть: *голосъ* и *движеніе членовъ*. Непосредственное *выполненіе* и *осуществленіе* воли совершается помощію движенія членовъ, а голосъ болѣе только *высказываетъ* ее и *обнаруживаетъ*. Впрочемъ, и движеніе членовъ отчасти служить средствомъ не

къ выполненію, а только къ проявленію воли; и въ такомъ случаѣ движеніе членовъ называютъ *жестами*. Кромѣ этихъ средствъ есть для души только единственный способъ *непосредственно* выражать свою волю,—это *взглядъ*.

а) **ВЗГЛЯДЪ.**

§ 258.

Въ глазѣ, по причинѣ особеннаго его устройства, нервъ и движущаяся въ немъ душа непосредственно открыты дѣйствию внѣшняго міра, а потому въ немъ непосредственно выражаются и воздѣйствія души. Взглядъ, этотъ,—какъ называютъ его,—непосредственный душевный языкъ глаза, способенъ къ столь разнообразнымъ и вмѣстѣ столь тонкимъ измѣненіямъ, что ихъ удобнѣе понимать, чѣмъ описывать. Во взглядѣ горитъ страсть, пламенѣетъ любовь, томится желаніе, блистаетъ воодушевленіе, сілетъ

мужество, мутится печаль, мятется досада, грозит ярость, врачиѣтъ вражда и т. д. Правда, что этотъ языкъ взгляда разнообразно вспомоществуется и поясняется сторонними, механическими измѣненіями глаза, — направленіемъ его оси, движеніемъ зрачка, особенно же мимикою и жестами: однакожь онъ вразумителенъ и самъ по себѣ, безъ всякихъ стороннихъ поясненій.

§ 29.

Извѣстна сила взгляда не только надъ людьми, но и надъ животными. Она столь проникательна и могущественна, что въ обыкновенномъ обращеніи мы употребляемъ ее далеко не въ полной мѣрѣ; мы рѣдко всматриваемся кому либо въ глаза пристально и съ полнымъ напряженіемъ; развѣ когда хотимъ съ особою силою подѣйствовать на кого либо, внушить уваженіе къ себѣ, или обмѣняться своими душевными чув-

ствованіями.

Могущество взгляда у различныхъ людей весьма различно, — непреодолимо у душъ сильныхъ, незначительно у слабыхъ, такъ что оно представляетъ почти вѣрную мѣру душевной силы, исключая тѣхъ людей, которые привыкли жить болѣе внутренно, въ созерцаніяхъ; въ такомъ случаѣ пустота и разсѣянность взгляда есть слѣдствіе не недостатка душевной силы, а ея сосредоточенности въ самой себѣ.

§ 240.

Независимо отъ степени силы взглядъ различныхъ людей производитъ еще въ частности различное дѣйствіе на сердце другихъ: сообщаетъ впечатлѣніе пріятное или непріятное, оживляетъ и возбуждаетъ, или приводитъ въ уныніе и ослабляетъ, радуетъ или смущаетъ, поддерживаетъ веселость, или наводитъ скуку, — потому что взглядъ есть вѣрное

выраженіе темперамента и характера человѣка и даже случайной его настроенности. Мы различаемъ взглядъ пустой и полный души, взглядъ ничего не сказывающій и выразительный, взглядъ разсѣянный, блуждающій и взглядъ внимательный и неподвижный; есть взглядъ острый, пронизательный, пронзительный, и есть слабый и тупой; здѣсь встрѣчаетъ насъ взглядъ открытый, спокойный, чистый, свѣтлый, ясный и дружественный, тамъ скрытный, безпокойный, разстроенный, мрачный и непріязненный.

Что эта богатая выразительность взгляда не есть только физическаго или тѣлеснаго свойства, въ томъ совершенно убѣдимся, когда вспомнимъ, что физическія измѣненія глаза, сопровождающія взглядъ, относятся только къ направленію глазныхъ осей и къ различному его блеску. Какъ мало значать во

взглядѣ эти физическія условія, мы ясно видимъ на взглядѣ воловьемъ, который мы даже при свѣтломъ блескѣ его и неподвижномъ устремленіи находимъ пустымъ и бездушнымъ.

б) Д В И Ж Е Н І Е М Ы Ш Ц Ъ.

§ 241.

Всѣ тѣлесныя средства, которыми пользуется душа въ проявленіи своей воли, именно голосъ и движеніе членовъ, сходятся къ произвольному движенію мышцъ, расположенныхъ съ безконечною мудростію и утвержденныхъ на остоѣ костей.

Мышцы суть сплетенія волоконъ, правильно другъ на другъ положенныя въ видѣ связокъ, которыя соединяются въ выпуклое тѣло съ тонкою головкою и еще съ тончайшимъ и длиннѣйшимъ хвостикомъ, обильно проникнутое и переплетенное нервами.

Движеніе мышцъ, производимое волею, состоитъ въ ихъ *сжатіи*, чрезъ что они укорачиваются, дѣлаясь въ срединѣ полнѣе и плотнѣе. Когда вліяніе воли прекращается, то они опять растягиваются сами собою въ свою естественную форму и длину.

Гальваническій опытъ, которымъ въ недавно умерщвленныхъ тѣлахъ, посредствомъ электрическаго тока возбуждаютъ движеніе мышцъ, доказываетъ, что мышца, пока еще не вся жизненная сила оставила ее, имѣетъ самостоятельную сжимаемость, которая волею не производится, а только возбуждается и которую называютъ *раздражимостію*. Впрочемъ, эта раздражимость не принадлежитъ естественному составу мышцъ ни первоначально, ни посредственно, а есть отправленіе жизненной силы, и слѣдовательно опять душа, только въ ея низшей, растительной формѣ.

Такъ какъ мышцы своею головкою прикрѣплены къ какой либо точкѣ опоры, (обыкновенно къ твердой, неподвижной части тѣла, именно къ костямъ), а своими нѣсколько тончайшими хвостиками, отчасти теряющимися въ сухихъ жилахъ, входятъ въ подвижные члены тѣла: то въ слѣдствіе сжатія мышцъ подвижный членъ притягивается къ точкѣ своей опоры. Этимъ простымъ средствомъ совершается большая часть тѣлесныхъ движеній, сколь ни разнородными они являются намъ, — совершается напр. какъ сгибаніе, такъ и разгибаніе, потому что протягательныя мышцы прикрѣпляются только къ противоположной сторонѣ члена.

Такимъ образомъ помощію одного, крайне простаго средства, — именно сжиманія мышцъ, — при безконечно разнообразномъ, однакожъ, содѣйствіи мно-

гихъ другихъ мышцъ, — производятся всѣ разнообразныя и искусственныя движенія человеческого тѣла. Всего удивительнѣе въ нихъ смѣшеніе произвольнаго и непроизвольнаго, сознаваемого и безсознательнаго. Душа знаетъ только результатъ, который она хочетъ произвести, — опредѣленное движеніе, положеніе, тонъ, слово и т. п.; но механизмъ, по которому это производится, совершенно утаенъ отъ нея. Первое производитъ она какъ душа, а послѣднее — какъ жизненная сила. Перевѣсь искусственности и здѣсь на сторонѣ послѣдней.

§ 243.

Къ движенію мышцъ душа отчасти пріучается свободнымъ и сознательнымъ навыкомъ; но она изучаетъ при этомъ только внѣшнюю сторону и одинъ результатъ движенія, не проникая во внутренній механизмъ его, чтобы пользо-

ваться имъ сознательно. Наблюдая, какъ дѣти мало по малу пріучаются къ движенію членовъ или къ рѣчи, мы находимъ, что они сначала движутъ свои члены цѣлою массою, только барахтаются и кричатъ; когда они начинаютъ хвататься, ходить и лепетать, то еще не вдругъ правильно выполняютъ желаемыя движенія и произносятъ слова, но часто извращаютъ ихъ забавнымъ образомъ; они испытываютъ слова и движенія, которыя должны или хотятъ произвестъ, до тѣхъ поръ, пока изъ повторенныхъ опытовъ не узнаютъ, какія мышцы и какъ надобно приводить въ движеніе. Какъ скоро удастся имъ выговорить какое либо слово, то они легко произносятъ его и послѣ; однажды удачно выполненное движеніе удобно повторяется и въ послѣдствіи времени. Такимъ образомъ душа, пріучаясь къ тѣлесному движенію, начинаетъ игру

своихъ членовъ, по видимому, въ случайномъ направленіи относительно желаемой цѣли; присматривается къ этой игрѣ и до тѣхъ поръ продолжаетъ ее, пока не попадетъ на желаемое движеніе; это движеніе она потомъ повторяетъ и до тѣхъ поръ къ нему приучается и запечатлѣваетъ его, пока не овладѣетъ тѣмъ опредѣленнымъ направленіемъ, какое должно сообщать извѣстнымъ мышцамъ.

§ 244.

Той ловкости, съ какою душа приучается сообщать мышцамъ направленіе, много содѣйствуетъ навыкъ самихъ мышцъ извѣстнымъ образомъ сжиматься и расширяться, вкореняющійся или въ нихъ самихъ, или въ движущей ихъ жизненной силѣ. Въ живой мышцѣ извѣстныя движенія вкореняются до того, что она, при малѣйшемъ возбужденіи, бываетъ готова тотчасъ сама собою вы-

полнять ихъ. Такая готовность и навѣкъ мышцъ не рѣдко обнаруживаются въ нихъ и безъ содѣйствія воли, когда напр. въ состояніи безмыслія и разсѣянности наши члены играютъ сами собою привычнымъ способомъ. Эти навыки, утвержденные и укорененные въ членахъ, суть какъ бы память мышцъ. Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ и разнообразіи этой *памяти мышцъ*, довольно вспомнить о навикѣ рукъ у играющаго на фортепіано и механическаго художника, — о бѣглости нашей собственной руки въ письмѣ, о гибкости ногъ у танцоровъ и фокусниковъ и т. д.

§ 245.

Сила мышцъ изумительна, хотя онѣ не всегда съ особенною выгодною устроены по закону рычага, потому что въ ихъ устройствѣ больше обращено вниманіе на то, чтобы онѣ, при возможно

меньшей переи́нѣ тѣлесной формы, оказывали, сколько можно болѣе проворства и чрезъ то отчасти опять выигрывали силу, теряющуюся при этомъ. Къ тому же природа, распоряжаясь презмѣрною силою мышцъ, слѣдовала въ устройствѣ ихъ болѣе закону изящества и бережливости, чѣмъ сколько имѣла въ виду возможно большее развитіе силы.

Впрочемъ, проявленіе силы мышцъ въ каждомъ *отдѣльномъ* случаѣ зависитъ отъ воли духа и отъ степени его дѣйствія на мышцы, а *вообще* — весьма много отъ упражненія. Только отчасти основывается это проявленіе на естественномъ сложеніи костей и мышцъ, и притомъ такъ, что цѣлыя племена одни вообще бываютъ сильны, а другія — слабы. Впрочемъ, и одна способность безъ упражненія еще не много значить; за то тѣмъ болѣе чудесь произво-

дять упражненіе крѣпкихъ отъ природы мышцъ.

Замѣчательно, что мышцы, подчиненныя нашему произволу, скоро утомляются, между тѣмъ какъ непроизвольныя, напр. сердце, непрерывно продолжаютъ свою работу безъ утомленія.

§ 246.

Проводникомъ души, вступающей въ мышцы и возбуждающей ихъ вліаніемъ своей воли, служатъ особенные нервы движенія, отличные отъ тѣхъ, которые служатъ орудіемъ мышечнаго ощущенія, такъ что мышцы имѣютъ двухъ родовъ нервы,—нервы ощущающіе и движущіе. Тѣ и другіе нервы, бывъ перерѣзаны въ такомъ пунктѣ, гдѣ они еще не теряются одни въ другихъ, оказываютъ ту существенную разность, что центральный конецъ первыхъ еще имѣетъ ощущеніе, а послѣднихъ—не имѣетъ его; за то периферическій конецъ по-

24.

слѣднихъ проводить еще возбужденія къ мышцамъ и производить въ нихъ воздѣйствія, между тѣмъ какъ периферическій конецъ первыхъ неспособенъ къ этому. Это замѣчательное различіе мышечныхъ нервовъ основывается, кажется, на томъ, что душа въ первахъ движенія движется также свободно и несвязанно, какъ въ высшихъ нервахъ чувствъ, а въ нервахъ ощущенія она связана до того, что участвуетъ въ ихъ состояніяхъ.

в) г о л о с ъ .

§ 247.

Голосъ происходитъ въ верхней части горла посредствомъ воздуха, частию выдыхаемаго легкими, а частию вдыхаемаго. Между тѣмъ, чтобы *голосъ* могъ получить извѣстный *тонъ*, голосная скважина, чрезъ которую проходитъ дыханіе безъ всякаго звука, должна

сбуживаться и связки ея должны напрягаться. Впрочемъ, и безтонный шумъ выдыхаемаго воздуха употребляется для рѣчи, въ *шопотъ*.

Тонъ голоса происходитъ посредствомъ выдыхаемаго воздуха и сотрясенія связокъ голосной скважины, ощутительнаго даже отъ нѣ и сообщающагося всему горлу. Чѣмъ быстрѣе эти сотрясенія, тѣмъ выше тонъ голоса, а чѣмъ медленнѣе, тѣмъ ниже; чѣмъ чище тонъ, т. е. чѣмъ опредѣленнѣе его высота и низость, тѣмъ онъ больше получаетъ *звонкости* и дѣлается способнѣе къ *плннiю*, которое состоитъ въ послѣдовательности звонкихъ тоновъ согласной высоты и низости.

Крпность голоса зависитъ частію отъ количества выдыхаемаго воздуха и силы, съ какою онъ выдыхается, а частію отъ большей или меньшей степени отголоска, издаваемаго горломъ и

голосными связками, т. е. отъ его объема, упругости и т. п. Такъ какъ первыя условія произвольны, то голосъ можно усиливать или ослаблять, отчего тонъ его дѣлается или *тихимъ* или *громкимъ*, или наконецъ переходитъ въ крикъ.

§ 248.

Нечленораздѣльный голосъ составляетъ *естественные звуки*, а членораздѣльный — *языкъ*. Членораздѣльность сообщается голосу совокупнымъ дѣйствіемъ гортани, языка, зубовъ и губъ. Членораздѣленія образующія языкъ суть *слоги* и *слова*. Слова состоятъ изъ слоговъ, но слогъ есть *первоначальный членъ рѣчи*, а не сложенъ изъ буквъ; они только разлагаются на нихъ для вразумительности, что сдѣлано уже послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій.

Языкъ есть произведеніе инстинкта и потребности, а не сознательнаго раз-

мышленія, соглашенія и подражанія. Существованіе у человѣка органовъ рѣчи давало ему достаточный поводъ и побужденіе употреблять ихъ; и онъ, вѣроятно, сначала приводилъ ихъ въ движеніе какъ бы играя, и пытался разными образами сочетавать между собою звуки. Какъ скоро образованы были слова, то человѣкъ легко могъ прійти къ той мысли, чтобы употребить ихъ въ знаки предметовъ и въ средство для объясненія своихъ понятій, — тѣмъ болѣе, когда онъ находилъ въ нихъ намеки на какое либо свойство предметовъ или на какія либо ощущенія свои, къ нимъ относящіяся, и когда другіе понимали эти намеки и охотно принимали это новое средство собесѣдованія и объясненія. И теперь еще случайно и игриво составляются дѣтьми слова, употребляются для обозначенія предметовъ, и кормилицами и матерями разви-

ваются въ особенный дѣтскій языкъ. Съ другой стороны, произвольное *изобрѣтеніе* словъ для мыслей, — чего обыкновенно требуютъ отъ первыхъ изобрѣтателей человѣческаго слова, — превосходить производительную способность самыхъ гениальныхъ людей.

§ 249.

Если спросить, какіежъ именно намеки на предметы, инстинктуально играющій разумъ человѣка могъ находить въ случайныхъ произведеніяхъ своего органа рѣчи, то трудно будетъ подвести подъ общія правила тѣ бесконечно-разнообразныя сочетанія представленій, по которымъ мысль находила въ звукахъ извѣстное выраженіе свойствъ предмета, тогда какъ для этого достаточно было ей и самыхъ отдаленныхъ намековъ. Вообще можемъ признать, что гласныя, когда онѣ преимущественно звучали въ какомъ либо словѣ, служи-

ли намекомъ на субъективное, именно на чувствованія и ощущенія, а согласныя — когда ихъ звуки преобладавали въ словѣ, служили знаками объективнаго, т. е. свойствъ внѣшнихъ предметовъ. Гласныя и теперь еще въ естественныхъ звукахъ всегда выражаютъ чувствованія: *А* есть какъ бы вдыханіе пріятнаго, *У* — удаленіе непріятнаго; *И* и *Ю* звучать свѣтло и радостно, *О* — уныло и печально; наконецъ *Е* и *Э* выражаютъ безразличіе. Согласныя же, какъ твердыя части словъ и слоговъ болѣе, кажется, напоминали предметную дѣйствительность. — Когда эти общія намеки были найдены, то уже совершенно зависѣло отъ случая и расположенія духа, какъ частіе видоизмѣнять ихъ чрезъ соединеніе съ тѣмъ или другимъ элементомъ, и употребить одно слово знакомъ того, а другое другаго предмета.

г) Т Ъ Л О Д В И Ж Е Н І Е.

§ 250.

Тѣлодвиженіемъ мы или изображаемъ что либо или выполняемъ. Тѣлодвиженіе только изображающее намѣренія души есть *мимика*, а выполняющее — есть *движеніе членовъ*, которое, впрочемъ, служить отчасти и къ изображенію, и въ такомъ случаѣ называется *жестами*.

Самое выразительное зеркало души, въ которомъ съ особенною ясностію отражаются ея настроенія и намѣренія, есть мимика въ соединеніи съ взглядомъ; въ мимикѣ фیزیогномія то радостно оживляется, то печально упадаетъ, или дружелюбно разглаживается и бываетъ открытою, или угрюмо морщится и закрывается, иногда смѣется, иногда плачетъ. Ея выраженію вспомошествуютъ жесты, которые состоятъ въ поло-

женіяхъ тѣла вообще, а особенно въ движеніяхъ головы, плечь и рукъ; причеиъ напѣренія души частію изображаются мимически, а частію выражаются въ условленныхъ знакахъ.

§ 251.

Главныя орудія членодвиженія, выполняющаго волю души, заключаются въ оконечностяхъ тѣла, именно рукахъ и ногахъ. Рука въ особенности есть главное орудіе, посредствомъ котораго человекъ сдѣлался владыкою земли.

Членодвиженія, выполняемые погами, суть: стояніе, хожденіе, бѣганіе, скаканіе, ступаніе. Всѣ они производятся посредствомъ сгибанія и разгибанія суставовъ, находящихся въ чреслахъ, колѣнахъ и стопахъ, равно какъ въ пальцахъ и пальцахъ ногъ, при содѣйствіи боковыхъ и круговыхъ движеній берцовой кости, голени, пятъ и пальцевъ.

Отправленія всей руки суть: обнимать

и задерживать, поднимать и носить, махать, бросать и бить, толкать и влекти и т. п.; а отправленія въ частности кисти и пальцевъ состоятъ въ томъ, что мы ими щупаемъ, хватаемъ и обнимаемъ предметы, держимъ ихъ, давимъ, тремъ, толкаемъ, стучимъ и т. п. Всѣ эти отправленія производятся подъятіемъ и наклоненіемъ, движеніемъ впередъ и назадъ плечъ, сгибаніемъ и разгибаніемъ, боковымъ и круговымъ движеніемъ руки и пальцевъ, причемъ особенно отдѣльное положеніе большаго пальца чрезвычайно помогаетъ рукѣ выполнять разнообразныя дѣйствія.

§ 252.

Такъ какъ душа, съ ея темпераментомъ и характеромъ и зависящими отъ нихъ чувствованіями и желаніями, постоянно выражается и отпечатлѣвается въ произвольныхъ движеніяхъ своего тѣла, то мало по малу устанавливается

въ немъ *известное выраженіе*, въ которомъ внутреннее человѣка отражается съ большею или меньшею ясностію. Это постоянное выраженіе тѣлесныхъ движеній такъ индивидуально и такъ опредѣленно, что мы нашихъ знакомыхъ весьма легко узнаемъ даже и по одной какой либо чертѣ этого рода. Голосъ каждаго человѣка имѣетъ свой особенный тонъ, именно свою особенную крѣпость и высоту; членораздѣленіе голоса видоизмѣняется въ особенный выговоръ; сообщеніе тона слогамъ образуетъ разныя индивидуальныя ударенія. Мимика мало по малу переходитъ въ постоянныя черты физіогноміи, которыя впрочемъ рѣдко разгадываетъ и самый проницательный взоръ, какъ бы точно ни изображалось въ нихъ внутреннее человѣка. Жесты, какъ и движенія членовъ вообще, получаютъ опредѣленный типъ. Сколь ни просто напр. движеніе походки, однако

у каждого человѣка оно производится особеннымъ образомъ, такъ что по по-
ходѣ^х мы узнаемъ нашихъ знакомыхъ даже посредствомъ слуха, и вообще нахо-
димъ въ ней много характеристическаго.

Это индивидуальное образованіе нашихъ тѣлесныхъ движеній тѣмъ удиви-
тельнѣе, что мы изучаемъ ихъ большею
частію чрезъ подражаніе другимъ, — по-
добно какъ и нарѣчіе, да и вообще весь
типъ нашего тѣлеснаго выраженія мы
раздѣляемъ съ окружающею насъ при-
родою. Индивидуальныя особенности тѣ-
леснаго выраженія въ общемъ, націо-
нальномъ типѣ основываются на столько
же разнообразныхъ и тонкихъ разли-
чійхъ, какъ индивидуальныя фізіогно-
міи въ общемъ типѣ фізіогноміи націо-
нальной.

Подражаніе другимъ бываетъ у насъ
частію невольнымъ и потребностію, а
частію произвольнымъ и одною игрою;

въ послѣднемъ случаѣ оно называется мимикою. Удачное подражаніе основывается не только на живомъ представленіи другихъ и ихъ свойствъ, но и на внутреннемъ преобразованіи себя въ нихъ. Подражаніе другимъ, противорѣчащее собственной природѣ подражающаго, называютъ обезьянствомъ.

Г Л А В А III.

С В О Б О Д Н А Я В О Л Я.

§ 253.

Ученіе о свободѣ должно предшествовать разсмотрѣнію природнаго расположенія, хотя свойство предмета требовало бы помѣстить свободу между природнымъ расположеніемъ и характеромъ, которыхъ она служитъ посредницею. И въ самомъ дѣлѣ, отъ правильнаго понятія о свободѣ зависитъ не только правильное понятіе о природномъ располо-

женіи и характерѣ и ихъ относительномъ положеніи, но и самое признаніе ихъ существованія. По крайней мѣрѣ, два главные, до сихъ поръ господствующіе взгляды на человѣческую волю, — детерминизмъ и индетерминизмъ не признають ни врожденной наклонности, ни характера, потому что первый допускаетъ, или можетъ послѣдовательно допускать только природное расположеніе, а послѣдній — только свободу.

§ 254.

Детерминизмъ объясняетъ сознаніе свободы частію отрицательно, какъ не-сознаніе внѣшнихъ, опредѣляющихъ ее основаній, частію положительно, какъ *самохотѣніе*, т. е. какъ такой способъ дѣйствованія, который долженъ происходить извнутри, изъ природы человѣка, но съ необходимостію. Свобода, по этому взгляду, есть внутреннее саморазвитіе и противопоставляется не необходимости

вообще, а внѣшнему принужденію или насилію.

Напротивъ того, *индетерминизмъ* объясняетъ дѣйствія человѣка изъ воли, которая не зависитъ ни отъ какихъ, даже внутреннихъ опредѣляющихъ началъ, но опредѣляется по всякому частному дѣйствию сама изъ себя; онъ полагаетъ, что всѣ дѣйствія происходятъ изъ безразличнаго состоянія воли чрезъ выборъ и рѣшимость. Эту безразличную свободу, въ противоположность внутренно опредѣляемому самохотѣнію, называютъ *свободою выбора* или *произволомъ*.

Оба взгляда, детерминизмъ и индетерминизмъ, могутъ привести въ свое подтвержденіе ясныя и рѣшительныя психологическіе факты, которые, совѣщающаяся въ дѣйствительности, должны бы быть соединены и въ наукѣ. Впрочемъ, оба эти взгляда вообще утверждаются

не столько на психологическихъ фактахъ, сколько на метафизическихъ началахъ и основаніяхъ, хотя и не надлежало бы на мѣсто психологической дѣйствительности принимать одни слѣдствія сомнительныхъ метафизическихъ гипотезъ и по нимъ перестраивать дѣйствительность.

§ 255.

Детерминизмъ, во первыхъ, справедливо ссымается на разнообразныя, необходимые элементы человѣческихъ дѣйствій, и притомъ, не только на врожденные основанія дѣйствій физическихъ и инстинктуальныхъ, но также, и преимущественно еще, на основанія такъ называемыхъ свободныхъ поступковъ, положенныя въ характеръ. Онъ спрашиваетъ индетерминистовъ: не заключаютъ ли, вообще по наблюдаемому образу дѣйствованія какого либо человѣка, о постоянной основѣ его характера, и по най-

деннымъ свойствамъ характера не стараются ли угадывать и рассчитывать и будущій образъ дѣйствованія того чело-вѣка? Безъ такихъ предопредѣленныхъ элементовъ человѣческаго дѣйствованія не было бы возможности живописать характеры въ исторіи, изображать ихъ въ драмѣ и романѣ.

Во вторыхъ, индивидуумъ, — справедли-во замѣчаетъ детерминизмъ, — не есть какая либо зыбкая, неопредѣленная всеобщность; напротивъ, и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи онъ опре-дѣленъ какъ тотъ, или другой индиви-думъ, а потому и дѣйствуетъ какъ лице опредѣленное. Только мѣлкія, слабыя существа болѣе или менѣе безхарактер-ны, такъ что ихъ дѣйствій нельзя пре-дугадывать, но оттого они ни мало не свободнѣе, потому что болѣе только за-висятъ отъ внѣшнихъ и случайныхъ опредѣляющихъ причинъ и вліяній. На-
25.

противъ того, благороднѣйшіе и энергичные индивидуумы всегда имѣютъ и болѣе опредѣленный внутренній характеръ, и потому тѣмъ легче предугадывать ихъ дѣйствія, чѣмъ менѣе зависятъ они отъ вѣшняго вліянія. Въ нравственномъ отношеніи, конечно, большая часть людей могли бы порадоваться, еслибъ только они неопредѣленно колебались между добромъ и зломъ, потому что они обыкновенно стоятъ ниже этой средней черты, погружены больше или меньше во зло. Но съ другой стороны, въ нравственномъ же отношеніи, индетерминизмъ есть безотрадная система, потому что онъ отнимаетъ у человѣческой воли всякую надежду, трудомъ и усиліемъ пріобрѣсть постоянное сокровище нравственности, — внутреннее, рѣшительное расположеніе къ добру.

Наконецъ *истинная* свобода, говоря детерминисты, есть именно это

внутреннее рѣшительное расположеніе къ добру, — есть добродѣтель или нравственность, потому что добродѣтель состоитъ въ повиновеніи нравственному закону, а нравственный законъ все же есть не иное что, какъ естественный законъ воли, такъ что во злѣ она отрицается самой себя для того, чтобы предаться чуждой силѣ; напротивъ, въ добродѣтели, дѣлая свой естественный законъ своею второю природою, она только возвращается къ самой себѣ.

§ 256.

Всѣ эти замѣчанія детерминизма, безъ сомнѣнія, справедливы, однако они не только не исключаютъ существованія свободы выбора въ человѣческомъ дѣйствованіи, допускаемой индетерминистами, но еще требуютъ ее. И въ самомъ дѣлѣ, сами детерминисты различаютъ неотразимую, физическую необходимость естественнаго закона отъ болѣе свободной,

нравственной необходимости характера: но въ чемъ же состоитъ это различіе, если не въ томъ, что характеръ есть плодъ свободы, подлежащій постепенному образованію и преобразованію, и при всемъ воздѣйствіи на свободу еще оставляющій обширное поприще чистому произволу. Оттого и будущій образъ дѣйствованія какого либо человѣка нельзя рассчитать съ точностію, какъ потому что его свобода можетъ дѣйствовать независимо отъ его характера, съ чистымъ произволомъ, такъ и потому что она свой характеръ между тѣмъ можетъ измѣнять и преобразовывать. — Детерминистъ собственно не имѣетъ даже права говорить о характерѣ людей, который хвалятъ или охуждаютъ какъ самостоятельное порожденіе свободной ихъ воли; его система знаетъ только природу и ея дары, которые въ своемъ основаніи всегда хороши и правы, а потому должны

быть предметомъ не нравственной оцѣнки, а только пониманія. — Наконецъ, что касается истинной свободы, то безъ сомнѣнія, задача свободы есть: возстановить нравственный законъ, ея собственнѣйшій и внутреннѣйшій законъ, отъ котораго она не можетъ отказаться безъ противорѣчія самой себѣ, — возстановить его въ себѣ въ свою вторую природу. И воля тогда только истинно свободна, когда она сдѣлалась внутренне опять доброю и рѣшительно склонилась къ нравственному закону, потому что только тогда она дѣйствуетъ сообразно съ своимъ свободнымъ, внутреннѣйшимъ хотѣніемъ, довольна собою и внутренне спокойна; напротивъ того, во злѣ она отрицается отъ своего собственнаго хотѣнія, и потому самому впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою и снѣдается внутреннею враждою. Однако свобода воли, рѣшительно обращенной къ добру, сво-

бода истинная, есть только идеальная, которой надобно еще достигнуть, а не дѣйствительная, реальная, уже готовая. Человѣческая воля, въ ея настоящей дѣйствительности, находится только въ борьбѣ и силится достигнуть этой истинной свободы и усвоить ее себѣ. Потому, выражаясь точно и психологически, а не образно только и ораторски, эту истинную свободу мы должны называть не свободою, а нравственностію, а подъ свободою разумѣть произволъ, который еще долженъ возвыситься до нравственности. Совершенно ложный оборотъ даютъ этому идеальному понятію объ истинной свободѣ, когда зло признаютъ просто рабствомъ, внѣшнею связанностію, однимъ недостаткомъ свободы, между тѣмъ какъ зло столько же свободно, какъ и добро. Пусть называютъ зло подчиненностію чуждой, внѣшней силѣ, но во всякомъ случаѣ эта подчинен-

ность свободна, зависит отъ хотѣнія и подпадаетъ осужденію, увлеклась ли только свободная воля зломъ и дала ему возрасти въ себѣ, или она сама искала его и произвела изъ самой себя.

§ 257.

При этой основѣ человѣческаго дѣйствованія, допускаемой детерминистами, имѣетъ еще довольно мѣста свободный выборъ или произволь, принимаемый *индетерминистами*; и даже онъ необходимо предполагается, какъ условіе характера, который есть его произведеніе, и какъ условіе преобразованія человѣческой природы въ нравственность, при чемъ онъ составляетъ между ними переходъ. Свобода выбора неоспоримо также открывается во многихъ психологическихъ фактахъ; и индетерминистъ имѣлъ бы право ссыматься на нихъ, еслибъ только онъ не производилъ и не изъяснялъ человѣческихъ дѣйствій столь-

ко же односторонно, изъ однихъ только свободныхъ началъ, какъ детерминистъ — изъ необходимыхъ.

Уже и въ мышленіи встрѣчается множество свободныхъ дѣйствій. Безъ свободы, человѣческій духъ увлекался бы потокомъ собственныхъ представленій, былъ бы ихъ игрищемъ, будучи не въ состояніи найти и уловить себя въ самосознаніи. Только своей свободѣ онъ обязанъ тѣмъ, что одни представленія можетъ удерживать, а другія оставлять, и удержанныя можетъ перерабатывать, сопоставлять и сличать, соединять и разлучать, можетъ погружаться въ себя и размышлять, можетъ составлять понятія, сужденія и умозаключенія.

Еще рѣшительнѣе говорятъ въ пользу индетерминизма самыя дѣйствія воли: выборъ и рѣшимость. Особенно послѣдняя есть чистое, какъ отъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ основаній независи-

мое самоопредѣленіе воли, что съ преимущественною очевидностію открывается въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе падаетъ на сторону слабѣйшаго побужденія, въ какомъ случаѣ свободная воля какъ бы всю силу своей рѣшимости должна положить на легчайшую чашу вѣсовъ. Наконецъ, безъ свободного выбора пали бы основныя понятія нравственной оцѣнки: вмѣненіе поступка или какого либо свойства въ характеръ, вина и заслуга, похвала и порицаніе; и раскаяніе было бы глупостію.

§ 258.

Если хорошо взвѣсить всѣ факты обѣихъ теорій, то *подлиннымъ* психологическимъ взглядомъ на образъ человѣческаго дѣйствованія будетъ слѣдующій: *дѣятельность воли, съ одной стороны, происходитъ изъ свободного выбора, а съ другой—и при томъ большею частію, произвольно вытекаетъ изъ природнаго*

*расположенія и характера чловѣка, причеѣъ внѣшнія вліянія только со-
дѣйствуютъ выбору, болѣе или менѣе
опредѣляя волю. Обыкновенно отъ нашс-
го выбора или рѣшимости зависитъ только
начало какого либо ряда дѣйствій, а
весь рядъ уже самъ собою прористекаетъ
изъ него такъ, какъ опредѣляетъ эти
дѣйствія природное расположеніе и ха-
рактеръ дѣйствующаго лица, подѣ влія-
ніеѣъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Одна-
кожѣъ, вмѣненіе простирается не только
на эти свободно избираемыя начала, но
и на весь рядъ добровольныхъ дѣйствій,
оттуда прористекающихъ: потому что они
частію поставляются въ вину вмѣстѣ
съ свободнымъ ихъ началомъ, какъ его
слѣдствія, а частію заключаютъ въ себѣ
и свою собственную вину по причинѣ
своихъ произвольныхъ элементовъ, ко-
торые вмѣняются какъ произведеніе пре-
дыдущаго употребленія—свободы.*

Собственный характеръ свободы выбора состоитъ въ способности воли опредѣлять саму себя, или начинать какое либо дѣйствіе отъ себя самой. Воля сама себя обращаетъ изъ своей всеобщности или безразличія въ какую нибудь частную, опредѣленную волю. Впрочемъ, выборъ не есть существенное проявленіе свободы, потому что иногда воля встрѣчаетъ одинъ только предметъ, и тогда не изъ чего выбирать, хотя возможность выбора всегда должна быть предполагаема. — Существенныя проявленія свободы суть: предположеніе и рѣшимость; первое есть предварительное самоопредѣленіе воли, а послѣдняя — окончательное.

— Свободная воля не исключаетъ внѣшнихъ и внутреннихъ основаній и вліяній, но она не позволяетъ имъ принуждать себя, а только принимаетъ ихъ

какъ *поводъ*; она слѣдуетъ имъ не какъ раздраженіямъ, а просто какъ *побужденіямъ*. Слѣдовательно, она въ своихъ чисто-свободныхъ дѣйствіяхъ сознаетъ собственно не основанія, а только *цѣли*, опредѣляется не дѣйствительными причинами, а *представляемыми слѣдствіями*, повинуется *правиламъ*, а не законамъ.

§ 260.

Чрезъ *правила*, а еще болѣе чрезъ образующіяся мало по малу *привычки и нравы* свобода переходитъ въ *характеръ*. Правило есть установившееся предположеніе или рѣшеніе: это первый и поверхностный начатокъ постояннаго самообразованія воли, который только индетерминистами можетъ быть принятъ уже за характеръ. Глубже входятъ въ постоянный внутренній образъ воли *нравы и привычки*, или установившіеся образы дѣйствованія. *Нравъ* отличается

отъ привычки своимъ болѣе разумнымъ и свободнымъ происхожденіемъ. Правъ образуется въ свободной волѣ изъ того, что она дѣлаетъ, а привычка — изъ того, что она въ себѣ допускаетъ; первый происходитъ отъ напряженія воли, а послѣдняя отъ послабленія; тотъ соотвѣдствуетъ характеру, въ который онъ и переходитъ, а эта — природному расположенію.

§ 261.

Задача свободы есть преобразовать природу человека въ характеръ, его невинность возвысить въ нравственность. Невинность и нравственность въ своей сущности суть одно и тоже; различіе ихъ состоитъ только въ ихъ формѣ: невинность есть безотчетная, естественная необходимость, а нравственность — необходимость разумная и свободная, или моральная; первая есть самовозбужденіе человѣческой природы, послѣд-

ная—склонность и любовь. Это формальное различіе происходит чрезъ посредство свободы выбора: воля свергаетъ съ себя законъ природы и становится свободною волею, но не для того, чтобы оставаться въ этомъ произволѣ, чуждомъ всякаго закона, а чтобы свой законъ природы,—который въ такомъ случаѣ будетъ называться нравственнымъ закономъ или долгомъ,—снова принять въ себя съ свободнымъ усиленіемъ и возстановить въ себѣ въ свою вторую природу. Этимъ свободнымъ возвышеніемъ невинности въ нравственность ничего не пріобрѣтается матеріально; добро природы и въ этомъ отношеніи, въ своемъ недостижимомъ совершенствѣ, далеко возвышается надъ произведеніями свободы; но не смотря на это, нравственность, въ сравненіи съ добромъ природнымъ, есть опять столь высокій успѣхъ, что онъ далеко искупаетъ то

зло, цѣною котораго большею частію приобрѣтается. Успѣхъ этотъ заключается въ разумной и свободной формѣ, въ какой возстановляется законъ природы.

И такъ *природа* и *характеръ*, съ практической стороны, суть *два полюса* человѣческой сущности и жизни, какъ со стороны теоретической — законоопредѣленность и разумѣніе. Какъ свободнымъ развитіемъ сознанія въ творествѣ и мышленіи законоопредѣленность преобразуется въ разумѣніе, такъ свободою выбора природа человѣка мало по малу превращается въ характеръ. Но въ этомъ переходѣ есть еще *средняя степень*, — *врожденное расположеніе*, которое мы постараемся отличить отъ тѣхъ обоихъ полюсовъ.

§ 262.

Подъ именемъ *природы* человѣка, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мы разумѣемъ все то, что въ бытіи его опре-

дѣляется безотчетною необходимостію и предустановленнымъ закономъ. Когда природа человѣка пробуждается къ ощущенію, уже и тогда она, хотя не необходимо, однакожь очень скоро, перестаетъ быть чистою, первоначальною природою. Она остается еще чистою природою въ способности чувствованій, или въ ощущающемъ себя возбужденіи, но тотчасъ удовольствіе и боль пробуждаютъ въ немъ произволъ, и тогда стремленія, опредѣляемыя закономъ природы, принимаютъ свободныя измѣненія и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаютъ быть чистою природою. Природа человѣка, однимъ словомъ, состоитъ въ его различныхъ *возбужденіяхъ* и ихъ естественныхъ стремленіяхъ. Она есть еще чистая невинность, добра и справедлива и остается въ первоначальномъ порядкѣ; это рай человѣка, переживающій поверхностное паденіе его, и потому его должно отъ-

искивать не только въ глубинѣ исторіи, но и въ глубинѣ человѣческаго существа.

Напротивъ того *характеръ* есть постоянное самообразованіе свободной воли, осадка ея послѣдовательнаго образа дѣйствованія, истинный итогъ въ книгѣ внутренняго судилища, въ которой временный образъ дѣйствованія отпечатлѣвается живыми чертами, есть, словомъ сказать, какъ бы память свободной воли. Въ существѣ своемъ характеръ есть правило, обратившееся во внутреннюю рѣшимость воли, нравъ, сдѣлавшійся второю природою. Но какъ возвратъ свободной воли къ необходимости имѣть задачею — преобразовать законъ природы въ законъ нравственный, возвысить повинность въ нравственность; а эта задача рѣшается свободно, и слѣдовательно часто бываетъ также отвергаема и извращаема, то характеръ раскрываетъ

26.

ся въ строгую нравственную противоположность, — любовь къ добру и наклонность къ злу, — *добродѣтели и пороки.*

§ 263.

Кромѣ возбужденій съ ихъ слѣпо необходимыхъ стремленіями, съ одной стороны, и кромѣ добродѣтелей и пороковъ съ другой — есть еще значительное число стремленій сознательныхъ и произвольныхъ, какъ то: желанія и наклонности, страсть и любовь, которыхъ положеніе еще неопредѣлено, и потому ихъ столько же часто относятъ къ природѣ, сколько и къ характеру. Они-то составляютъ искомую *среднюю степень* между природою и характеромъ, — именно *природное расположеніе*, потому что оно составляетъ какъ *главный элементъ внутренно-опредѣляемой воли*, такъ и *исходный пунктъ воли свободной.*

Эти стремленія природнаго распо-

женія не суть чистыя произведенія *природы*, или непосредственное и чистое проявленіе ея самовозбужденія: это открывается уже изъ того, что они сознательны и ощутительны, между тѣмъ какъ самовозбужденіе природы слѣпо и безчувственно; а еще болѣе—изъ того, что они имѣютъ произвольное и вмѣняемое участіе въ добрѣ и злѣ, а природное самовозбужденіе невинно и чисто, ни добраго, ни злаго свойства.

Если пожеланіе и страсть, склонность и любовь нельзя отнести къ чистымъ проявленіямъ самовозбужденія природы, то съ другой стороны, не можно отнести ихъ и къ характеру въ строгомъ смыслѣ слова. Правда, они суть внутренно опредѣляемыя проявленія свободной воли, суть стремленія, которыхъ она сама виною: однако они не суть *положительное* произведеніе самой воли, какое разумѣемъ мы подѣ

именемъ характера въ строгомъ смыслѣ; они развиваются въ ней и утверждаютъ ся по поводу внѣшнихъ раздраженій, впрочемъ, не безъ ея допущенія; они суть болѣе страданіе, чѣмъ дѣйствованіе свободной воли, такъ что она бываетъ только *отрицательною* ихъ виною. Пожеланія и страсти, склонность и любовь только усвояются волею, которая по своей свободѣ могла образоваться иначе, но позволила себѣ увлечься ими, и становятся ея принадлежностію—съ одной стороны оттого, что она предалась ощущенію удовольствія въ естественномъ возбужденіи, съ другой—потому, что покорилась силѣ внѣшняго раздраженія и побужденія.

§ 264.

Характеръ и природное расположеніе вмѣстѣ составляютъ элементъ необходимости въ человѣческомъ дѣйствованіи,—естественной и нравствен-

ной. Однакожь они еще не опредѣляютъ нашей дѣятельности безусловно, и все еще *не исключаютъ свободы выбора*; напротивъ, будучи положительнымъ или отрицательнымъ произведеніемъ ея, сами подлежатъ постепенному преобразованію съ ея стороны, такъ что свободная воля въ каждое мгновеніе всецѣло бываетъ полною ихъ виновницею, потому что она не только сама образовалась въ нихъ, но и въ каждое мгновеніе могла бы начать новое самообразование. Свободная воля никогда не теряетъ способности—по своему произволу отторгаться отъ каждаго принятаго направленія, какъ бы далеко она ни увлеклась имъ, и совершенно отъ самой себя начинать новый образъ дѣйствованія.

§ 265.

Какъ въ добръ, такъ и въ зль, конечно, заключается нѣкоторая постоян-

но возрастающая *необходимость* дѣйствовать такъ или иначе. Воля, увлеченная зломъ, именно зломъ природнаго расположенія, т. е. пожеланій и страстей, становится тѣмъ равнодушнѣе и неспособнѣе къ добру, чѣмъ болѣе раздражается чувственность, воспаляется своеволие, ослабѣваетъ нравственное возбужденіе, и чѣмъ болѣе свободная воля свыкается съ принятымъ направлениемъ. Съ другой стороны, есть, къ счастію, и внутреннее утвержденіе въ добръ, именно въ добръ характера, и это утвержденіе тѣмъ болѣе возвышается надъ возможностью отпаденія, чѣмъ болѣе развивается въ волѣ нравственное возбужденіе, чѣмъ болѣе умѣряются и укрощаются низшія пожеланія и свободная воля укрѣпляется въ навыкъ къ добру. Однако же, и по свидѣтельству опыта и по существу дѣла, *нѣтъ ни совершеннаго утвержденія въ добръ,*

ни совершеннаго порабощенія злу; и ригористическое раздѣленіе людей на чисто добрыхъ и злыхъ,—на ангеловъ и дьяволовъ, рѣшительно ложно, потому что оно нигдѣ не имѣетъ приминенія, такъ какъ все человѣчество заключаетъ въ срединѣ между этими крайностями.

И такъ, кромѣ внутренно-опредѣляемаго самохотѣнія, основывающагося на природномъ расположеніи и характеръ, есть еще въ человѣческой воли способность въ каждое мгновеніе опредѣлять саму себя, по которой воля можетъ или продолжать свое внутренно-опредѣляемое самохотѣніе въ свободномъ дѣйствованіи, или же противодѣйствовать ему и принимать противоположное направленіе. Чрезъ это свободная воля пріобрѣтаетъ способность видоизмѣнять и преобразовывать свой характеръ и даже свое природное расположеніе,—что безъ сомнѣнія не есть

дѣло одной минуты; но все же мы имѣемъ право вмѣнять человѣку его характеръ и его природное расположеніе, какъ нѣчто отъ него зависящее.

Такъ, по нашему понятію, уравниваются и примиряются детерминизмъ и индетерминизмъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое психологическое основаніе.

ГЛАВА IV.

ПРИРОДНОЕ РАСПОЛОЖЕНІЕ.

§ 266.

Природное расположеніе есть природа человѣка, которая не только пробудилась къ ощущенію, но и пришла въ возможность принимать произвольныя направленія. Этою возможностью произвольныхъ направленій природное расположеніе отличается отъ способности чувствованій, которая есть природа, достигшая только самоощущенія. Природ-

ное расположеніе есть дальнѣйшая степень въ развитіи возбужденій, непосредственно примыкающая къ способности чувствованій, и отличается отъ послѣдней только тѣмъ, что въ ней начинается пробуждаться произволь.

Въ своей основѣ природное расположеніе все еще есть *возбужденіе природы*, а потому его желанія и страсти, его склонность и любовь, суть не иное что, какъ естественныя же стремленія возбужденій, которыя содѣлались ощутительными, и въ этомъ состояніи то чрезмѣрно раздражаются, то развиваются нормально, то стѣсняются и подавляются. Какъ скоро естественныя стремленія возбужденій становятся ощутительными, то вмѣстѣ съ ними пробуждается чувство удовольствія и неудовольствія, и начинается искушать произволь, возникшій въ природномъ расположеніи; это чувство побуждаетъ насъ

отвращаться отъ непріятнаго напряженія и подавлять въ себѣ тѣ возбужденія, которыя того требуютъ, а напротивъ, — предаваться неумѣреннымъ наслажденіямъ и неестественнымъ огнемъ пожеланій воспламенять тѣ возбужденія, которыя ихъ доставляютъ.

Хотя въ природномъ расположеніи воля сдѣлалась свободною и произвольною, однако она подпадаетъ большею частию только отрицательной винѣ за то, что она увлекается имъ и предается ему: она раба внѣшнихъ раздраженій и внутренняго вожделѣнія. Впрочемъ, природное расположеніе отчасти подпадаетъ и положительной винѣ, потому что воля не только предается ему и увлекается имъ, но и самодѣтельно преслѣдуетъ свое пожеланіе, насильственно пролагаетъ ему путь во внѣшность, а внутри подавляетъ и вытѣсняетъ всякій стыдъ и страхъ, всякое сопротивленіе своей

остальной, доброй природы и своей совѣсти. А чрезъ это—природное расположеніе превращается уже въ характеръ въ той мѣрѣ, какъ оно переходитъ изъ страданія въ дѣйствованіе; тогда и страсти становятся пороками. По причинѣ этого перехода природнаго расположенія въ характеръ, нельзя также провести между ними рѣзкой черты раздѣленія.

§ 267.

Частныя проявленія природнаго расположенія суть: *потребность, желаніе, возжеланіе и нехотѣніе, склонность и отвращеніе*. Это проявленія преходящія; постояннѣе — *страсть и любовь*.

Потребность есть стремленіе возбужденій, хотя ошутительное, однако еще произвольное и совершенно вѣрное природѣ. Въ ней дѣйствуетъ законъ природы съ строгою необходимостію, которая не подлежитъ вмѣненію. Оттого по-

требность не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія; она нравственно безразлична, и остается въ первоначальномъ состояніи невинности. Впрочемъ, по причинѣ своей осязательности потребность доступна для внѣшнихъ раздраженій, а потому, представляя точку соприкосновенія для раздражающихъ ее искушеній, легко переходитъ въ вождельніе и страсть.

Легчайшія, уже чувствомъ удовольствія или неудовольствія возбуждаемыя движенія природнаго расположенія называются *желаніями*. Это — случайно возникающее хотѣніе, которое возбуждается болѣе представленіемъ, нежели дѣйствительнымъ вліяніемъ раздраженій, и удовлетворяется даже однимъ воображаемымъ наслажденіемъ. Такого рода желанія суть дѣти фантазіи, порождаемыя при легкомъ движеніи осязательныхъ возбужденій. Впрочемъ, часть же-

ланій составляютъ и дѣйствительныя вождельнія и наклонности, но которыя не могутъ осуществиться и потому не столь сильны.

При живѣйшемъ чувствѣ удовольствія, возбуждаемомъ внѣшними раздраженіями, рождается *вождельніе* и *наклонность*. Для того, чтобы они могли произойти, раздраженіе это должно пробудить предчувствіе наслажденія, довольно сильное для того, чтобы ему превратиться въ рѣшительное хотѣніе. Вождельніе и наклонность суть хотѣніе, чувствомъ удовольствія увлекаемое къ дѣйствованію съ такою силою, что оно тотчасъ устремилось бы къ своей цѣли, еслибъ не встрѣчало препятствія въ свободной волѣ или привычкѣ. Предчувствіе неудовольствія пораждастъ нехотѣніе и отвращеніе, которыя также рѣшительно или уклоняются отъ извѣстнаго предмета, или его отталкиваютъ.

§ 268.

Чѣмъ чаще возбужденіе проторгается въ вождельніе и наклонность, чѣмъ болѣе даютъ имъ свободы и раздражаютъ ихъ удовлетвореніемъ, тѣмъ болѣе они дѣлаются постоянными и привычными. Постоянное пожеланіе называютъ *страстію*, постоянную наклонность — *любовью*. Страсть и любовь суть постоянныя стремленія, подобно какъ и возбужденія, въ которыхъ они развиваются; различаются же отъ нихъ частію своимъ несравненно ошутительнѣйшимъ стремленіемъ, частію своимъ произвольнымъ и предметнымъ направленіемъ, потому что они направлены къ частнымъ и особымъ предметамъ и наслажденіямъ, или по крайней мѣрѣ къ извѣстнымъ видамъ ихъ, между тѣмъ какъ возбужденія направлены только къ цѣлому ихъ роду.

Впрочемъ , страсть и любовь, подобно

вождедѣніямъ и наклонностямъ, собственно и не отличны отъ возбужденій; онѣ не только происходятъ въ нихъ, но суть частію преходящія, частію постоянныя преобразованія самыхъ же возбужденій, въ которыхъ онѣ сдѣлались только ощутельнѣе, и побуждаемыя удовольствіемъ, приняли произвольное и предметное направленіе.

Страсти (*Leidenchaften*) должно отличать отъ душевныхъ порывовъ (*Affecte*) или сильнѣйшихъ степеней чувствованія; первыя относятся къ послѣднимъ такъ, какъ продолжительнѣйшія стремленія основныхъ возбужденій къ ихъ скоропреходящимъ потрясеніямъ.

§ 269.

Добро природнаго расположенія состоитъ въ умѣренности низшихъ и нормальной живости высшихъ возбужденій; а *зло* — въ чрезмѣрномъ раздраженіи первыхъ и подавленіи послѣднихъ.

Низшія возбужденія суть возбужденія частныя, которыя принадлежатъ индивидуальной сторонѣ человѣка и ее поставляютъ своею цѣлію; напротивъ того *высшія* суть обще-человѣческія, которыя въ человѣкѣ принадлежатъ человечеству и поставляютъ своею цѣлію общее человѣческое благо, или по крайней мѣрѣ, благо и другихъ людей кромѣ индивидуума. Низшія, индивидуальныя возбужденія суть чувственныя и эгоистическія; а къ высшимъ, обще-человѣческимъ принадлежатъ возбужденіе теоретическое, эстетическое и сердечное, религіозное и нравственное.

Между низшими и высшими возбужденіями имѣетъ мѣсто совершенная противоположность: чѣмъ болѣе возрастаетъ воспріимчивость къ внѣшнимъ раздраженіямъ въ высшихъ, тѣмъ больше упадаетъ она въ низшихъ, и наоборотъ.

Наклонность и любовь къ благороднѣйшимъ наслажденіямъ пробуждаютъ отвращеніе къ низкимъ удовольствіямъ и даже могутъ погасить нечистый огонь, воспламеняющійся въ низшихъ возбужденіяхъ, какъ бы отвлекая отъ нихъ душевную силу воли и слѣдовательно отнимая у нихъ нищу. И съ другой стороны, раздраженіе низшихъ возбужденій подавляетъ воспріимчивость высшихъ, потому что душа, чѣмъ болѣе предается низшимъ возбужденіямъ, тѣмъ болѣе отвлекается отъ высшихъ, и погрязая въ низшихъ наслажденіяхъ, притупляется для высшихъ.

§ 270.

Наклонность и любовь суть нормальная мпра, до которой всякое возбужденіе можетъ и должно смягчаться и раскрываться, потому что таково всеобщее назначеніе нашей природы, чтобы слѣпую необходимость ея возбужденій прев-

27.

образовать въ сознательную склонность и свободную любовь. Но этой нормальной мѣры смягченія и развитія, при настоящемъ состояніи человѣческой природы, высшія возбужденія рѣдко достигаютъ; а низшія—по большей части уже переступаютъ ее. Именно, въ низшихъ возбужденіяхъ какъ бы по нѣкоторой необходимости (которую впрочемъ свободная воля должна ограничивать), бываетъ то, что внѣшнее раздраженіе возбуждаетъ въ насъ чрезмѣрные пожеланія, а наслажденіе предметомъ этихъ пожеланій возбуждаетъ неестественный огонь похотѣнія: такое неумѣренное пожеланіе есть уже вожделѣніе, а неумѣренное похотѣніе—страсть. Чрезмѣрное же усиленіе низшихъ возбужденій необходимо сопровождается упадкомъ высшихъ, почему рѣдко и только съ трудомъ они возвышаются до наклонности и любви.

Это *чрезмѣрное преобладаніе низшихъ возбудженій*, конечно, *есть зло*, которое должно искоренять: однакожъ *не справедливо признавать ихъ сами по себѣ злыми* и началомъ зла. Они первоначально положены въ *человѣческой природѣ*, и потому въ самомъ основаніи своемъ не могутъ быть злыми: они становятся такими, только выходя изъ *нормальнаго подчиненія высшимъ возбужденіямъ*. А потому надлежащее, соразмѣрное развитіе и низшихъ возбудженій не можетъ быть *противно намѣренію Творца*. Назначеніе *человѣческой природы* есть — развиваться во *всѣхъ своихъ сторонахъ*, но только въ *порядкѣ, сообразномъ съ естественнымъ закономъ добра*. †

§ 271.

Такъ какъ *низшія возбужденія* сами въ себѣ не суть злы, но, будучи *существеннымъ элементомъ* *человѣческой природы*, въ своемъ основаніи *добры и способны*

къ доброму употребленію, то и ихъ *нормальное развитіе*, именно пока оно придерживается мѣры опредѣленной естественнымъ закономъ, составляетъ *добро* природнаго расположенія. Но какъ это развитіе происходитъ само собою, и вообще не предписано закономъ, а только дозволено, то въ нравственномъ отношеніи оно имѣетъ цѣну только *отрицательнаго добра*. За то, будучи способны къ добру только отрицательному, низшія возбужденія составляютъ, съ другой стороны, богатый корень *положительнаго зла* въ природномъ расположеніи, именно корень вожделѣній и страстей, воспламеняющихся до неумѣреннаго похотѣнія.

Тогда какъ *нормальное развитіе* низшихъ возбужденій даетъ человѣку только отрицательное нравственное достоинство, развитіе *высшихъ* возбужденій до возможно живѣйшей склонности

и любви, предписанныхъ закономъ, даетъ человѣку достоинство положительное, составляетъ *положительное добро* природнаго расположенія. Напротивъ того, слишкомъ обыкновенное ихъ подавленіе составляетъ въ немъ зло только *отрицательное*.

**І. ПРИРОДНОЕ РАСПОЛОЖЕНІЕ ЧУВСТВЪ
ВОЗБУЖДЕНІЙ:**

а) Возбужденій чувственныхъ.

§ 272.

По мѣрѣ того, какъ душа въ различныхъ тѣлесныхъ отправленіяхъ ощущаетъ саму себя и ощущеніемъ нисходитъ въ тѣлесную жизнь, жизнь эта бываетъ способна возбуждаться къ чувственнымъ пожеланіямъ. Это имѣетъ мѣсто во всѣхъ трехъ главныхъ процессахъ тѣла, — питаніи, раздражимости мышцъ и ражданіи; а слѣдовательно въ

каждомъ изъ этихъ трехъ процессовъ мы должны различать особеннаго рода потребности, пожеланія и страсти. Самое ошутительное отправленіе есть половое; весьма сознателенъ и ошутителенъ также процессъ питанія, по крайней мѣрѣ на своей вершинѣ, — во вкусѣ; наименѣе подлежитъ ошущенію раздражимость мышцъ: такая же постепенность энергіи и живости находится и въ желаніяхъ и страстяхъ, соотвѣтствующихъ этимъ тремъ процессамъ.

§ 273.

а) Наименѣе возбуждается душа къ пожеланіямъ въ *произвольномъ движеніи членовъ*; впрочемъ, и здѣсь, послѣ продолжительнаго напряженія одной и той же отрасли мышцъ, раждается *потребность покоя*, равно какъ послѣ продолжительнаго покоя пробуждается, хотя не столь настоятельная и не столь непосредственно ошущаемая, *потреб-*

ность движенія. Потребность движенія, по этому, не такъ легко превращается въ пожеланіе, въ безпокойную подвижность; и на самой высшей степени она обыкновенно открывается только *бодростію и живостію.* Напротивъ того, потребность покоя, по особенной пріятности его сопровождающей, легко переходитъ въ склонность къ покою и даже въ желаніе покоя и бездѣйствія, которое, дѣлаясь постояннымъ, переходитъ въ *лѣность.* Лѣность есть страсть и принадлежитъ природному расположенію, такъ какъ она происходитъ только изъ слабости воли, предающейся бездѣйствію.

б) Потребности въ процессъ *питанія* суть: *апетитъ, голодъ и жажда.* Эти явленія суть и тѣлесныя ощущенія, и чувственныя желанія, только въ различныхъ отношеніяхъ: какъ тѣлесныя состоянія, они суть ощущенія,

а по направленію къ предметамъ своего удовлетворенія суть желанія. Всѣ эти желанія происходятъ нормальнымъ образомъ безъ побужденій удовольствія, по одному закону природы, и потому суть *потребности*. Впрочемъ эти желанія легко обращаются въ вожделѣнія. Пожеланіе, возбужденное чувствомъ удовольствія и увлеченное къ выбору яствъ, прегрупающему требованія природы, есть *прихоть*. Естественное отвращеніе отъ какого либо рода пищи или питія есть *брезгливость*, а своевольное и прихотливое отвращеніе называется *переборчивостію*; прихоть обратившаяся въ страсть есть *лакомство*. Постоянный голодь есть *прожорство*, постоянная жажда — *страсть къ пьянству*.

в) *Половое возбужденіе* является въ самыхъ различныхъ формахъ вожделѣнія, именно въ болѣе или менѣе гру-

быхъ или тонкихъ, открытыхъ или скрытныхъ. Вождельнiе *воспламеняемое* нечистыми образами фантазiи называется *похотию*. Ея постоянное раздраженiе есть страсть, именно *любострастiе*; когда это послѣднее чрезмѣрно раздражается, то становится *неистовствомъ похоти*, а когда обнаруживается открыто, то называется *безстыдствомъ*.

- б) Природное расположенiе эгоистическихъ возбужденiй.

§ 274.

Еще обильнѣйшимъ источникомъ сильныхъ вождельнiй и страстей служить возбужденiе *эгоистическое*, или, какъ правильнѣе называется оно въ своей первоначальной чистотѣ, *возбужденiе къ самосохраненiю*.

- а) Непосредственнѣйшее проявленiе воли въ этомъ возбужденiи, еще совершен-

но согласное съ закономъ природы, есть потребность свободы и значенія въ кругу общежитія, — это *чувство свободы и права*. Чувство свободы есть вообще стремленіе удерживать независимое значеніе въ своемъ кругу; а чувство права есть опредѣленнѣйшая форма, какую принимаетъ это стремленіе въ предѣлахъ общежитія. Оба эти чувствованія въ основаніи суть одно и тоже стремленіе, только первое есть еще неопредѣленное стремленіе естественнаго состоянія, а послѣднее — есть стремленіе, ограниченное и опредѣленное отношеніями общежитія.

Чувство свободы въ своемъ нормальномъ развитіи есть *любовь къ свободѣ*, а въ чрезмѣрномъ раздраженіи — *либерализмъ*. По своей неограниченности, эта страсть слишкомъ мало уважаетъ свободу и права другихъ и расширяетъ свое собственное значеніе на счетъ сво-

боды и правъ ближнихъ; тогда она становится *властолюбіемъ* и *насильствомъ*.

Чувство права стоитъ за права своего образа мыслей, своей воли и своего имущества. Несправедливое вторженіе въ эти права, оно то переноситъ съ *кротостію* и *великодушіемъ*, то раздражается до *гнѣва* и *мстительности*. Оно защищаетъ свои права то *рѣшительностію* и *твердостію*, то *прѣніемъ* и *сварливостію*.

б) Возбужденіе къ самосохраненію переходитъ также въ *чувство собственности*, въ стремленіе къ сохраненію и умноженію своего имущества. *Позволительны* и даже достойны похвалы *бережливость* и *промышленность*, но только онѣ не должны обращаться въ *корыстолюбіе*, *скупость* и *любостяжательность*.

§ 275.

в) Отдаленнѣйшее проявленіе эгои-

стического возбужденія есть *наклонность къ чести*, или къ значенію своей личности въ сужденіи и чувствованіи другихъ. Впрочемъ, хотя эта наклонность собственно имѣетъ цѣль эгоистическую, однако же по своему отношенію къ другимъ людямъ, она принимаетъ обще-человѣческій, высшій характеръ, нежели простое самолюбіе. Оттого и высшія ея степени, — пожеланіе и жажда чести, въ общественномъ мнѣніи стоятъ выше, нежели чисто-эгоистическія вожделѣнія и страсти; онѣ составляютъ переходъ къ положительно добрымъ наклонностямъ высшихъ возбужденій, и имѣютъ значеніе полунравственныхъ побужденій воли.

Противоположность этой наклонности есть *безстыдство* и *низость*, которыя равнодушно и даже съ нѣкоторымъ стремленіемъ къ нравственному самоуничиженію подвергаютъ себя позору. Безстыд-

ство есть только равнодушіе къ безчестию, а низость какъ бы ищетъ его и умышленно выставляетъ себя на позоръ.

Наклонность къ чести раздѣляется на *честолюбіе* и *славолюбіе*, изъ которыхъ послѣднее стремится къ обширнѣйшему кругу извѣстности, а первое довольствуется извѣстностію въ ближайшемъ къ себѣ кругу. Воспламеняясь въ страсть, честолюбіе становится *жаждою чести*; а славолюбіе — *жаждою славы*.

Всѣ эти пожеланія и страсти, поражаемая наклонностію къ чести, представляютъ какъ бы внѣшнюю ея сторону, — ея видоизмѣненія относительно другихъ. Но большее или меньшее значеніе въ сужденіи другихъ обыкновенно снова отражается въ нашемъ чувствованіи и въ происходящемъ оттуда настроеніи воли. Отсюда постоянное *самоуваженіе*, внушаемое или дѣйствительнымъ

или воображаемымъ сужденіемъ о насъ другихъ. Самоуваженіе, увѣренное во внѣшнемъ своемъ значеніи, называется *самочувствіемъ* или *самоувѣренностію*. Извѣстная мѣра самоуваженія не только позволительна, но даже нужна въ обществѣ. Самоувѣренность образованныхъ людей, если не внутренно, то по крайней мѣрѣ наружно удерживаетъ себя въ предѣлахъ *скромности*. Переступая эту мѣру она становится *притязаніемъ*; грубое и наглое притязаніе есть *дерзость*; пустое притязаніе называется *спльсю*; самочувствіе соединенное съ желаніемъ нравиться—есть *тщеславіе*. Возвышаясь надъ другими, самочувствіе, пока скрывается внутри, бываетъ *высокомльріемъ*, а когда обнаруживается, то становится *гордостію*.

Любовь къ чести, сравненіемъ себя съ другими раздражаемая до напряженія, обращается въ *соревнованіе*.

2. ПРИРОДНОЕ РАСПОЛОЖЕНІЕ ВЫСШИХЪ
ВОЗБУЖДЕНІЙ.

§ 276.

Подъ именемъ высшихъ возбужденій мы разумѣемъ частію *святыя* возбужденія: нравственное и религіозное; а частію тѣ изъ *естественныхъ*, которыя имѣютъ своею цѣлію благо всего человѣчества, или по крайней мѣрѣ и другихъ людей кромѣ индивидуума, именно: возбужденіе теоретическое, эстетическое, сердечное и симпатическое.

а) Возбужденія естественныя, или жироуыя.

а) Наклонности *теоретическаго* возбужденія и въ своей постоянной формѣ называются желаніями; напримѣръ, ревность къ познанію и истинѣ называется *желаніемъ знанія*, или *любопытностію*. Слово: *желаніе* озна-

часть здѣсь не что либо преходящее, а постоянную, и притомъ нормальную степень стремленія, въ отличіе отъ страсти. Любознательность, если угодно, бываетъ даже страстію, но эта страсть, вкореняясь въ высшемъ возбужденіи, не подвергается осужденію. Только призракъ любознательности носитъ на себѣ *любопытство*, занимающееся новостями безъ цѣли.

б) *Наклонность эстетическаго возбужденія* обнаруживается расположенностію къ различнымъ искусствамъ. Любовь къ изящному возвышается до художническаго воодушевленія. Чувство и вкусъ къ изящному въ общежитіи называется *образованностію*, въ противоположность *грубому и пошлому вкусу*. Первый есть недостатокъ образованности, а послѣдній ея прямая противоположность, именно нелѣпость въ образѣ мышленія и дѣйствованія.

в) *Сердечное возбужденіе* раскрывается различными стремленіями, как-вы: *томительное желаніе, склонность и отвращеніе, любовь и ненависть*, которыя, какъ проявленія столько же чувствованія, сколько и воли, упомянуты были и выше, между чувствованіями. Всѣ эти стремленія безкорыстны. Безкорыстный характеръ ихъ заключается именно въ томъ, что они свое побужденіе имѣютъ не въ какомъ либо стороннемъ чувствованіи, а въ себѣ самихъ.

Любовь, по различію общежительныхъ связей, принимаетъ различныя формы. Самая сильная любовь соединяетъ родителей и дѣтей; съ уменьшающею силою продолжается она въ любви братской и въ любви родственной. Живѣйшая любовь воспламеняется между обоими полами, и потому *половая любовь* называется по преимуществу

28.

любовію; она дѣлается исключительною въ *ревнивости*. Спокойнѣе, но ни мало не слабѣе чувство *дружбы*. Отношеніе подчиненности особеннымъ образомъ видоизмѣняетъ любовь: видоизмѣняетъ любовь начальствующихъ въ *благоволеніе, благосклонность и милость*, а любовь подчиненныхъ — въ *привязанность и преданность*. Благодарность есть привязанность возбужденная полученными благодѣянiями; по неизбѣжному, почти тягостному отношенію подчиненности облагодѣтствованнаго, она сама бываетъ болѣе или менѣе тягостна, смотря по меньшей или большей деликатности благотворителя; отсюда частая, не рѣдко весьма понятная *неблагодарность*. Чѣмъ болѣе круги любви расширяются, тѣмъ болѣе она теряетъ силы, такъ напримѣръ въ *доброжелательствѣ* къ чужимъ, близко не связаннымъ съ нами лицамъ, или — въ

любви къ человечеству вообще. Только любовь къ отечеству, любовь къ родинѣ можетъ быть еще тѣмъ сильнѣе, чѣмъ разнообразнѣе корни ея. Любовь становится добродѣтелию въ вѣрности. Противоположность доброжелательства есть *непріязненность, человеконенавидѣніе*. Въ тѣснѣйшихъ кругахъ, чувству склонности противопоставляется сильнѣйшее чувствоваціе *отвращенія, любви—ненависть, дружеству—вражда*. При чемъ одни сердца бываютъ *мягче*, другія—*непримиримѣе*.

г) Въ *симпатическомъ* возбужденіи любовь раскрывается *участіемъ* въ радости и печали ближняго; ненависть напротивъ, *завистію* и *недоброжелательствомъ* къ счастью и злобною радостію при несчастьи ненавистнаго лица. Злобная радость можетъ соединяться съ насиліемъ и тогда она составляетъ одну изъ ужаснѣйшихъ чертъ природы чело-

вѣка, — *жестокость*.

д) Въ самой даже *свободной волл*, кромѣ ея нравственнаго самообразованія въ характеръ, мы отличаемъ еще природное расположеніе, то есть прирожденное, только отрицательно вмѣняемое, совершенство или несовершенство. Первое есть *храбрость*, а послѣднее — *робость*. Въ борьбѣ съ опасностями храбрость становится *смѣлостію*, а робость *боязливостію*. Оба эти качества относятся еще къ отдаленнымъ и неопредѣленнымъ опасностямъ. Когда опасность приближается и принимаетъ опредѣленнѣйшій видъ, то смѣлость рѣшительнѣе измѣняется въ *мужество*, а боязливость — въ *малодушіе*. Мужество переходитъ въ *отвагу*, но не рѣдко и въ *отвагу безразсудную*; боязливость и малодушіе впадаютъ не только въ *мнительность*, но и въ *трусость*.

в) Возбужденія святыхъ.

§ 277.

Святыхъ возбужденія, по своей природѣ и своему внутреннему основанію, стоятъ выше всѣхъ возбужденій естественныхъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и обще-человѣческихъ, потому что они суть не иное что, какъ подлежательное отраженіе и отблескъ Божества, пребывающаго въ человѣческомъ духѣ. Оттого святыхъ возбужденія имѣютъ для него безусловную обязательную силу, такъ какъ и владыка человѣческой природы требуетъ безусловнаго себѣ повиновенія. Этимъ же объясняется и назначеніе ихъ, — подчинить себѣ всѣ возбужденія человѣческой природы, покорить ихъ въ служеніе своимъ цѣлямъ и освятить ихъ собою.

Но съ другой стороны, они собственно не суть какія либо особыя возбу-

жденія, находящіяся подлѣ и выше естественныхъ, а суть общее стремленіе всѣхъ естественныхъ же возбужденій—преобразоваться въ форму высшую, чѣмъ просто-естественная. Святые возбужденія не имѣютъ для себя, какъ естественныя, особеннаго, исключительнаго содержанія; содержаніе ихъ составляютъ тѣже возбужденія, только въ другой, высшей формѣ. *Нравственное* возбужденіе направлено къ разумному и свободному возстановленію всѣхъ возбужденій природы. *Возбужденіе религиозное*, по видимому, имѣетъ свой особенный предметъ, именно Божество и Его непосредственное, вседѣйствующее вездѣприсутствіе, и потому должно бы, кажется, раскрываться отдѣльно и уединенно, исключительнымъ стремленіемъ къ Божественному,—въ благочестіи. Но на самомъ дѣлѣ, и благочестіе должно незамѣтно проходить чрезъ всю человѣческую природу

и проникать во все явленія ея жизни, — быть подобно нравственности, особеннымъ только по своей *формѣ*, именно *благочестивымъ* настроеніемъ и какъ бы основнымъ тономъ *всего* образа мыслей и чувствованій. При исключительномъ стремленіи къ Божественному благочестіе обыкновенно искажается и впадаетъ въ заблужденіе *изступленія*, *мистицизма* и *фанатизма*, изъ которыхъ первое хвалится непосредственнымъ созерцаніемъ Божества, второй — необыкновеннымъ общеніемъ съ Нимъ въ чувствованіи, послѣдній — непосредственнымъ Ему служеніемъ.

Развитіе религіознаго возбужденія въ благочестіе совершается само собою, только дѣйствіемъ внѣшнихъ *вліяній*, напр. воспитанія, церковнаго наученія, обращенія и проч.; свободная воля при этомъ только или предается, или противится извѣстнымъ вліяніямъ, а

не прямо дѣлаетъ сама себя религіозною или нерелигіозною. Такъ какъ свободная *воля* не прямо содѣйствуетъ къ раскрытію благочестія, а остается здѣсь прямо только въ *страдательномъ положеніи*, то набожность во всемъ ея объемѣ должно отнести большею частію къ природному расположенію.

Напротивъ того, практическое развитіе нравственнаго возбужденія есть почти совершенно дѣло свободы: ви́шнія *вліянія* могутъ имѣть здѣсь только *второстепенное* значеніе, а *дѣятельное* участіе принадлежитъ *воли*, и потому нравственныя качества относятся къ характеру. Впрочемъ и нравственное возбужденіе также являетсяъ природнымъ расположеніемъ, котораго прямо, одною только рѣшимостію, воля не можетъ ни дать, ни отнять, ни даже измѣнить; она можетъ дѣйствовать на него хотя положительно, однакожъ не иначе какъ по-

средственно, именно чрезъ рядъ свободныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи можно говорить и о природномъ расположеніи нравственнаго возбужденія.

§ 278.

а) *Природное расположеніе нравственнаго возбужденія* есть его природная живость или безжизненность, чувствительность или безчувственность, — что называютъ *совѣстностію* и *безсовѣстностію*. Совѣстность не рѣдко утопчается до того, что дѣлается совѣстію *мнительною*, которая различіе между добромъ и зломъ старается уловить даже въ области нравственно-безразличныхъ предметовъ и тревожится излишними сомнѣніями даже относительно предметовъ позволительныхъ.

б) *Вѣрное природѣ и сообразное съ своимъ назначеніемъ развитіе религіознаго возбужденія* есть *благочестіе* или *религіозность*. Религіозность есть основ-

ный тонъ, который долженъ проходить чрезъ все существо и всю жизнь человека и сообщать ему свое высшее настроеніе. Но этотъ основной тонъ есть выраженіе безусловной зависимости, какое непосредственная и живая близость Божества сообщаетъ религіозному чувству.

Благочестивое преобразованіе всей воли вообще состоитъ, по этому, въ склонности—все что мы есть и чѣмъ можемъ быть, принимать какъ произведеніе и даръ Всемогущей Творческой силы. Человѣкъ религіозный пользуется своими силами, своими способностями, своими природными дарованіями, не какъ своею собственностію, а какъ залогомъ ввѣреннымъ ему благостию Всемогущаго,—такимъ залогомъ, въ которомъ онъ долженъ дать отчетъ и который можетъ онъ употреблять только по намѣренію и воли Верховнаго Властителя.

Это всеобщее настроеніе религіознаго возбужденія, въ соотвѣтствіе вышеозначеннымъ видоизмѣненіямъ благоговѣнія, опредѣленіе и частие образуется: съ одной стороны въ *уваженіе* къ высшему, священному достоинству челоѣка въ себѣ и другихъ, съ другой—въ *смирненное сознаніе* ничтожества существъ конечныхъ предъ Бесконечнымъ; съ одной стороны въ крѣпкое *упованіе* на Бога, среди грозныхъ переворотовъ жизни, а съ другой—въ непрекословную *преданность* водительство Божественнаго промысла.

Г Л А В А V.

Х А Р А К Т Е Р Ъ.

§ 279.

Подъ именемъ характера, въ тѣсномъ смыслѣ, мы разумѣемъ *постоянное самообразование свободы*, или что тоже, внутреннюю форму и опредѣленность во-

ли, которыя бываютъ осадкою ея свободнаго образа дѣйствованія и представляютъ собою качественный его итогъ. Въ этомъ строгомъ смыслѣ характеръ обнимаетъ собою только *добродѣтели* и *пороки* человѣка, потому что самообразование воли, какъ свободное возстановленіе закона природы, по самому существу своему не можетъ быть нравственно безразличнымъ, а должно быть непременно или добрымъ, или злымъ, и притомъ съ положительною, полною виною.

§ 280.

Въ философическомъ и богословскомъ нравственномъ ученіи встрѣчается главнымъ образомъ *два противоположныхъ понятія о добродѣтели*. Одно изъ нихъ усваиваетъ нравственное достоинство только свободному дѣйствию человѣка, а другое полагаетъ, что нравственное добро есть нѣчто реальное,

есть добро само по себѣ, обладаніе которымъ само въ себѣ заключаетъ свое достоинство, чье бы ни было это добро и какъ бы оно ни было приобрѣтено, нами ли самими, свободно, или нѣтъ. Явно, одно хвалить нравственное добро какъ вещь, другое — такъ сказать, только его приобрѣтеніе. Впрочемъ, эти два противоположныя опредѣленія нравственного достоинства даютъ еще мѣсто *третьему*, посредствующему понятію, которое хочетъ совмѣстить въ себѣ одно-стороннюю истинность обоихъ и которое поставляетъ высочайшее достоинство въ *самоприобрѣтенномъ добрѣ*, и слѣдовательно хотя также признаетъ добро чѣмъ-то реальнымъ, но вмѣстѣ полагаетъ, что оно свободно приобрѣтается и свободно удерживается.

§ 281.

Тѣ, которые все нравственное достоинство полагаютъ въ свободномъ дѣй-

ствіи, поставляютъ сущность нравственности въ обязанности и ея выполненіи. Добродѣтель сводятъ они къ возможно большему и непрерывному количеству добрыхъ, сообразныхъ съ обязанностію поступковъ, и заслугою, въ нихъ заключающеюся, опредѣляютъ нравственное достоинство человѣческой жизни. Они имѣютъ о нравственномъ добрѣ чисто *формальное* понятіе, утверждающееся на предположеніяхъ зыбкаго *индетерминизма*, по которому въ нравственной области нельзя пріобрѣсть какого-либо нравственного сокровища, а должно ограничиваться только однимъ дѣломъ пріобрѣтенія. Имъ извѣстно только преходящее средство добродѣтели, а не сама она, какъ постоянная цѣль выполненія обязанностей.

Этому взгляду прямо противорѣчатъ тѣ, которые при оцѣнкѣ человѣческаго достоинства за исходный пунктъ поста-

вляють верховное добро, какъ совершенно предлежа́тельный и реальный образецъ всякаго добра. Добродѣтель и нравственность, по ихъ понятію, есть просто участіе въ верховномъ благѣ, будетъ ли это участіе свободное и самопріобрѣтенное, или же оно сдѣлается удѣломъ человѣка безъ его содѣйствія. Тогда какъ первые придерживаются формальной стороны добродѣтели, эти послѣдніе придерживаются только *реальной*: взглядъ ихъ есть непосредственное слѣдствіе *детерминизма*.

Между этими двумя противоположностями занимаетъ средину *третье* понятіе, которое соединяетъ въ себѣ *реальное* и *формальное* мѣрило нравственности; не довольствуется однимъ пріобрѣтеніемъ, но и не усволяетъ всей цѣны одному только обладанію добромъ, а поставляетъ нравственное достоинство человѣческой жизни въ свободно прі-

обрѣтаемомъ, а потому единственно въ сознательномъ и дѣйствительномъ обладаніи реальнымъ нравственнымъ добромъ, однимъ словомъ, — въ добромъ характерѣ. Въ нравственности, по этому взгляду, человѣкъ обладаетъ добромъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ далъ его себѣ свободно и самъ. Даже природное расположеніе къ добру, — чтобы сдѣлать его своею нравственною собственностію, — онъ долженъ усвоить себѣ въ другой разъ. Еще болѣе: нравственнымъ добромъ можно обладать только до тѣхъ поръ, пока оно постояннымъ усиліемъ каждый разъ пріобрѣтается снова; потому что нельзя спокойно обладать этимъ добромъ, не простираясь въ дѣятельности впередъ. Этотъ посредствующій взглядъ сводитъ въ понятіе о добродѣтели сколько формальный элементъ перваго мнѣнія, столько же и реальный послѣдняго: онъ возможенъ только при *соединеніи дестер-*

минисма и индетерминисма.

Такой споръ относительно понятія о добродѣтели рѣшится у насъ легко и просто, и притомъ въ пользу послѣдняго, посредствующаго взгляда, если мы обратимъ вниманіе на матерію или содержаніе добра. Добро по своему содержанію, — какъ это ясно откроется при разсматриваніи частныхъ добродѣтелей, — есть не иное что, какъ законоопредѣленность человѣческой природы и ея возбужденій. Но это реальное и субстанціальное добро, само по себѣ, еще не имѣетъ *нравственнаго* достоинства, такъ чтобы обладающій этимъ добромъ заслуживалъ уваженіе потому только, что онъ имъ обладаетъ. Одно обладаніе имъ, по естественной необходимости, конечно, есть добро, но еще не добро нравственное, есть невинность, но не добродѣтель. Для добродѣтели требуется еще преобразование невинности и

естественнаго ея закона, со стороны ихъ формы, въ свободную любовь, которое совершается тогда, когда воля въ другой разъ воспринимаетъ ихъ въ себя, силу свободы.

§ 282.

Порокъ имѣетъ тотъ же, что и добродѣтель, формальный характеръ свободной и сознательной рѣшимости воли, — онъ есть *склонность ко злу*, происходящая отъ долговременнаго, худаго образа дѣйствованія. Мы принимаемъ это слово въ его полномъ, тягостномъ для сердца смыслѣ, какъ рѣшимость воли именно на зло, что ни говорили бы Гуманисты противъ возможности такого извращенія человѣческой природы. Въ этомъ-то собственно и заключается различіе между порокомъ характера и зломъ природнаго расположенія, что это зло есть только *допускаемая* слабость высшихъ возбужденій или допущенное пре-

обладаніе низшихъ; напротивъ порокъ есть *преднамыренное* ослабленіе первыхъ и чрезмѣрное усиленіе послѣднихъ.

§ 285.

Характеръ или свободное самообразованіе воли простирается на всю чело-
вѣческую природу. По этому мы будемъ различать *чувственный* и *духовный* характеръ, изъ которыхъ послѣдній долженъ еще подраздѣлиться на *характеръ сознанія* и *характеръ воли*.

Здѣсь мы на самомъ дѣлѣ укажемъ справедливость предложеннаго нами понятія о добродѣтели, по которому она есть свободно возстановленная законо-
опредѣленность челоѣческой природы. Въ этомъ случаѣ мы найдемъ въ себѣ столько же главныхъ добродѣтелей, сколько есть основныхъ возбужденій челоѣческой природы. Далѣе мы покажемъ, что эти добродѣтели, по своему содержанию, суть одно и тоже съ естествен-

ными законами возбужденій и превышаютъ ихъ только формою. Что касается до главныхъ добродѣтелей, признаваемыхъ древними, то *мужество* мы не относимъ къ числу добродѣтелей, такъ какъ оно, будучи добромъ въ природномъ расположеніи, есть формальное условіе столькоже порока, сколько и добродѣтели, слѣдовательно въ высшемъ смыслѣ оно нравственно безразлично. И *мудрость* только въ извѣстномъ отношеніи мы причисляемъ къ добродѣтелямъ; а въ обширнѣйшемъ значеніи, какъ разумѣніе, относимъ ее вообще къ формальнымъ основаніямъ характера.

1. ЧУВСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢКА.

§ 284.

Въ возбужденіи къ дѣятельности вообще, и частнѣе въ возбужденіи *мышцъ* имѣетъ мѣсто добродѣтель — *трудолюбіе*. Въ необходимыхъ душевныхъ отправле-

ніяхъ надлежащая дѣятельность непрерывно продолжается по самому закону природы; но въ произвольныхъ, утомляющихъ отправленіяхъ, имѣя нужду въ покоѣ, мы можемъ предаваться излишнему бездѣйствію: возстановлять усиліемъ и привычкою и въ этихъ отправленіяхъ естественный законъ соразмѣрной дѣятельности есть дѣло трудолюбія. Противоположный ему порокъ есть *лѣность*, или произвольная наклонность къ бездѣйствію.

Возбужденіе къ питанію показываетъ свою опредѣленную мѣру въ насыщеніи. Она зависитъ частію отъ естественнаго удовлетворенія, частію отъ пріобрѣтеннаго навыка, а частію наконецъ отъ свободнаго ограниченія пожеланій. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ добродѣтель *умпренности*, которая открывается тамъ, гдѣ не опредѣляютъ мѣры насыщенія ни естествен-

ное удовлетвореніе, ни навикъ. Противоположность умѣренности есть *невоздержаніе*; по большей части оно бываетъ страстію, которая по крайней мѣрѣ въ *пьянствѣ*, когда оно простирается до скотскаго уничиженія, переходитъ и въ порокъ.

Согласное съ природою развитіе *половаго возбужденія* по преимуществу называется *невинностію*; естественный законъ ея есть *стыдливость*, не столько внѣшняя, сколько внутренняя. Когда пробудится половое возбужденіе, то стыдливость сохраняется или же возстанавливается въ добродѣтеляхъ *чистоты* и *цѣломудрія*; тогда половое отправленіе подчиняется, какъ средство, высшимъ *цѣлямъ*, именно любви и вѣрности, а удовольствіемъ его наслаждается только въ чистомъ *сердечномъ союзѣ*. Напротивъ того *сладострастіе* самое плотское удовольствіе поставляетъ для себя

цѣлю, и въ *распутствѣ* даже хва-
стается своими непотребствами.

2. ДУХОВНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢКА.

а) Характеръ сознанія.

§ 285.

Естественное стремленіе возбужденія къ познанію, или что то же — сознанія въ его исполненномъ воли основаніи, есть *истина* и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: какъ согласіе внутренняго съ внѣшнимъ, и какъ согласіе внѣшняго съ внутреннимъ. Этотъ естественный законъ сознанія съ обѣихъ сторонъ становится ощутительнымъ въ *убѣжденіи* и *вкусѣ*. Чѣмъ чаще онъ пріятнымъ образомъ удовлетворяется, тѣмъ дѣлается чувствительнѣе и раздражительнонѣе; а по мѣрѣ того переходитъ онъ въ наклонность и любовь или къ познанію и наукѣ, или къ изяществу и искусству, и

такимъ образомъ становится ученостію и образованностію. Это естественная любовь, заключающаяся въ самой истинѣ и изяществѣ, которыя напечатлѣны въ нашей природѣ. Но эта любовь не есть еще любовь къ истинѣ, а есть только любовь самой *истины*, какъ законъ положенный въ насъ природою для истиннаго и изящнаго.

Но *естественная* любовь истины должна возвыситься въ *нравственную* любовь къ истинѣ. Преобразование это состоитъ въ томъ, что истина, которая, какъ естественный законъ, была *любящимъ субъектомъ*, въ нравственности становится *предметомъ любви*. Тамъ истина составляетъ начало, здѣсь — конецъ, тамъ побужденіе, здѣсь — цѣль; тамъ любовь стремится къ какому либо истинному или изящному предмету; а здѣсь сама истина дѣлается предметомъ наклонности и любви.

Подобное различіе имѣть мѣсто во всякомъ преобразованіи естественнаго добра въ добро нравственное: потому что добродѣтель вообще есть *сознательное и посредственное* возстановленіе добра природы, непосредственно намъ даннаго, въ высшемъ качествѣ. Такое различіе между естественнымъ добромъ и добродѣтелію мы находимъ и въ области чувственныхъ возбужденій: такъ бодрость и живость была любовію самой естественной дѣятельности къ движенію и труду, а трудолюбіе есть любовь къ этому естественному возбужденію дѣятельности; естественное насыщеніе было выраженіемъ самой мѣры, заключающейся въ возбужденіи къ питанію, а добродѣтель умѣренности есть любовь къ этой мѣрѣ; наконецъ стыдливость была любовію самой естественной сокровенности полового возбужде-

нія, а цѣломудріе есть любовь къ его сокрытію.

Не трудно понять, что добро природнаго расположенія, чрезъ такое преобразование можетъ и должно принимать совершенно другую форму. Уже и въ чувственной области замѣтно различіе между добромъ естественнымъ и нравственнымъ, хотя тамъ оба они имѣютъ одинакую форму проявленія, какъ на-прим. добродѣтель умѣренности и естественное насыщеніе; но въ чисто-духовной области это различіе гораздо замѣтнѣе; здѣсь добродѣтель получаетъ совсѣмъ другую форму проявленія, нежели добро природное. Непосредственный, конкретный характеръ природнаго расположенія и его естественныхъ стремленій здѣсь теряется, и добродѣтель принимаетъ болѣе важный и отвлеченный, и вмѣстѣ болѣе разумный и свободный характеръ.

Добродѣтель теоретическаго возбужденія есть **мудрость** или **любовь** вообще къ истинѣ для самой истины, а не любовь къ той или другой частной истинѣ, которая даетъ еще мѣсто невольному и полусознательному самообольщенію. Противоположность мудрости есть **глупость**, или намеренное и сознательное самоослѣпленіе относительно непріятной истины.

Несравненно самостоятельнѣйшую и отличнѣйшую отъ естественной формы явленія принимаетъ въ своемъ преобразованіи любовь къ другой сторонѣ истины, — къ истинѣ эстетической, — вѣрному изображенію внутренняго во внѣшнемъ. **Добродѣтель эстетическаго самовозбужденія** есть **правдивость**. И по естественному возбужденію душа стремится **вѣрно** выражать внутреннее во внѣшнемъ: когда же эту вѣрность изображенія

она свободно поставляетъ себѣ цѣлю, тогда она усвояетъ себѣ добродѣтель *правдивости*. Но въ этомъ нравственномъ преобразованіи эстетическій характеръ уже совершенно теряется, потому что изящное вообще принадлежитъ только области природы, и именно должно поникнуть и сокрыться, чтобы воскреснуть въ новомъ видѣ въ нравственности. Нравственность есть не иное что, какъ изящество невинности, возстановленное въ высшей формѣ; оттого вообще и называютъ ее красотою души и съ удовольствіемъ останавливаютъ на ней свои взоры. Въ частности откровенность, правдивость, чистосердечіе, добросовѣстность, прямодушіе, обращеніе чуждое лжи и коварства, — именно суть тѣ добродѣтели, которыя въ нравственно прекрасной душѣ мы созерцаемъ почти съ эстетическимъ наслажденіемъ, такъ что уже общее нравствен-

ное чувство какъ будто угадываетъ сродство этихъ добродѣтелей съ эстетическими возбужденіями.

§ 288.

Къ обнаруженію нашего внутренняго состоянія нѣтъ безусловнаго обязательства, и потому *откровенность* и *скрытность* въ нравственномъ отношеніи суть почти безразличная противоположность: только первая изъ нихъ имѣетъ достоинство общежительности, а послѣдняя — качество необщежительности. Но когда уже мы обнаруживаемъ себя, то обязаны соблюдать *истину* въ этомъ обнаруженіи, вѣрно выражать внутреннее во внѣшнемъ. Противоположность этой нравственной истинѣ есть *ложь*. Она бываетъ или отрицательнаго или положительнаго рода. Склонность къ той и другой называется *лживостію*, напротивъ любовь къ нравственной истинѣ — *правдивостію*. Выраженіе внутренняго имѣетъ

различныя формы, и потому мы различаемъ въ этой добродѣтели и этомъ порокѣ особенныя нѣкоторыя виды. Любовь къ истинѣ въ изустномъ выраженіи называется *правдивостію* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ; качество противоположное—*склонностію ко лжи*, также въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Истина въ обхожденіи съ другими есть *чистосердіе* и *прямодушіе*, ложь въ обхожденіи—*притворство*. Истина въ преслѣдованіи своей цѣли есть *честность*, а ложь въ выборѣ средствъ или утаеніи цѣли есть *хитрость* и *лукавство*, и если цѣли враждебны—*коварство*.

в) Характеръ воли.

§ 289.

Возбужденіе къ самосохраненію имѣетъ своимъ закономъ свое я, какъ цѣль для самаго себя, а своею мѣрою—права свои. Чѣмъ болѣе наше я въ

стремленіи къ самому себѣ увлекается за предѣлы, тѣмъ менѣе нравственность должна обращать вниманіе на его цѣли, а напротивъ, тѣмъ больше должна опредѣлять ихъ надлежащую мѣру. Впрочемъ, есть свободное и разумное притязаніе на свои личныя права, происходящее отъ уваженія къ самому себѣ: это *самостоятельность*, которая не недостойна имени добродѣтели; съ другой стороны, ея противоположное качество, *самоуниженіе*, не только презирають какъ слабость, но и запечатлѣваютъ именемъ порока.

Мѣра права принадлежитъ первоначально не возбужденію самосохраненія, а другой сторонѣ воли—признанію цѣлей ближняго: потому что право есть граница нашихъ притязаній и нашего полномочія, опредѣляемая нашими обязанностями относительно права другихъ. Такимъ образомъ добродѣтели, относя-

щіяся къ нашему собственному праву, тѣсно связаны съ добродѣтелями относящимися къ правамъ другихъ. Послѣднія суть *справедливость* и *снисхожденіе*, а первыя — *честность* и *благородство*.

§ 290.

Честность, такъ добросовѣстно, какъ будто бы этого требовалъ голосъ природы, наблюдаетъ ту границу собственного полномочія и своихъ притязаній, какая назначается нашими обязанностями относительно правъ ближняго; напротивъ благородство уступаетъ и такія права, на которыя оно могло бы имѣть притязаніе, или приносить такую жертву, какой не обязано приносить. Кто разширяетъ свои права далѣе ихъ границы, тотъ *неправъ*, и если онъ поступаетъ такимъ образомъ изъ мѣлкаго своекорыстія, то онъ дѣлается *подлымъ*.

Справедливость есть высшая, разум-

ная и свободная форма сердечной любви: уваженіе, а не одна только любовь къ другому, какъ цѣли для самаго себя. Въ сердечной любви другой какъ бы естественною властію навязываетъ намъ свою цѣль и побуждаетъ нашу волю споспѣшествовать ей; напротивъ того въ справедливости эта цѣль ближняго дѣйствуетъ на насъ, какъ нравственная сила, свободно нами признаваемая и уважаемая. *Несправедливость* бываетъ или наглая и открытая, или скрытная и притворная; въ послѣднемъ случаѣ она называется *обманомъ*. Уваженіе чужихъ правъ даже тамъ, гдѣ незамѣтно можно бы было получить выгоду на счетъ другаго, есть *честность*.

Такъ какъ предѣлы права не всегда можно точно и опредѣленно обозначить и узнать, то справедливость должно восполнять *снисходительностію*, которая предоставляетъ другому и такія

права, какихъ строго нельзя требовать;
между тѣмъ какъ *притязательность*
и сомнительную область между правымъ
и неправымъ всю обращаетъ въ соб-
ственную пользу.

ОБОЗРѢНІЕ.

Введеніе.	§§.
Понятіе о психологіи.	1.
Ея отношеніе къ другимъ, сроднымъ съ нею наукамъ.	2.
Источники психологіи и научное значеніе въ ней опыта.	3.
Трудность психологіи.	4.
Достоинство ея вышнее и внутреннее.	5.
Раздѣленіе психологіи.	6.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Ея содержаніе. . .	7.
--------------------	----

ГЛАВА I. РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ БЫТІЕМЪ

ТѢЛЕСНЫМЪ И ДУХОВНЫМЪ:

а) Со стороны способа познанія;	8.
Со стороны формы ихъ существованія: б) времени, в) пространства и г) ихъ совмѣстности; . . .	9.
Со стороны сущности ихъ: д) простоты или сложности;	10.
Со стороны дѣятельности: е) ея основы, ж) условій и наконецъ з) характера.	11.
Различіе бытія тѣлеснаго и духовнаго въ человѣкѣ.	12.

ГЛАВА II. ОБЗОРЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СТО- РОНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ:

1. Тѣло, какъ органическій составъ.

Главные признаки органическаго бытія вообще. 13.

а) О р г а н и з а ц і я :

Общій признакъ орудныхъ и неорудныхъ
тѣлъ; и въ частности: отличительные при-
знаки тѣлъ—

неорудныхъ, 14.

орудныхъ. 15.

Условіе для происхожденія тѣлъ орудныхъ:
жизненная сила. 16.

б) Ж и з н ь :

Понятіе о жизни орудныхъ тѣлъ. . 17.

Признаки орудной жизни: а) со стороны измѣ-
ненія тѣлъ, б) его періодовъ и в) основа-
нія,—какъ свидѣтельство присутствія въ
орудныхъ тѣлахъ жизненной силы. 18.

Разнообразіе формъ орудной природы, какъ
новое доказательство существованія въ ней
жизненной силы и приминеніе этого заклю-
ченія къ человѣческому тѣлу. . 19.

2. Душа въ обширнѣйшемъ смыслѣ.

а) Ж и з н е н н а я с и л а :

Ея необходимость для объясненія организаціи и
жизни человѣческаго тѣла. 20.

Отправленія жизненной силы: родовое и инди-
видуальныя. . . 21.

Ихъ отличіе отъ прочихъ дѣйствій души 22.

б) Д у ш а в ѣ т ѣ с н о м ѣ с м ы с л ѣ , —

§§.

Какъ начало созпательныхъ и свободныхъ от- правлений; и раздѣленіе ихъ на чувствешныхъ и разумныхъ.	23.
Показаніе чувствешныхъ и разумныхъ отправле- ній, и ихъ значеніе.	. . 24-25.
аа) душа въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и	
бб) духъ.	26.
<i>Соотношеніе различныхъ духовныхъ началъ въ человѣкѣ:</i>	
Тождество души и духа.	27.
Тождество души и жизненной силы. .	28-9.

ГЛАВА III. ОПРОВЕРЖЕНІЕ МАТЕРІА- ЛИЗМА.

Понятіе о психологическомъ матеріализмѣ и его раз- дѣленіе.	30-1.
Матеріализмъ въ тѣсномъ смыслѣ;	32.
— — механическій.	33.
Происхожденіе психологическаго матеріализма; его основаніе и опроверженіе этого основанія. .	34.
Дальнѣйшіе доводы неосновательности матеріализма.	35.

ГЛАВА IV. МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ ДУШИ.

Возможность внутрьпробыванія души въ тѣлѣ;	36.
Неосновательность мнѣній, противоположныхъ поня- тію о внутрьпробываніи души въ тѣлѣ, и спра- ведливость этого именно понятія.	37-8.
Образъ существованія души (какъ жизненной силы и души въ тѣсномъ смыслѣ) по всемъ тѣлѣ.	39.
Образъ существованія созпательной и свободной ду- ши во всей нервной системѣ.	40.
Невозможность рѣзко разграничить мѣстопребываніе	

души сознательной и свободной и души связанной организмомъ.	§§. 41.
--	------------

ГЛАВА V. ОСНОВНЫЯ СВОЙСТВА ДУШИ.

Понятіе объ основныхъ свойствахъ души.	42.
--	-----

Субстанціальность.

Понятіе о субстанціи, и противники этого поня- тія: идеалисты и пантеисты.	43.
Идеалистическое понятіе о душѣ;	44.
Его опроверженіе.	45.
Реалистическій пантеизмъ и его опроверженіе.	46.

Простота души.

Понятіе о простотѣ души и дѣйствительность ея въ душѣ.	47.
Полюсы душевнаго бытія. . .	48.
Связь души со всеобщимъ <i>жизнію</i> : съ жизнью цѣ- лаго человѣческаго рода, другихъ индивидуумовъ и всей прочей природы.	49, 50.
Истинный смыслъ реализма. . .	51.

ГЛАВА VI. СПОСОБНОСТИ ДУШИ.

Раздѣленіе дѣйствій души по ихъ отношенію къ міру и тѣлу. .	52.
а) Основа и соотношеніе дѣйствій растительныхъ, животныхъ и разумныхъ: тождество души и духа и проблема объ отношеніи къ нимъ ра- стительныхъ дѣйствій въ человѣкѣ.	53 4.
б) Основа и соотношеніе способностей познанія, чувствованія и желанія: Различіе между познаніемъ, чувствованіемъ и волею; ихъ основаніе: способности души.	55.
Сведеніе этихъ способностей къ первой ихъ основѣ:	

Сведеніе это не можетъ быть сдѣлано метафизически, ни приведено только къ одному началу; . .	56.
Не можетъ быть приведено къ одному только мышленію, или сознанию; оно предполагаетъ еще волю. . .	57.
Понятіе о сознаниі и воли.	58.
Сведеніе къ нимъ всѣхъ явленій душевной жизни.	59.
Главное основаніе дѣйствій познанія и практическихъ отправленій.	60.
Главная основа чувствованій	61.
Относительность тождества въ ней сознанія и воли.	62.
Опредѣленіе душевныхъ способностей и развѣтвленіе ихъ въ чувственной и духовной области. .	63.
Безусловное тождество началъ души.	64.
в) Соотношеніе дѣйствій растительныхъ и душевныхъ: соотношеніе растительныхъ возбужденій къ началамъ душевной жизни вообще.	65.
Въ частности: соотношеніе воли съ раздражительностію мышцъ, и сознанія—съ возбужденіемъ къ органическому образованію. . .	66.

ЧАСТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Ея раздѣленіе.

ОТДѢЛЪ I. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ.

Понятіе о познаниі и раздѣленіе познавательной способности.	68.
---	-----

ГЛАВА I. ВНѢШНЕЕ ЧУВСТВО.

Опытное понятіе о чувственномъ наблюденіи и отличіе его отъ ощущенія.	69-70.
Число чувствъ.	71.
Распорядокъ ихъ теоретическій и практическій. .	72.
Обзоръ содержанія чувственнаго наблюденія:	
Раздѣленіе этого содержанія	73.
а) Частныя наблюденія отдѣльныхъ чувствъ:	
Зрѣнія и слуха. . . .	74.
Осязанія:	
а) Ощущеніе температуры, б) давленія, и в) силы.	75.
Характеръ наблюденій давленія и силы; ощущеніе сухаго и мокраго.	76.
Вкуса и обонянія.	77.
б) Общія наблюденія многихъ чувствъ:	
Обонянія и вкуса, Зрѣнія и осязанія:	
а) Протяженіе, б) фигура и в) движеніе.	78-9.
Зрѣнія, осязанія и слуха. отдаленность и на- правленіе.	80.
в) Общее содержаніе всѣхъ чувствъ: простран- ство и время; бытіе и измѣняемость.	81.
Замѣвъ одного чувства другимъ.	82.
Условія чувственнаго наблюденія.	83-4.
Донынѣшняя теорія чувственнаго наблюденія:	
а) Ея содержаніе.	85.
б) Ея недостатки:	
аа) Она и сама предполагаетъ непосредствен- ное наблюденіе;	
бб) Не объясняетъ, какимъ образомъ чувствен-	

	§§.
вья впечатлѣнія переходятъ черезъ нервы въ душу;	
вв) Не показываетъ, какъ душа распоряжаетъ ся съ принятыми впечатлѣніями;	
гг) Ведетъ къ идеализму.	86-7.
<i>Новая теорія чувственного наблюденія:</i>	
Ея содержаніе. . .	88.
Разъясненіе новой теоріи:	
<i>З р ѣ н і е:</i>	
Описаніе глаза.	
Происхожденіе и положеніе образа предмета на глазной сѣточкѣ.	90.
Условіе яснаго созерцанія предмета: при- чина близорукости и дальнорукости; ясное видѣніе отдаленнѣйшихъ и ближайшихъ предметовъ. .	91.
Предлежательность зрѣнія;	92.
Значеніе, относительно зрѣнія, образовъ от- ражающихся на сѣтчатой оболочкѣ и гла- вное назначеніе глаза.	93.
Предметы зрѣнія: цвѣта предлежательные; изъясненіе подлежательныхъ.	94.
Направленіе и протяженіе: ихъ предлежа- тельность. .	95.
<i>С л у х ѣ:</i>	
Описаніе слуховаго органа.	96.
Назначеніе уха.	97.
Слышаніе: его предлежательность.	98.
Единичность зрѣнія и слуха при двойномъ органѣ того и другаго	99. 100.
<i>О с л ѣ н і е.</i>	
Описаніе органа ослѣзанія вообще.	101.

Органъ ощущенія въ частности: внешней температуры, давленія и силы. .	§§. 102.
Предлежательность осязанія. .	103.
<i>Обоняніе и вкуса:</i>	
Устройство органовъ обонянія и вкуса и условіе того и другаго.	104.
Предметъ обонянія и вкуса и ихъ предлежательность. .	105.
Дѣятельность разумнѣя, затаенная въ чувственомъ наблюденіи.	106.

ГЛАВА II. САМОСОЗНАНІЕ ИЛИ ВНУТРЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Понятіе о внутреннемъ чувствѣ.	§ § 107.
Содержаніе его.	108.
Трудность наблюденія <u>внутренней дѣятельности</u> и характеръ его. . .	109.
Отправленіе внутреннего чувства.	110.
Предлежательная годность внутреннего наблюденія.	111.

ГЛАВА III. СПОСОБНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

Понятіе о ней и раздѣленіе ея. : . .	112.
1. Сила воспріятія.	
Ея назначеніе.	113.
Отличіе представлений отъ наблюдаемаго содержанія	114.
Раздѣленіе представлений на естественныя и искусственныя. .	115.
Предметъ представлений и способъ ихъ сообщенія. . .	116.
Замѣчаніе, какъ особое дѣйствіе силы воспріятія	

тія: отношеніє замѣчанія къ наблюденію и усо-	§§.
вершенствованію наукъ.	117.
Сущность представленій.	118.
Способъ образованія нашихъ представленій.	119.
Предъопытныя формы ихъ.	120.
Разности въ способности воспріятія.	> 121.
2. П а м я т ь.	
Понятіє о памяти.	122.
Образъ сохраненія въ ней нашихъ представленій:	
По грубому понятію матеріалистическому,	123.
По нашему взгляду;	124.
Отношеніє памяти къ первой системѣ.	125-6.
3. Способность воспоминанія.	
Условія возобновленія представленій памяти.	127.
а) Тѣлесныя и духовныя раздраженія.	128.
б) Соприкосновеніє понятій и его законы.	129.
Употребленіє законовъ его.	130.
Сводъ законовъ соприкосновенія къ одному	
основанію.	131.
Понятіє о воспоминаніи.	132.
Разности памяти: по степенямъ.	133.
и родамъ.	134.
Мнемоника.	135-6.

ГЛАВА IV. ВООБРАЖЕНІЕ ИЛИ ФАНТАЗІЯ.

Понятіє о воображеніи или фантазіи.	137.
Отличіє творчества фантазіи отъ представленій	
силы воспріятія и памяти: правдоподобіє и	
возможность.	138.
Непроизвольность творческой фантазіи.	139.
Произведенія фантазіи:	
а) содѣйствіє другимъ способностямъ	140.

б Ея созданія самостоятельныя.	§§. 141.
Понятіе объ идеалѣ.	142.

ГЛАВА V. РАЗУМѢНІЕ.

Главные стороны разума:	143.
-------------------------	------

1. Разсудокъ, какъ низшая сторона разума.

Акты мышленія и познаванія разсудка.	144.
--------------------------------------	------

а) П о н я т і е.

Понятіе о немъ и отличіе отъ представленій.	145.
---	------

Остроуміе, какъ способность понятій; его дѣйствія и видоизмѣненія.	146.
--	------

Сличеніе и различеніе, какъ дѣйствія остроумія.	147.
---	------

Разработка представленій и приемы, какіе употребляются при этомъ остроуміе.	148.
--	------

Образованіе положеній, понятій и системы.	149.
---	------

Разности образованія понятій: понятія естественныя и искусственныя.	150.
---	------

Преимущество послѣднихъ предъ первыми.	151.
--	------

б) П о н и м а н і е.

Понятіе о немъ и отличіе отъ наблюденія и замѣчанія.	. 152-3.
--	----------

Важность пониманія и его разности.	154.
------------------------------------	------

Смыслъ, какъ способность пониманія, и противоположность смысленности.	155.
---	------

в) С у ж д е н і е.

Главные роды сужденія:

а) Категорическое сужденіе:

Сходство его съ пониманіемъ и отличіе отъ него по формѣ и содержанію.	. . 156-7.
---	------------

- §§.
- Отличіе его отъ простаго положенія. 158.
- Отличіе сужденія отъ пониманія и положенія,
замѣчаемое въ окружности душевной жизни. 159.
- б) Причинное сужденіе:
- Его предметъ и сходство съ пониманіемъ
и сказательнымъ сужденіемъ и отличіе отъ
нихъ. 160.
- Сочетапіе цѣли и средствъ, какъ видоизмѣ-
неніе причиннаго сужденія. 161.
- Сила сужденія, какъ способность сужденій. —
- г) Выводъ слѣдствій.
- Его различныя направленія:
- а) Выводъ слѣдствій въ житейскомъ отно-
шеніи и способность этого вывода—
благоразуміе. 162.
- Видоизмѣненія благоразумія. 163.
- б) Научный выводъ слѣдствій и его спо-
собность умъ. 164.
- Соотношеніе смысла, силы сужденія и ума. 165.
- Сущность разсудка и мышленія:
- Понятіе о разсудкѣ. 166.
- Понятіе о мышленіи, какъ существенномъ от-
правленіи разсудка: 167.
- а) Мышленіе по его положенію въ кругу про-
чихъ познавательныхъ отправленій 168.
- б) Мышленіе по его *содержанію*; и сведеніе
его отношеній къ двумъ основнымъ: то-
ждеству и причинности 169-70.
- в) Мышленіе по его *формѣ*, какъ посред-
ственное познаніе. . 171.
- Приминеніе посредственнаго представле-

нія къ предмету. §§.
172.

ГЛАВА VI. СПОСОБНОСТЬ ОСТРОТЪ.

- Сходство способности остротъ съ остроуміемъ и
отличіе отъ него; и ея участіе въ прочихъ дѣй-
ствіяхъ мышленія. 173-4.
- Отправленія способности остротъ и ихъ выраженіе. 175.
- Понятіе объ остротъ и способности остротъ. . . 176.
- Виды остротъ, зависящія:
- а) Отъ расположенія духа и намѣренія; . . 177.
 - б) Отъ различнаго выраженія понятій. . 178.

ГЛАВА VII. ВЫСШАЯ СТОРОНА РАЗУ- МЪНІЯ, ИЛИ

2. Разумъ.

- Понятіе о разумѣ и идеяхъ. . . 179.
- Дѣйствительность въ насъ разума и начало идей. 180.
- Способъ происхожденія идей. . 181.
- Главные идеи разума. 182.
- Первоначальная неясность идей и процессъ ихъ
развитія. 183.
- а) Воспріятіе идей сердцемъ: превращеніе ихъ
въ чувство истиннаго, добраго и прекраснаго
и степени сердечнаго воспріятія. . . 184.
 - Развитіе чувства истинны добра и красоты
въ подчиненныя идеи. 185.
 - б) Переходъ идей въ фантазію: превращеніе
ихъ въ представленія и отношеніе къ есте-
ственной Религіи и философій. 186.
 - в) Вліяніе разсудка на первоначальный образъ
представленія идей въ фантазіи:
Вліяніе отрицательное и его слѣдствіе. 187.

§§.

Положительное вліяніе:

Анализъ идей. 188.

Синтезъ ихъ:

Противоположность идей и понятій. 189.

Ихъ примиреніе. 190.

г) Осуществленіе идей въ жизни человечества:
отсюда—новое ихъ раздробленіе въ законо-
дательствѣ, искусствѣ и наукѣ. 191.

Восполненіе идей и высшій ихъ синтезъ въ
Религіи. 192.

ГЛАВА VIII. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ.

Различіе познавательныхъ способностей, зависящее:

Отъ различнаго отношенія сознанія къ волѣ и къ
его закону,—истинѣ; 193.

Отъ различія возрастовъ, половъ и преобладанія
какой либо стороны сознанія. 194.

ОТДѢЛЪ II. ЧУВСТВОВАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ.

ГЛАВА I. О ЧУВСТВОВАНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Отношеніе чувствъ къ познанію и дѣйствию. 195.

Понятіе о чувствованіи. 196.

Основа чувствованій: возбужденіе и понятіе о нихъ. 197.

Общій характеръ чувствованій. 198.

Развитіе возбужденія, какъ кореннаго начала души,
въ чувствованія, желанія и страсти. 199.

Общій характеръ желаній и страстей и относи-
тельность чувствованій. . 200.

Чувствованія безразличныя и смѣшанныя. 201.

Степени чувствованій и раздѣленіе ихъ. .	§§. 202.
--	-------------

ГЛАВА II. ОЩУЩЕНІЯ.

Способъ ощущенія:	
Обыкновенное его изъясненіе.	203.
Его неудовлетворительность.	204.
Подлинное понятіе о способѣ ощущенія. . . .	205.
Разные роды ощущеній:	
Непосредственныя и чистыя ощущенія.	206.
Посредственныя:	
Ихъ мѣстопробываніе.	207.
Безразличныя ощущенія теплоты и холода.	208.
Опредѣленнѣйшія ощущенія организаціи, жи- зни и той и другой совмѣсто. . .	209-10.

ГЛАВА III. ЧУВСТВОВАНІЯ.

Понятіе о чувствованіяхъ и раздѣленіе ихъ на естественныя и святыя. . .	211.
Подраздѣленіе тѣхъ и другихъ на теоретически и практическія. . .	212.

1. Естественныя чувствованія:

1. Теоретическія возбужденія вообще.	213.
а) Самовозбужденіе къ познанію; его виды;	214.
б) Эстетическое возбужденіе; виды изящ- наго; изящное чувственное, смѣшенное и духовное.	215.
Ближайшее понятіе объ этихъ видахъ " изящнаго.	216.
2. Практическія естественныя возбужденія.	217.
а) Эгоистическое чувствованіе вообще; . .	218.
Его видоизмѣненія.	219.
б) Сердечное чувствованіе вообще;	220.

§§.

Его видоизмѣненія. 221.

Чувство чести и симпатія, какъ сочетаніе
эгоистическаго и сердечнаго возбужденія. 222.

2. Святыя чувствованія:

Понятіе о нихъ и ихъ раздѣленіе. . 223.

а) Благоговѣніе и его виды. 224.

б) Нравственное чувствованіе или совѣсть:

Ея основаніе. 225.

Ея виды. . . 226.

ГЛАВА IV. ТЕМПЕРАМЕНТЪ.

Понятіе о темпераментѣ. , 227-8.

Раздѣленіе его: . . 229.

Меланхолическій или Англіійскій; его виды. 230.

Флегматическій или Нѣмецкій и его видоизмѣненіе 231.

Холерическій или Англіійскій, и сангвиническій
или Французскій съ ихъ видоизмѣненіями. 232.

Смѣшеніе различныхъ темпераментовъ. . . 233.

ОТДѢЛЪ III. ЖЕЛАТЕЛЬНЫЯ СПОСОБНОСТИ ИЛИ ВОЛЯ.

ГЛАВА I. О ВОЛѢ ВООБЩЕ.

Понятіе о волѣ и хотѣніи 234.

Соотвѣтствіе желательныхъ способностей съ призна-
тельными. . . . 235.

Отношеніе степеней развитія воли къ возрастамъ
человѣческой жизни; и главныя стороны воли. 236.

ГЛАВА II. ТѢЛЕСНОЕ ВЫРАЖЕНІЕ ВОЛИ.

Тѣлесныя средства выраженія воли . 237.

а) В з г л я д ъ :

Выразительность взгляда. 238.

Сила взгляда; его влияние на сердца других;
основание выразительности его. . . 239-40.

б) Движеніе мышцъ:

Понятіе о мышцахъ и ихъ движеніи. . . 241.
Средства мышечнаго движенія. . . 242.
Участіе въ мышечномъ движеніи души и са-
мыхъ мышцъ. . . 243 4.
Сила мышцъ. . . 245.
Нервы мышцъ, ощущающіе и движущіе. . . 246.

в) Голосъ.

Способъ его происхожденія; тонъ и крѣпость
голоса. . . 247.
Языкъ; его происхожденіе и образованіе. . . 248-9.

г) Тѣлодвиженіе:

~~Главные виды его; выразительность мимики.~~ 250.
Орудія членодвиженія и самыя движенія. . . 251.
Опредѣленное выраженіе членодвиженія ; под-
ражаніе другимъ. . . 252.

ГЛАВА III. СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.

Отношеніе свободной воли къ другимъ желатель-
нымъ способностямъ. . . 253.
Довыѣшшіе взгляды на человѣческую волю: де-
терминизмъ и индетерминизмъ. . . 254.
Основанія детерминизма. 255.
Сужденіе объ нихъ. 256.
Основанія индетерминизма. 257.
Подлинный психологическій взглядъ на образъ
человѣческаго дѣйствованія. . . 258.
Сущность свободы или свободнаго выбора. 259.
Переходъ свободы въ характеръ; правило, при-

вычек , нравъ.	§§. 260.
Задача свободы и кругъ ея дѣятельности.	261.
Исходный пунктъ свободы—природа, конечный пунктъ—характеръ.	262.
Средній пунктъ между ними—природное расположение.	263.
Независимость свободы отъ природы, характера и природнаго расположенія.	264.
Примиреніе детерминизма и индетерминизма.	265.

ГЛАВА IV. ПРИРОДНОЕ РАСПОЛОЖЕНІЕ.

Понятіе о природномъ расположеніи: его отношеніе къ способности чувствованій, къ возбужденію природы и характеру.	266.
Проявленія природнаго расположенія	
Преходящія: потребность, желаніе, вождельніе, склонность. .	267.
Постоянныя: страсть и любовь; отношеніе ихъ къ возбужденіямъ; отличіе страстей отъ пороковъ души.	268.
Добро и зло природнаго расположенія и его возбужденій:	
Низшія и высшія возбужденія природнаго расположенія; понятіе о тѣхъ и другихъ возбужденіяхъ и ихъ соотношеніе.	269.
Нормальная мѣра возбужденій и ихъ уклоненіе отъ этой мѣры, какъ коренное зло нашей природы. .	270.
Нормальное и ненормальное развитіе низшихъ и высшихъ возбужденій.	271.

1. Природное расположеніе низшихъ возбужденій:

§§.

а) *Чувственныхъ:*

Главные виды чувственныхъ пожеланій. 272.

Въ частности, потребности и пожеланія:

а) Въ произвольномъ движеніи членовъ;

б) Процессъ питанія и

в) Половомъ возбужденіи. 273.

б) *Эгоистическихъ:*

а) Чувство свободы и права съ ихъ видоизмѣненіями;

б) Чувство собственности. 274.

в) Наклонность къ чести: ея достоинство; противоположность; видоизмѣненія съ вѣшной стороны; сторона внутренняя—самоуваженіе, съ его видоизмѣненіями. 275.

а. Природное расположеніе высшихъ возбужденій:

Понятіе о нихъ.

а) Возбужденія *естественныя или міровыя:*

а) Наклонности теоретическаго возбужденія;

б) ————— эстетическаго;

в) Стремленія сердечнаго возбужденія;

Различныя формы любви.

г) Стремленія симпатическаго возбужденія;

д) Природное расположеніе свободной воли. 276.

б) Возбужденія *святые:*

Общее понятіе о нихъ и развитіе религіознаго и нравственнаго возбужденія. 277.

а) Природное расположеніе нравственнаго возбужденія;

б) ————— религіознаго съ его видоизмѣненіями. 278.

ГЛАВА V. ХАРАКТЕРЪ.

Понятіе о характерѣ.	279.
Господствующія понятія о добродѣтели.	280.
Частіе: понятія индетерминистовъ, детерминистовъ и понятіе посредствующее между ними: истинность послѣдняго. .	281.
Понятіе о порокахъ.	282.
Главные виды характера; число добродѣтелей, ихъ содержаніе, добродѣтели древнихъ.	283.

1. Чувственный характеръ чело- вѣка:

Характеръ возбужденія мышцъ: трудолюбіе и
лѣность;

Возбужденія къ питанію: умеренность и невоз-
держъ

Половаго возбужденія: чистота и сладострастіе. 284.

2. Духовный характеръ челоуѣка:

а) Характеръ сознанія:

Естественная любовь истины и изящества и
преобразованіе ея въ нравственную любовь
къ истинѣ. 285.

Особенная форма, получаемая добромъ природ-
наго расположенія чрезъ его преобразованіе. 286.

Характеръ возбужденія теоретическаго: муд-
рость и глупость, и эстетическаго: прав-
дивость. 287.

Противоположность правдивости и ея видо-
измѣненія. 288.

б) Характеръ воли:

Характеръ возбужденія къ самосохраненію:

самостоятельность и самоуниженіе;	§§.
Характеръ нашихъ правъ:	289.
Честность и благородство, съ ихъ противо- положностями;	
Справедливость и снисходительность, съ ихъ противоположностями	230.

ПОГРЪШНОСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечат.</i>	<i>Чит.</i>
— 3	— 5	и органами	и ихъ органами
— 6	— 10, 11.	должно быть обра- щено	должны быть обращены
— 55	— 10	взгляду	взгляду
— 61	— 15	изъясняющее	изъясняющее
— 71	— 22	воли.	воли.
— 93	— 15	человѣческаго об- разованія.	человѣческому образова- нню.
— 99	— 16	слабое давленіе;	слабое сопротивленіе да- вленію;
— 100	— 6	уступающимъ дав- леніемъ;	уступающимъ сопроти- вленіемъ давленію;
— —	— 15	внушаемымъ,	внушаемымъ,
— 105	— 8	связь съ временемъ,	связь ея съ временемъ, —
— 126	— 22	Крѣпкая	Твердая
— 135	— 10	§ 49.	§ 94.
— 205	— 15	сближенія одного	сближенія образа одного
— 206	— 12	различія	различія
— 225	— 5	одно представленіе	представленіе
— 230	— 6	такъ какъ заклю- ченіе	такъ какъ въ немъ за- ключеніе
— 241	— 19	приминенія	примѣненія
— 260	— 3	подобнаго	похожаго
— 269	— 11	идеи	идеи
— 296	— 19	чужими.	чужими.
— 306	— 14	последнее	не последнее
— 323	— 5	внутренней	внутренней
— 328	— 3	нѣжныя	нѣжныя
— 336	— 10	воли,	воли,
— 349	— 5	суріознымъ	серіознымъ
— 352	— 3	чувствительности	чувствительности и не-
		недостатка	достатка
— 370	— 3	выигрывали	выигрывали
— 380	— 2	влекти	влекъ
— 383	— 6	противорѣчащее	противорѣчащее
— 385	— 7	по всякому	ко всякому
— 400	— 11	съ свободнымъ уси- ліемъ	свободнымъ усиліемъ
— 429	— 11	привіемъ	привіемъ
— 441	— 11	хвалится	напрасно хвалится
— 444	— 22	воли.	воли.

